

АЛЬМАНАХ по истории русского баптизма

Выпуск 5

*К 150-летию крещения
первого русского баптиста*

«Библия для всех»
Санкт-Петербург
2018

Составитель
Алексей Валерьевич Синичкин

В пятом выпуске Альманаха по истории русского баптизма помещены материалы, опубликованные в изданиях начала двадцатого века, в 1910-х — 1912-х годах (журналы «Баптист», «Гость» и др.), которые повествуют о зарождении и развитии баптистского движения в Южной России, о том, как подтверждалась истинность этого вероучения в ходе исторических изменений в религиозной жизни страны. Каждый очерк содержит подлинные свидетельства того, какие страдания, гонения и преследования понесли верующие в ходе распространения новых взглядов на учение Христа.

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может быть скопирована или опубликована какими-либо средствами (печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими и т. п.) без предварительного письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-7454-1510-4

© «Библия для всех», 2018

***Памяти
Марины Сергеевны Каретниковой***

Оглавление

<i>Дей Иванович Мазаев</i> НАЗВАНИЕ «БАПТИСТЫ»	6
<i>Дей Иванович Мазаев</i> МЫ — БАПТИСТЫ	11
<i>Василий Васильевич Иванов</i> ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО БАПТИЗМА.....	15
<i>Иоганн Ефремович Прицкау</i> ИСТОРИЯ БАПТИСТОВ В ЮЖНОЙ РОССИИ.....	44
Иван Дементьевич Лясоцкий ИЗ ЗАПИСОК ССЫЛЬНОГО	105
А.А.Н. ПОЯВЛЕНИЕ БАПТИЗМА В АХТУБИНСКОМ КРАЕ.....	129
Федот Петрович Костромин МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ.....	149
Федот Петрович Костромин ВОСПОМИНАНИЯ.....	155
Василий Гурьевич Павлов НАЧАЛО, РАЗВИТИЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ БАПТИЗМА СРЕДИ РУССКИХ	160
<i>Дей Иванович Мазаев</i> ГОНЕНИЯ МЕРТВЫХ.....	172
Михаил Тимошенко ИВАН РЯБОШАПКА.....	175

Федор Прохорович Балихин	
МОИ МЫТАРСТВА.....	182
БАПТИЗМ И ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ	
ИСПОВЕДАНИЕ.....	187
Василий П. Степанов	
БЕСПЛАТНЫЙ ЗАЩИТНИК ДЛЯ ВСЕХ..	192
Сергей Белоусов	
МОЛОКАНСКОЕ КРЕЩЕНИЕ	203
И. И.	
КАК Я ОБРАТИЛСЯ КО ХРИСТУ	210
А. А. Н-ов	
МОЕ ВОСПИТАНИЕ	
И ОБРАЩЕНИЕ КО ХРИСТУ	216

Дей Иванович Мазаев

НАЗВАНИЕ «БАПТИСТЫ»

Многие из наших братьев смущаются этим нерусским названием и просят или объяснить его или же, оставив, заменить каким-нибудь другим русским или, если возможно, библейским названием вроде — «христиане, крестящие по вере», «евангельские христиане» и проч.

Не придавая особой важности наименованию, хотя даже не только чисто русскому, а и неоспоримо библейскому или евангельскому, ибо не важно, по нашему мнению, какое присвоить себе громкое название — «православных», «правовверных», «истинных» и «евангельских христиан», но безусловно важно и безусловно необходимо быть истинно евангельскими христианами и не вносить из-за названий и ярлыков распрей и раздоров в Церковь Господню и не разрывать единства таковой ни под каким предлогом, ибо целость Церкви и ее мир несравненно выше и дороже всякого наименования. Таково наше мнение и таков наш образ действий был, есть и, надеемся, будет и впредь.

Нынешнее наше название — «баптисты» и название первых учеников Господа — «христиане» — одинаково нерусское, даже больше — одинаково греческое. Название первых учеников происходило от греческого слова «хрисма» — помазание; Христос — помазанник; наше настоящее название происходит от греческого же — «баптизма» (крещение, погружение). Первые ученики не боялись называться чуждым для них греческим названием; можем не бояться этого и мы, тем более, что, как уже сказано выше, важно не название и не происхождение названия, а суть дела.

Принимая во внимание, что известное нам в Священном Писании под греческим названием «баптизма» первоначальное крещение не было обливанием, не преподавалось и, судя по смыслу его установления, не могло преподаваться младенцам, а совершалось посредством погружения и только над такими лицами, которые предварительно веровали и каялись. Мы признаем, что христиане всяких наименований, которые с нами во всем, кроме крещения, вполне согласны, но которые крещены в младенчестве и крестят своих детей, не могут называться баптистами, хотя бы они того желали, ибо право называться и быть баптистом зависит не от желания, не от его согласия с нами и даже не от его веры, а исключительно только от евангельского способа крещения, освященного и заповеданного Самим Господом. Поэтому-то наши отдаленные предшественники, желая сохранить первоначальный порядок христианского крещения, удержали за собой и то название, которым как в греческом подлиннике, так и в переводах — латинском, французском, английском и др. называется первый «посланный от Бога» креститель — Иоанн (баптистес).

Рассуждая таким образом, мы можем встретиться с вопросом: какое отношение имеем или вообще можем иметь мы, русские, к тем людям, которые когда-то и где-то за границей приняли это название?

Апостол Павел, говоря с коринфскими христианами, спрашивает их: «Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?» (1 Кор. 14:36) Эти два вопросительных знака в связи со словами одного из предшествующих стихов той же главы: «Так бывает во всех церквах у святых» (ст. 33) устанавливают между отдельными церквами святых известную связь и даже больше, чем связь, а и некоторую взаимную друг от друга зависимость. В силу этой связи и взаимной зависимости мы, во-первых, должны сказать, что Слово Божие вышло не от нас, а, во-вторых, — что особенно важно, — что оно достигло не до нас одних, а достигло и до многих других и не одновременно с нами, а несравненно раньше. Мы же, обращенные в последние дни, не образуем какого-то отростка, оторванного от корня, а соединяемся посредством веры и единства духа с Телом Христовым — с Его Церковью и, следовательно, приобщаемся к сонму тех святых, которые раньше нас уверовали во Христа и раньше нас Духом Святым устроились «в жилище Божие».

Конечно, не секрет и не тайна, что за границей существуют не одни баптисты, а что есть кроме баптистов много других верующих и живых христиан евангелического характера; так почему же мы останавливаемся на одних только баптистах и принимаем именно их название, а не другое какое? Вполне естественно, ибо если бы мы ныне, как некогда наш русский князь Владимир, послали своих послов искать «правой веры», то мы уверены, что наши послы не остановились бы ни на католиках, ни на лютеранах, ни

на методистах и ни на какой другой евангельской общине, а остановились бы только на одних баптистах, и только потому, что у баптистов, как и у апостолов, Тот же один Господь, та же одна вера и именно то же самое одно крещение, — чего вы ни у какой другой христианской общины никогда и нигде не найдете...

Для того чтобы убедить всех принять наше название, сказанное нами, мы находим далеко не достаточным, но для себя самих, чтобы из-за названия не спорить, мира церкви не нарушать и чтобы не разрывать ее единства, мы признаем сказанное вполне достаточным, и к этому можем еще добавить, что, если бы мы пошли на уступки и в интересах полного церковного мира согласились принять какое-либо другое название вроде «евангельских христиан» и проч., это не внесло бы в церковь желанного мира, а, наоборот, было бы лишь началом распрей и большого раскола. Ибо, не приняв названия «баптисты» как нерусского, мы, естественно, не должны мириться и с теми из детей Божиих, которые называются «меннонитами», так как и это название тоже нерусское и тоже не взятое из Евангелия, и мы, доселе спокойные, дали бы таким образом вовлечь себя в нежелательную борьбу с нашими же братьями и должны были бы, оставив Слово Божие, печься о названии и ратовать за него. Кроме этого мы оказались бы вынужденными ради какой-нибудь одной-другой сотни беспокойных и немощных наших братьев порвать связь и разрушить наше единство с десятком миллионов заграничных баптистов, которые составляют с нами одно Тело и один Дух, каковой разрыв для нас тем более нежелателен, что в то время, когда наши братья здесь кричат и спорят о названиях, те уже давно «отплыли на глубину», давно во все пле-

мена земные «закинули сети свои для лова» и уже приближаются к берегу, «таща сеть с рыбою».

Не имея обычая спорить, мы предоставляем всякому желающему спорить полную свободу действий, зная, что всякий из нас будет в свое время держать пред Вечным Судьей свой ответ, и, признавая, что название «баптист», которое носят миллионы наших лучших братьев за границей и носят уже сотни лет, не составляет ни греха перед Богом, ни позора перед людьми. Мы, как принявшие от них слово Господне и как во всем с ними согласные, останемся с тем же названием и вместе с тем охотно протянем руку общения и с радостью дадим лобзание мира — лобзание братской во Христе любви и всем тем, кои будут «веровать и креститься», — какое бы название они ни носили и каким бы именем ни назывались!

«Бантисм». 1907. №1. С.1.

Дей Иванович Мазаев

МЫ — БАПТИСТЫ

Один из наших подписчиков просит нас объяснить происхождение и значение нашего названия — «баптисты». А так как наше название было уже объяснено в № 1-м нашего журнала за 1907 год, каковой № может быть всякому желающему за две семикопеечных марки охотно выслан, то снова касаться этого вопроса мы уже не находим необходимым; ввиду же того, что многие пленяются красивым наименованием «евангельские христиане», находя его и чисто русским, и чисто библейским, мы скажем по этому поводу два-три слова.

Мы знаем, что есть в мире религии и секты с очень хорошими наименованиями, как, например, «правоверные», «православные», «евангельские», «духовные», «святые», «церковь Божья» и проч. и проч., но, несмотря на это, мы все же предпочитаем оставаться при своем и вот почему. Наше мнение как всегда было, так и поныне остается неизменным, что суть дела не в названии, и что название ничего к данному сообществу не прибавляет, равно как и ничего отнять не может, а, скорее, оно выражает своего рода челове-

ческую слабость — тщеславие. Говорят, что в одном городе и на одной и той же улице было трое портных, из коих один написал на своей вывеске: «Лучший портной во всем мире», другой написал: «Лучший портной в этом городе», а у третьего было написано: «Лучший портной на этой улице» Всякому, конечно, понятно, что определить по этим вывескам, какой из этих троих портных был на самом деле лучшим, нельзя, но одно ясно, что каждый из них хотел выставить себя как самого лучшего. Наполеон сказал, что памятники стоят прочно только те, которые воздвигает потомство; те же, которые ставят люди себе сами, не прочны и скоро разрушаются. Мы не желаем здесь кого-либо укорить или унижить, избавь Бог, а потому и не будем говорить о том, что получилось бы, если бы о правоверии «правоверных» спросить не их самих, а их соседей, а, только памятуя слова Соломона: «Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои, — чужой, а не язык твой» (Пр. 27:2), скажем, что если бы вывески портных, о которых мы говорили выше, были написаны не ими самими, а их заказчиками, то дело было бы совсем иное, и разница получилась такая огромная, просто несравнимая.

Ученики Христовы апостольских времен назывались, как известно, просто «христианами» без всяких прибавок (Деян.11:26), и делать к этому названию какие бы то ни было прибавки, хотя бы и очень благозвучные, мы не считаем правильным, и не только не делаем этого сами, но и не посоветовали бы другим, так как это первенствующую Церковь, имеющую вечное значение образца и примера, — унижает. Мы, например, знаем, что есть фамилии, к которым вследствие известных заслуг отдельных лиц сделаны прибавки, как то: Кутузов-Смоленский, Суворов-

Рымникский, Дибич-Забалканский и проч., и кому же непонятно, что эти прибавки выдвигали одного отличавшегося Кутузова из среды всех остальных Кутузовых или одного Суворова из ряда всех прочих Суворовых; так и здесь: если к названию «христианин», как назывались первые ученики, прибавить или «духовный», или «евангельский», то из этого получится, что первенствующая Церковь Господа была или менее духовной или совсем не евангельской, так как она такой прибавки не имела. И разница здесь лишь та, что ни Кутузов, ни Суворов своею властью этих прибавок к своим фамилиям не делали, и, следовательно, не сами себе присвоили эту славу, а им ее присвоили другие; сии же последние не захотели подождать, пока им эту славу присвоят другие, а поспешили присвоить ее себе сами.

Мы, баптисты, дорожим нашим наименованием и не расстанемся с ним ни в коем случае, потому что нам оно дано Самим Богом, ибо, как известно, еще задолго до появления баптистов на Руси уже были некоторые секты протестантского характера, не говоря, конечно, об иностранных вероучениях — лютеранском и меннонитском; были духоборцы, старые и новые молокане и так называемые «духовные» и проч., и, однако, Господу **не было** благоугодно хоть одну из них сделать Своим орудием для духовного возрождения нашего народа, и благословение Авраамово о умножении потомства «как песок морской», как «звезды небесные» к ним, очевидно, совсем не относится, и их нисколько не коснулось, ибо ни одна из них не размножилась на земле. Баптисты же, явившиеся сравнительно недавно, с невероятною быстротой распространились по всем направлениям и задают тон всем сектам России, которые, несмотря на некоторое упор-

ство и противление, все же в конце концов воспринимают учение, строй, порядки и правила как в жизни отдельных общин, так и в устройстве съездов, и, если не у себя на Руси, то хоть за границей все же признают духовное превосходство баптистов и льнут к ним.

Отречься же от нашего наименования мы не можем, потому, что, отрекаясь от названия, мы вместе отрекались бы и от славнейших страниц христианской истории последнего столетия, — страниц, написанных слезами и кровью баптистов в суровых ссылках Сибири и Закавказья и мрачных темницах. Если бы баптисты отреклись от своего наименования и если бы эти страницы были из истории вычеркнуты, то это создало бы такую пустоту, какую никакая секта с самым прекрасным наименованием в отдельности, ни все они в совокупности заполнить не в состоянии...

А потому, предоставляя всем желающим изощряться в выборе красивых и благозвучных названий полную свободу, со смирением, а вместе и с достоинством заявим, что мы — баптисты.

«Баптист». 1912. №5.

Василий Васильевич Иванов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО БАПТИЗМА

Глава 1. О возникновении русских баптистов

Так как русский баптизм вытекает из закавказского молоканства, то нужно объяснить религиозное состояние молокан. Всем известно, что и молокане переселились в Закавказский край из разных губерний России: Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Рязанской и др. Также всякий знает, что молокане — ценители преданий старцев. Если и были у них писанные обряды их верования, то они прилагались в разных списках и разными лицами. Поэтому таких догматических молоканских изложений было очень много. Их можно выделить у Ливанова в книгах «Раскольники и острожники». Все они во многом не согласны между собой, но в общем имеют одно направление и одну цель, чтобы во всем противоречить православному. Потому что православные как сами, так и их вероуче-

ние сделалось противно и даже ненавистно для молокан. Такая ненависть и такое отвращение от всего православного истекало у молокан через недобросовестные и жестокие отношения к ним православного духовенства и нравственная крайняя испорченность вообще православного народа. Духовенство принуждало молокан поклоняться иконам, целовать крест, насильно крестило у них детей и возбуждало против молокан тяжкие гонения. Молокане от духовенства и вообще от православия много пострадали, много пролили крови и вынесли самые ужасные пытки. Весь же православный народ своим пьянством, сквернословием и всяким развратом так опротивел молоканам, что они все, что было у православных, считали языческим, и все православие называли «суетным». Обида, нанесенная православным духовенством и вообще православием молоканам и сектантам, до конца еще не забыта. И, может быть, не забудется еще сотни лет.

Ввиду такого отношения молокан к православию появились обряды их веры с большими противоречиями друг другу, но в общем направленные против православного учения, чтобы ниспровергнуть все, что есть у православия. Во-первых, они выступали в своих обрядах против иконопоклонения. Во-вторых, против крещения водою, в третьих, против причастия и проч. Везде старались отвергнуть все видимое и объяснить все духовно и иносказательно. В подтверждение такого объяснения приводили много текстов из Св. Писания и брали их в славянском переводе. Тексты эти были часто неподходящими к делу, а лишь только имели одно созвучие в данном вопросе. Например, о водном крещении приводились всевозможные тексты, лишь бы они имели какой-либо намек о крещении. В Послании к евреям 6:2 по сѣав. переводу говорится: «Учению

о крещених». Этим местом Писания они хотели объяснить, что крещение есть учение Христово. Т.е. кто учит, тот крестит, а кто научился, тот окрестился, и многое тому подобное. Для молокан стало даже противно произносимое православными «Господи Иисусе Христе», «Спаси Христос». Такое произношение считалось «суетным», даже греховным. Если кто из молокан произнесет «Господи Иисусе Христе, помилуй меня» или «Спаси Христос», то таких осуждали, а старушки своих внучат даже и за волосы трепали за такие слова и строго воспрещали так говорить и внушали им, что это слова «суетные».

Как о крещении, о причастии, о иконах, о кресте и о всем другом молокане толковали духовно, так и слова «Господи Иисусе» и «Спаси Христос» заменили словами «Господи!» и «Спаси Господь». Главным образом молокане хотели всеми силами отвратить своих последователей от православия, а не научить истинам Божиим. Легче всего молоканам было привести православных в сомнение относительно истин их верования указанием из Библии о всепрощении.

Когда же молокане переселились в Закавказье (это было в начале 40-х годов прошлого столетия — XIX век), они освободились от преследований за веру, а потому прекращается их борьба с православными. Получив свободу, молокане начали жить более самостоятельной жизнью. Такая жизнь сама собою заставила молокан проверить свои верования. Скоро оказалось у них много недочетов и много взглядов, не согласных с буквальными текстами Библии. Старики были простые и темные, строго держались толкования Писания своих российских наставников и авторитет их ставили выше всего. Другие же больше свежими и свободными взглядами смело стали подвергать критике учения

своих предков. И находили толкования их не согласными со Св. Писанием, и объяснение многих текстов Писания находили в искаженном смысле. Начались по всему самые большие споры в собраниях. Главным образом споры эти появились в 50-х годах прошлого столетия в Шемахинском и Ленкоранском уездах. Споры начались о видимом крещении, о покаянии, о тысячелетнем царстве, о Св. Духе, о назорействе. Появились по всем этим предметам всякие проповедники. Проповедники водного крещения были Наум Фёдорович, Кирилл Кузьмич из с. Алтыагар, Яков Иванович Танасов из с. Джабаны, Никита Иванович Северов из с. Хиламили Шемах. уезда, Василий Миронович из г. Ленкорнай и многие другие. Проповедники о покаянии над человеком, о 1000-летнем царстве, о Святом Духе Михаил Никитич Битов из села Николаевка Лен. уезда. Лукич Иванович из с. Демшанн, Есеев с. Хачинска, Максим Рудаметкин, Гурей Петрович из с. Борисов. Проповедник назорейства Кузьма Алексеевич Кабинетов из г. Шемахи. Все эти молоканские старцы проповедники были с большими способностями, очень были мудры и благочестивы. Они умом привлекали к себе сердца простодушных, которые сильно отдавались им и принимали их учение без всякой критики.

К концу 50-х годов образовались в Закавказской среде молокан различные партии, отделившиеся от старых молокан. Среди них было сильное пробуждение, день и ночь люди молились, постились, читали Библию. Проповедники проехали по селам. Везде были зальные собрания. Люди каялись и возобновлись ожидания конца века и пришествия Христа.

Прежде всех отделились от молокан ученики Михаила Акимовича Попова почти по всем селам Закавказья, начавшись в с. Танчи Гюкчайского уезда (ныне

данного села не существует). Они образовали секту «общих», которые реформировали молоканские богослужения, организовав общество из 12 человек по примеру 12 апостолов, ввели строгую дисциплину на военный лад, так как организаторами были солдаты, отданные на службу за молоканство. Эта секта «общих» отличалась своими сверхъестественными откровениями, и каждый сам принимал их за откровения свыше. И все это толковали на пользу своей секты. Также все Св. Писания приравнивали к своей секте и к молоканам и проч. Например, «Новое небо и новая земля» — это их секта, а «Прежнее небо и прежняя земля» — это молоканство; море — это мир — православие. По такому толкованию и по откровениям дальше нашли местом убежища сел. Николаевку Ленк. уезда, куда они со всех сел Закавказья переселились и доныне живут там. Эта секта имеет очень много интересного, но мой очерк относится только к баптистам, а поэтому я и не буду распространяться о ней.

Вслед за сектой «общих» отделилась от молоканства секта «водного крещения». Эта секта появилась главным образом в сел. Алты-Агарь, и последователи ее появились в селах Шемахинского и Ленкоранского уездов. Эта секта признавала необходимость крещения водой. Чтобы привести свое желание в исполнение, учителя ее Кирилл Кузьмич и Наум Федорович Мировнов и другие предлагали правила крещения и причастия из православных обрядов. Составляли подходящие к делу молитвы и крестили троекратным погружением как взрослых так и детей и причащались хлебом и вином.

Эта секта признавала главным образом спасение в крещении и причастии, и по духу они стали ближе к православию. Но при всем этом ученики «водного

крещения» стали любить Имя Господа Иисуса Христа и свободно произносили Его в молитвах своих. Об искуплении Кровью Христа, о прощении грехов и о возрождении от Духа Святого им не было явно открыто.

К сожалению, секта «водного крещения» недолго стояла, но, близкая по духу учения православного, скоро поддалась искушению. Наставники их Наум Федорович и Кирилл Кузьмич запутались в каких-то казенных подрядах и, чтобы избежать наказания за злоупотребление, приняли православие и многих в с. Алтын-Агарь увлекли за собой. Начальство переселило туда несколько семей православных из России, построило там православную церковь. Из-за такого перехода в православие «водное крещение» для молокан стало ужасным страшилищем, как возвращением в язычество. Все ученики «водного крещения», оставшиеся верными своему убеждению, должны были на некоторое время замолкнуть и не говорить никому об этой истине. Они сочли лучшим опять примкнуть к молоканам, подчиняясь их обрядам. Но втайне держали свою веру.

Вслед за сектой «водного крещения» отделилась секта «прыгунов», которые в начале 60-х годов горячо и быстро распространились по всему Закавказью и благодаря неутомимым проповедникам своим образовали во многих селах большие общины. Секта «прыгунов» признавала покаяние перед человеком, получение видимого действия духа – пророчества и прыгания в собраниях и ожидания наступления 1000-летнего Царства Христова. Эта секта и донныне во многих местах стоит довольно твердо, и члены ее отличаются более благочестием и религиозностью.

Секта назореев, не изменяя ни в чем обряды молоканства, по своему учению почти тождественна между

мормонами и хлыстами. Эта мистическая секта, толкующая всю Библию в иносказательном смысле. Она также близка в понятиях с духоборами. Центр этой секты находится в с. Химмилях в Шем. уезде, донныне чтит основателя своего К. А. Кабинетова, умершего в январе 1863 года и похороненного в сел. Джебанах на молоканском кладбище. На кладбище и ныне стоит памятник — каменный столб на его могиле. Последователи этой секты находятся только в Шемах. уезде. В селах Джебашах, Кырмедан Чухурглорит и в Баку появилась среди молокан секта субботников, иудействующих, отвергающих Христа, и практикующих обрезание. Но это учение главным образом распространилось в с. Еленовки и в других по Эриванской губернии.

Ученики «водного крещения» немного оправились от нанесенного им удара Алты-Агарчарами и снова начали действовать в Ленкорнарском уезде, проповедуя там крещение водою и крещение взрослых и детей. В г. Ленкорани в сел. Андреевке и Ново-Ивановке (на Акулин) были небольшие собрания, но обряды богослужения совершались почти по-молокански. Духовные пения из сборника «Приношения православным христианам» пелись особенно любовно с молоканскими напевами. В гор. Ленкоран наставником «водного крещения» был Василий Мионович, очень ревностный христианин. Он с целью миссии поехал в с. Пришиб на Волге Астраханской губернии, и там приобрел себе последователей водного крещения. Из числа крещеных там был весьма благочестивый и всеми уважаемый человек Василий Иванович Феногенов. Он горячо взялся за дело благовестия. «Горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иваново» Скоро явился книгоноша Британ-

ского библейского общества сириянин Яков Делякович — Деляков. Благодаря неусыпному старанию благовествования Евангелия Божия скоро распространилось это учение по всей Волге. По Самарской, Саратовской и другим губерниям. Из Пришиба это учение было перенесено в сел. Астраханку, Ново-Васильевку и др. Главным насаждателем данного учения был названный книгоноша Яков Деляков, который проезжал по всей России с книгами Св. Писания, неутомимо проповедовал всем и каждому о Христе. Это был замечательный труженник Иисуса. О нем будет сказано более подробно ниже. В Таврической губернии и везде по России все принимающие водное крещение получили название «штундисты».

Известный уже нам Яков Иванович Танасов из с. Джебанов переселился вместе с моим отцом в сел. Ново-Ивановку Елисаветпольской губернии. Он не стыдился говорить о Христе, но слишком был горяч и невоздержан в словах. Часто оскорблял молокан при беседах с ними о Господе. Так же и Никита Иванович Северов, переселившись из сел. Химмили в с. Андреевку Ленкоран. уезда. Он был сведущ в Св. Писании и очень красноречив. Он проезжал по всем селам Закавказья и был в Таврической губ. в с. Астраханка и друг. Проповедовал под видом прыгунского проповедника о покаянии, о 1000-летнем царстве Христа, но всегда был христианином с убеждением водного крещения и тайно от молокан беседовал с друзьями своими о необходимости водного крещения. В Тифлисе Северов в 1861 году свел дружбу с Никитой Исаевичем Ворониным, который был молодым и острым человеком. Он был чтецом и толкователем в молоканском собрании. И был за свое благочестие и большое знание Св. Писания признан всеми молоканами высокочтимым че-

ловеком. Молокане видели в Воронине хорошего заступника молоканства от нападков на оное со стороны всех сект.

Н. И. Воронин после знакомства с Северовым серьезно начал изучать Св. Писание и заботиться о своем спасении и познании истины. Он скоро нашел Господа и был убежден в необходимости принятия крещения в воде. Воронин нуждался в более точном объяснении путей Господних и в человеке, который крестил бы его. Все это таил в душе своей и продолжал быть проповедником в молоканском собрании.

Наконец Господь послал Якова Деляковича Делякова. Он познакомился с Ворониным. И, как знал живущего в Тифлисе немца баптиста Мартина Карловича Кальвейта с семейством, то привел Воронина к ним. С тех пор Воронин тайно посещал семейство Кальвейта, беседовал и молился с ними. В 1867 году Кальвейт крестит Воронина. Отсюда начинается русский чистый баптизм у нас в России. И, как можно видеть из вышесказанного, русский баптизм родился сам собой из молоканства без чужеземного влияния. Он появляется у нас вследствие глубокой религиозности молоканства. Через тщательные и беспристрастные исследования Св. Писания и через горячие споры в собраниях у молокан. В дальнейшем развитии баптизма нельзя не признать иностранного влияния, и это будет сказано в дальнейшем написании истории русского баптизма.

Никита Исаевич Воронин некоторое время тайно ходил в семейство Кальвейтов, состоящее из жены его и других родственников в числе пяти-шести душ. С ними вместе он читал Слово Божие и молился. Воронин таился от молокан, но больше всего от своей жены, которая была закормлена религиозностью моло-

канства и живо клеймила обращенных, принимающих водное крещение в Шемахинском уезде в православие. Ибо она была из г. Шемахи и страшно боялась водного крещения как преддверия в православие. А православие считалось молоканами не только ложным христианством, но самым грубым язычеством. Кто переходит в православие, тот считается как бы умершим, погибшим навсегда. К таким всегда применялись слова апостола «Заживо умерла» (1 Тим. 5:6). Жена Воронина, известная и почтенная ныне баптистка Екатерина Кузьминична, строго следила за своим мужем. Тайна Воронина была открыта, и он должен был отделиться от молокан и образовать свое отдельное собрание в своем доме.

Через несколько месяцев после крещения Воронина 35-летний муж, полный сил и энергии, горячо взялся за благовествование Евангелия Божия. К нему скоро присоединилась его молодая, энергичная и подвижная жена. Молокане, высоко чтившие Воронина, видя его отпадение от веры своих отцов, не могли равнодушно отнестись к такой чувствительной утрате. Все молоканские старцы с большой болью приходили к Ворониным, беседовали с ними и увещевали их, чтобы возвратить заблудших на путь истинный. Они старались показывать им, что крещение водою было да прошло, что надо крещение понимать духовно, надо креститься Духом Св. Что крещение не спасает и проч. Но самое главное указывали, что крещение есть путь в православие. Для примера указывали на совершившийся факт в сел. Алты-Агач. При таком отношении молокан к Воронину у него в доме образовались ежедневные собрания и собеседования с молоканами, которые с утра и до ночи просиживали у Воронина. А сам Воронин был в то время человеком богатым, имел

большую по тогдашнему времени чайную торговлю и по широкому своему русскому гостеприимству не оставлял всех своих посетителей угощать чаем и даже обедами. Таким образом у Воронина образовались не только ежедневные собрания и собеседования, но и различные пиры и угощения. В интересах дела Божия Воронин не судил никого ничем и все приносил в жертву для нового своего дела как дела Господня — и время, и деньги, и свой личный труд. Широкое гостеприимство Воронина открыло к нему широкую дверь для каждого и привлекало к нему молокан не только тифлиских, но из деревень всего Кавказа. Скоро явились последователи нового учения о Христе, о покаянии, о возрождении от Духа, об уверенности в прощении грехов и жизни вечной и о крещении водою по вере. Первыми были крещены Ворониным тифлиские жители: Иван Мануилович Воронин, Полосухин с женой, Капитон Никитович Щербаев с женой Екатериной Ивановной, Иван Никитович Скороходов с женой из села Михайловки Елисавет. губ., Герасим Ульянович Горбачев. Вот в таком числе община русских баптистов в Тифлисе состоялась к 1870 году. С ними, конечно, было в общении семейство Кальвейта.

Собрание этих агнцев Христовых были самыми горячими, все они единодушно проповедовали всем любовь Господа Иисуса. Богослужения их проходили в самом простом виде. Пелись псалмы царя Давида и стихи из Библии и духовные песни из «Приношения православных христиан» с молоканскими напевами. Капитон Никитович Щербаев был один из лучших молоканских певцов, и жена Воронина, присоединившись к этой общине, была не из последних молоканских певиц. Воронин читал Слово Божие и толковал его. Молились с преклонением колен, поднимая руки

вверх, и собрания были самые благословенные. Всякий, кто заходил в собрание, пленялся живым пением, горячими молитвами и небывалой новизною проповеди. И все души сознавали, что «во истину с ними Бог». В таком виде нашел собрания русских баптистов пишущий эти строки в октябре 1870 года.

Оставим пока Тифлис и поговорим о Герасиме Ульяновиче Горбачеве в с. Михайловке. Он был человек весьма благочестивый, обладавший благодаря хорошей памяти большими познаниями Св. Писания, очень горячего темперамента муж около 40 лет, но был во всем подвластен своему тестю, у которого жил во дворе. Человеку богатому, грубому, невежественному и крайне деспотичному молоканину Никифору Герасимовичу Толмосову. Этот современный Навал страшно ненавидел всякую секту и жил только и копил деньги всевозможными процентами, которые никогда не были у него ниже 24-х. Он ненавидел также своего зятя за большую его набожность и за тщательное изучение Библии. Хотя зять его Г. У. Горбачев имел 6 сыновей и 4 дочери и был во всем хороший хозяин и управлял большим хозяйством, работал день и ночь на маслобойне, откармливал для продажи скот и гонял его в Тифлис, где и познакомился с Ворониным, но при всем том не имел никакого права ни на что и не имел ни малейшей свободы. Тесть его был хромой и мало облегчал его труд по хозяйству, но только подсчитывал по распискам проценты с должников, строго держал на отчете своего зятя и собирал деньги в свой кошелек. При малейшем неудовольствии на зятя всегда грозил ему изгнанием из дома. Такое положение Герасима Ульяновича делало жизнь его невыносимой, и он покушался на свою жизнь. Когда же Герасим Ульянович принял крещение в Тифлисе, то держал это в

большом секрете от всех, боясь своего деспота, который называл баптистов не иначе как «водные крысы». Но как бы ни держалось в секрете о крещении, а слухи стали проходить по селу, и тесть Горбачева строго наблюдал за своим зятем и сильно стал нападать на него. Такое состояние заставляло молчать Горбачева, и он не мог благовествовать о Господе.

Горбачев с молодых лет держался к благочестивым старцам, был хорошим певцом и читал Библию в собраниях. Он часто посещал в Ново-Ивановке моего отца Василия Семеновича Иванова, восхваляемого всеми за благочестие и высокое знание толковать Св. Писание, пророчества и откровения. От него он учился правилам жизни и благочестию. После смерти моего отца он был близким другом нашей матери и нам. Поэтому он решился указать мне места в Новом Завете о крещении водою и заставил об этом думать.

Горбачев долго таился и никому не говорил о своем крещении, даже и жена его не знала об этом. Он привез из Тифлиса обряд богослужения, написанный Ворониным, и книжку «Приношения православным христианам» и хранил их в большом секрете. Но эти документы были найдены тестем и выдали его измену вере отцов. За что «Навал» усугубил свои нападки на беззащитного своего зятя. Но, несмотря на все это, Горбачев тайно предлагал своим друзьям Михаилу Устиновичу Макарову, Ивану Андреевичу Бародину и другим вопросы о крещении и преломлении хлеба, и они как будто убеждались в необходимости принимать крещение в воде. Это давало Горбачеву надежду, что друзья его познают истину и покорятся ей. Горбачев, живя один среди молокан, отличающихся своею темнотою и крайним фанатизмом, всех боялся и, тайно выходя в поле, один совершал преломление хлеба.

Оставим пока Михайловку с нашим Герасимом Ульяновичем Горбачевым и перейдем в Ново-Ивановку Елисавет. губ. Пишущий эти строки после беседы с Горбачевым о крещении и преломлении хлеба старался найти возможность, чтобы как-нибудь духовно объяснить водное крещение и преломление хлеба и не совсем отвергнуть эти заповеди Господни. Долго я придумывал разные толкования об этом и многих старцев и чтецов молоканских спрашивал о крещении и проч. Но никто не только не объяснил мне удовлетворительно, а все больше запутывали дело и сознавали свое бессилие объяснить, серчали на меня и укоряли, говоря: «Ты не умнее своего отца, он был знающий Писание, но не говорил о крещении в воде». Такие ответы и объяснения старцев и чтецов показывали мне, что о крещении и преломлении хлеба надо понимать буквально. Горбачев же уклонялся давать свое толкование о крещении. По любому случаю мне пришлось встречаться с умным и благочестивым человеком из с. Ново-Ивановки Джеватского уезда Афанасием Матвеевичем Мамонтовым, который прямо и объяснил мне о крещении и преломлении хлеба, что все это нужно понимать буквально. С этих пор я начал искать спасение и стремиться к этому, чтобы исполнить крещение, но нигде не видел таких людей. В собрании молокан я читал и доказывал необходимость крещения. Старики вступали со мною в спор, но не имели возможности доказать мне, что крещение водное отменено, старались удалить меня из собрания. Но товарищи мои соглашались с моими объяснениями о крещении. Мать моя и жена сильно противоречили мне, говорили, что я уйду в православие, указывая на Алты-Аганчинцев. Мать говорила: «Ты уже наденешь обратку» т. е. наденешь на шею крест. Случайным об-

разом дали мне письмо с почты для передачи в с. Михайловку Ивану Сидоровичу Самодурову. Письмо было раскрыто, и я прочитал его. В нем было написано, к большой моей радости, подробное объяснение всех таинств в Новом Завете о крещении и преломлении хлеба. Письмо написано было грамотно и очень толково из с. Ново-Васильевки Таврич. губернии Ананием Ивановичем Стояловым и был написан его адрес. Я хранил это письмо как от Господа и начал вести со Стояловым переписку по вопросам веры. Через это пришел к решительному убеждению в необходимости принятия крещения.

В это время слух дошел до нашего села, что в Тифлисе Воронин открыл новое собрание, и мне хотелось побывать там. Железных дорог тогда не было, и я нашел такой случай: купил гречневой крупы и повез ее на фургоне в Тифлис продавать. Мать моя много плакала и едва согласилась отпустить меня туда, говорила: «Знаю, что ты поехал креститься».

Это было осенью 1870 года, 200 верст от нашего села; я поехал на фургоне в первый раз в Тифлис. Тогда я был 24-х лет от роду, деревенский мужик. Извозчиком у меня был мой односелец Трофим Лукич Аришин. Он бывал в Тифлисе и был давно уже знаком с Ворониным. Он же и был один из моих друзей. Он первый раз ввел меня в собрание к Воронину. Собрание произвело на меня самое лучшее впечатление, и я решил теперь же просить о крещении меня. Воронин принял меня самым любезным образом, и я был вне себя. Братья нашли меня еще слабым в вере и познании, отказались крестить меня, точнее объяснив мне путь Господень.

В ноябре 1871 года, я в другой раз поехал в Тифлис по делам женитьбы брата Лаврентия. На этот раз я

нашел в собрании Воронина новых членов: Семена Герасимовича Родионова и 16-летнего юношу Васю, который ныне известный Василий Гурьевич Павлов. Он горячо проповедовал в собрании, сидя, размахивая руками и ногами. Теперь я услышал пение песней духовных по нотам и сам научился петь две песни: «Послушай, Господь, меня» и «Господь, я бедное дитя». В то время я был принят в церковь и 31 ноября этого года крещен С. Г. Родионовым в реке Куре. С великой радостью я возвращался домой и, женив брата, отделился от молокан и с начала 1872 года открыл собрание по примеру Воронина. После этого я вел переписку с бр. Ворониным и Павловым и сам посещал Тифлис. И перед Тифлисскою церковью я как деревенский юноша всегда благоговел и относился к ней с видимым почтением и постановил всю свою духовную деятельность воспринимать от нея.

Глава 2. О тифлисской церкви

Тифлисская баптистская церковь, как только открыла свое собрание в доме Воронина с 1869 года, с каждым днем делалась все более известна по всем молоканским селам Закавказского края. Так как г. Тифлис был центром всего Закавказья, куда со всех сторон съезжались молокане извозчики на фургонах. В то время железных дорог не было, а потому все извозчики — сотни человек — жили подолгу в Тифлисе на постоянных дворах. Пока сдавали свою поклажу, привезенную с разных мест, и получали новую и отдыхали, не торопясь, в Тифлисе. Эти извозчики, подстрекаемые как сектанты, с большим любопытством посещали собрание баптистов и развозили всякую хорошую и худую молву о новом учении. Все это еще бо-

лее поджигало страсти сектантов и тянуло каждого побывать в Тифлисе и самому посмотреть собрание баптистов. Воронин по своей широкой гостеприимной русской натуре не скупился принимать у себя деревенских гостей. Гости, входя в роскошную комнату к Воронину, боялись даже наступать своими замшелыми деревенскими сапогами на паркетные полы. И поражались простотою и преувеличенной любезностью Никиты Исаевича и его любезной и развеселой жены Екатерины Кузьминишны. В собрании же эти сектанты скептически относились к новому учению, но, тем не менее, удивлялись красноречивым и прочувствованным проповедям Воронина и его сердечным молитвам. И всегда гости Воронина выходили от него довольными как гостеприимством, так и его беседами.

При таком энергичном и решительном действии Воронина слава о нем и весть о баптистах с быстротой молнии облетала все села и дома сектантов на Кавказе и проникала во внутренние губернии России. Тифлисская церковь и Никита Исаевич Воронин скоро сделались известными по всему Кавказу и по России. Старцы молоканские и фанатичные ревнители старых убеждений старались распространять самые нелепые слухи о Воронине и о баптистах и внушали всем, что у баптистов есть кресты, распятие и иконки, которые они держат в секрете и целуют их при молитве и при преломлении хлеба. Простодушные и глупые верили этому и боялись баптистов. Были и такие наглые лжецы, которые удостоверяли, что они своими глазами видели у баптистов эти кресты и иконки. Такая клевета хоть не оставалась без действий, но мало помогала делу клеветников; ложь их скоро обнаруживалась, и учение баптистов о Христе, об искуплении Кровию

Его и о прощении грехов проникало в сердца многих душ.

Никита Исаевич при всей своей духовной ревности вел все дневные и всенощные беседы с молоканами и со всеми, с кем он встречался. И при этом вел частную торговлю и строил на реке Куре отвод для фундамента нового дома. Этот отвод значительно подрывал материальное состояние Воронина, так как Кура при весеннем половодье сносила его, и Воронину долго приходилось бороться со стихийною силой воды. Но наконец он победил и построил на Куре новый свой дом. Это служило для него лучшим примером, чтобы научиться неутомимому труду, беспримерному мужеству и терпению при постройке нового духовного великого здания. И он в этом случае также оказался победителем и устоял против великих стихийных напоров со стороны молоканского и православного фанатизма и славно закончил свои дела для Господа.

Ближайшим помощниками явились Воронину вновь присоединившиеся к церкви Семен Герасимович Родионов и молодой мальчик Вася — так звали тогда Василия Гурьевича Павлова. Первый, Родионов, бывший помощником молоканского пресвитера, от природы евнух, человек весьма благочестивый и почтенный. Молокане в нем видели большую для себя потерю в своей церкви и очень жалели о нем. Он стал заменять Воронина и проповедовать в собрании. Проповеди его не отличались ни красноречием, ни глубиной, но были искренни и весьма прочувствованные и действовали весьма благотворно на слушающих. Известный нам Вася, молодой 16-летний мальчик, бойко умевший читать по-русски и отчасти говоривший и писавший по-немецки, был единственный сын у своих родителей. Хоть он был молоканин,

но ничего не знал молоканского и ничего не имел с ними общего. Он сидел в рыбных рядах на пленах и читал газеты. Молокане слушали его с удовольствием и удивлялись его остроумию и чтению, а потому он был для них известным «Васею Гурьевым». После он поступил к Н. И. Воронину в чайный магазин на Гилявинском проспекте. Там торговал чаем, читал книги и изучал немецкий язык.

Отец Павлова Гурий Григорич был человек простоватый, занимался баржею, имел два фаэтона, брал подряды на поставку сена для войска и имел достаточные средства и жил заодно с Наталией Егоровной Павловой. Егоровна была женщина умная и очень бойкая и жила только для своего единственного Васи. Павлов был из темного молоканского села Воронцовки, но жил в городе, поэтому Вася их был уже не деревенским молоканином, но развитым городским мальчиком.

Когда этот Вася крестился и присоединился к церкви, Воронин радовался до восторга и часто заставлял его проповедовать в собрании, и все увлекались его проповедями, его живою подвижностью. Когда Вася проповедовал, он уходил мыслями в то, что говорил, забывая самого себя. Говорил горячо, бойко, сильно жестикулировал руками и ногами, иногда до неприличия. Собрания баптистов быстро стали увеличиваться, и многие души стали пробуждаться, веровали и крестились. Отец и мать Павлова сильно возмутились на своего любимца Васю за оставление веры отцов своих и выгнали его из дома, и он целый день провел в окрестностях Тифлиса и молился. Вечером возвратился домой, и родители его, бывши напуганы пропажей своего сына, встретили его с радостью. Некоторое время отец еще нападал на сына, сажал на фа-

этон за кучера, но, убедившись в твердости воли сына и бесполезности его работы на фэтоне, освободил его от этой ненавистной для него службы. Скоро и родители Павлова уверовали и обратились к Господу. И мать его была самая лучшая ревностная и деятельная христианка.

Тифлисская церковь росла и увеличивалась числом. Господь не переставал прилагать спасаемых к церкви. Семен Герасимович Родионов скоро построил хороший двухэтажный дом на берегу Куры. В этом доме на втором этаже в хорошем просторном зале устроили баптисты место для собрания. Поставили хорошие скамейки со спинками и роскошную кафедру. Из скромной горницы Воронина баптисты перешли с собранием к Родионову в большой роскошный зал. Над кафедрой висела в золотой рамке надпись «Один Господь, одна вера, одно крещение». Все это привлекало много любопытных, и собрания стали переполняться многими слушателями. Приезжавшие со всего Закавказья молокане с большим любопытством посмотреть собрание баптистов поражались как необычному богослужению, так и всею обстановкой, кафедрой, надписью и скамейками. Больше всего бросилось в глаза молоканам и показалось страшным то, что при входе в собрание человека, когда он читал тихо свою молитву, собрание не привстало, как это бывает в молоканских собраниях. И то, когда собрание молилось, не выносили скамейки из собрания, и каждый на своем месте становился на колени и молился. Когда же молились двое или трое в разных местах собрания, а в особенности, когда молились женщины, то это казалось молоканам очень странным, потому что у молокан в собрании молятся только одни пресвитеры. Много смеялись молокане над сердечными молитвами. Им казалось

очень смешным, чтобы человек просил Бога своими собственными словами, а не псалмами Давида или избранными заученными молитвами. Злономеренными и невежественными людьми распространялись о баптистах самые нелепые слухи. Одни утверждали, что баптисты носят на себе крестики, как православные. Другие говорили, что у баптистов на кафедре под сукном лежит распятие, которому они поклоняются. Иные говорили, что сами видели на баптистах кресты. Был такой случай: однажды Никита Исаевич Воронин купался в серной тифлисской бане и нашел там серебряный крестик. Это многим дало повод говорить и думать, что баптисты имеют у себя кресты. Вследствие таких нелепых слухов многие из молокан, приходивших в собрание к баптистам, тщательно исследовали кафедру, чтобы найти распятие или крест. Для молокан нет ничего противнее креста или иконы.

Соединение русских баптистов с Кальвейтом и его родными происходило с большими затруднениями. Вера хотя была у всех одна, но наука и обычаи были различны, и поэтому слияние их порождало много скорби для Тифлисской церкви. Русские баптисты хотели держаться во многом молоканских обычаев при богослужении, как-то пение псалмов по-молокански, при пении и молитвах делать поклоны и проч. Немцы хотели все русское и молоканское сразу изгнать при богослужении и все поставить на немецкий лад, петь песни духовные и не петь псалмов по-молокански. При молитве не делать поклонов, после обеда не творить молитву и проч. Вася, хоть и считался молоканином, но ничего молоканского не знал, а поэтому скоро воспринял все немецкое и отверг все молоканское. Воронин сам, а в особенности жена его, твердо держались всех молоканских обычаев.

В 1874 году Павлов уехал в Гамбург учиться немецкому языку и богословию на должность проповедника. И учился там у учителя Вильграта, пробыл там один год, и, получив рукоположение от тамошнего пресвитера Онкена на благовестника, возвратился в Тифлис. В 1880 году была созвана кавказская конференция. На этой конференции было поставлено большинством праздновать воскресный день с вечера субботы до вечера воскресия. Было постановлено избрать одного пресвитера на весь Закавказский край. Я был приглашен годовым благовестником с вознаграждением 500 р. Я проработал год в качестве благовестника и не получил полностью назначенное вознаграждение.

Скоро в России последовали законы, которые предоставляли баптистам все гражданские права. Павлов, чтобы закрепить за собою права пресвитера, поспешил организовать свою общину. Он был избран пресвитером, Родионов учителем, Кальвейт и А. М. Мазаев дьяконами. В этих должностях они были утверждены губернатором и получили от него на это свидетельства. После пригласили из Одессы пресвитера брата Либига, который рукоположил их в принятых ими должностях.

С начала появления баптистов не было никакого преследования со стороны начальства за благовестие. Поэтому молокане считали баптистов заодно с православными. И это многих держало в большом недоумении. Это, с одной стороны, мешало делу Божию, потому что баптистов считали близкими к православию, и некоторые присоединялись к ним, а с другой стороны, была та польза, что молокане боялись нападать на баптистов, и мы могли проповедовать между ними Слово Божие. Когда же стали гнать баптистов и ссы-

лать их за проповедь, тогда молокане увидели, что баптисты ничего общего с православными не имеют. Это многим дало смелость присоединиться к баптистам, а закоренелые в своих убеждениях молокане сделались сами гонителями и предателями баптистов.

Первая ссылка баптистов Павлова, Воронина и Амерханянца последовала в 1887 году из Тифлиса, которая сопровождалась большою торжественностью. Их провожали с семействами в Оренбург на пять лет. Им было дано право выехать туда за свой счет в сопровождении двух городских от полиции. Для проводов их приехали братья из сел Чухурчлорта, Ново-Ивановки и Михайловки, и я тоже был там. В это время я был рукоположен Павловым в пресвитеры. На 3-й день Пасхи собрались все молокане провожать высылаемых. Народу было свыше тысячи. Прощание было самое трогательное. Усадили наших страдальцев с их семействами в кареты, и поезд в сотни фаэтонов тронулся от молитвенного зала баптистов с Авральской улицы через Михайловский мост через Куру и по головному проспекту провожать сосланных за веру. Такие проводы не могли быть незамеченными всем городом; это были царские проводы, и наши страдальцы были щедро наделенными ангелами по усердию братьев и всех молокан. Все-таки поезд проводил их далеко за город и, простившись с нами, они покатали по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ; дадено было знать о встрече наших ссыльных, и там была приготовлена для них такая же задушевная торжественная встреча.

Высылка Павлова и Воронина наводила баптистов, в особенности в Тифлисе, на грустные мысли. Вот мы лишились таких знаменитых проповедников, и дело Божие остановится. Так же думали и все молока-

не. Но случилось совершенно наоборот. Господь благословил свой народ, все ободрились и начали смело свидетельствовать о Господе. Вскоре явилось пробуждение, и многие грешники нашли спасение и присоединились к церкви. В это время покался и крестился брат Тит Алексеевич Фефелов и многие другие. Все четыре года, в которые находились в Оренбурге братья Воронин и Павлов, в Тифлисе был полный мир между братьями и большие благословения от Господа.

Возвращение же Павлова и Воронина в Тифлис было недолгим, они скоро опять были высланы административным порядком из Тифлиса. Павлов опять в Оренбург на пять лет, а Воронин в Вологду Архангельской губернии, тоже на 5 лет. Павлов в Оренбурге во время холеры 1892 года лишился жены, двух дочерей и маленького сына. Одна из его дочерей утонула в реке, а остальные умерли от холеры, и остался у него только отец и сын Павел.

После ссылки Павлова и Воронина усилились гонения на баптистов, и из Тифлиса выслали Кальвейта в Герусы, а потом перевели его в Эриван. А. А. Мазаева в г. Кубу Бакинской губ. и А. Я. Леушкина в Гюкчай также Бакинской губернии.

По прошествии пятилетнего срока Воронин возвратился в Тифлис, а Павлов, женившись на другой, уехал с отцом и сыном в Румынию в г. Тульчу и там прожил не менее пяти лет.

Глава 3. Ново-Ивановская церковь в Елизаветпольской губернии

В селе Ново-Ивановка открылась община баптистов с начала 1872 г. После принятия крещения я взялся за дело благовестия со всем усердием. Горячо спо-

рил с молоканами о крещении и беседовал как в собрании у молокан, так и с каждым отдельно о спасении и всем говорил о Господе. Старцы молоканские возненавидели меня и принимали все меры выгнать меня из своего собрания. Но никто не осмеливался наложить на меня руки, чтобы вывести меня из собрания. Вот один из стариков, ревнитель молоканства, его звали «лысый старик», Захар Тимофеевич Бавин просил собрание перейти в его дом, и он тогда может не допустить меня в собрание. Старики соглашались на это, но наш «лысый старик» не имел настолько мужества, чтобы не допустить меня в собрание. Он стоял в ожидании меня у дверей, но я смело прошел мимо него и сел на свое место, которое я занимаю в молоканском собрании за столом, и говорил о Господе.

Видя, что неудовольствие молокан увеличивается на меня, то я за благо почел отделиться от них и открыл свое собрание; в своем доме со мной сразу отделился от молокан Никифор Яковлевич Танасов с семейством, Василий Елисеевич Каримаев с семейством, Лукьян Иванович Смирнов, Максим И. Дружин с семейством, Иван Ильич Легешин, Аер. Петр. Баенин с семейством; моя родная тетушка Вера Федоровна и мое семейство тоже осталось со мной.

В 1872 году на праздник Пасхи по просьбе моей приехал из Тифлиса к нам в Ивановку бр. В. Г. Павлов. Путь его в Ивановку был с некоторыми приключениями. Он поехал со станции Акста, но в Михайловку, куда приехал в субботу утром перед праздником. Заехал к известному нам Г. У. Горбачеву, или правильнее, к «Навалу» Тотосову. Горбачев холодно принял его и из боязни тестя своего не назвал его братом и старался проводить его скорее в Ивановку. Павлов, получив верховую лошадь, отправился верхом

один по совершенно незнакомой дороге. Недалеко отъехав от Михайловки, он увидел две дороги, идущие по разным направлениям, — одна по правую сторону, другая по левую впереди стоящей большой горы. Павлов не знал, по какой дороге ему нужно было поехать. Хотя эти обе дороги одинаково вели в Михайловку. Тогда Павлов слез с лошади и стал на коленях молиться, прося Господа указать ему путь. После молитвы бросил жребий, который указал левую дорогу, и он поехал по ней. Когда выехал на гору, все было покрыто туманом и темнело. Скоро настала ночь, и было темно, и Павлов, спускаясь с горы, не мог продолжать путь; остановился в лесу и, завернувшись в бурку, привязал лошадь и лег спать. Но спать от страха не мог; пролежав несколько часов в поту, опять поехал ощупью. Скоро съехал с горы на равнину и, направляя все влево от сел. Ивановки, напал на дорогу, по которой поехал не зная куда. Через некоторое время Павлов услышал лай собаки и по этому лаю приехал к обвалу (так называется эта местность) в зимовник новоивановского жителя Данилы Сергеевича Мельникова верстах в четырех от Ново-Ивановки. Там его приняли, и он, обрадовавшись, спал до утра.

Этот день я, семейство мое и все братья томительно ожидали Павлова, не теряя надежды на его приезд до самого вечера. Вечером мы имели собрание, а когда настала ночь, то потеряли всякую надежду видеть Павлова. Его ждали все наши односельцы, ибо мы хвалились им, что у нас будет гость из Тифлиса.

На самое воскресное утро жена встала рано и пекла блины, как это бывает обычай у всех молокан, а я спал. Вдруг она увидела какого-то молодого человека в бурке, всего забрызганного грязью, который заехал к нам во двор и привязывает лошадь к крыльцу амбара.

Жена подумала, какой-то странник приехал. Молокане не привыкли видеть благочестивых людей стриженными под комку и не любили их. Она разбудила меня и говорит: «Вставай, кто-то к нам заехал!». Я вскочил с постели и, посмотрев в окно, узнал Василия Гурьевича. Сказав это, я выбежал и с неописуемой радостью встретил своего дорогого гостя – брата в Господе. Мы бросились друг к другу, обнимались и целовались с ним. С такой же радостью он был встречен семейством моим и всеми братьями в Ивановке.

Вот так мы начали праздновать праздник Пасхи 1872 года в Ново-Ивановке.

Село Ново-Ивановка вся состоит из сектантов чисто русских, переселившихся из внутренних губерний России, Тамбовской и Саратовской. Она образовалась в 1853 году (или в 1852-м) сначала из девяти домов. К 1872 году оно уже состояло из 120 домов. Село Ново-Ивановка окружено со всех сторон высокими горами и роскошной природою, лесами и лугами и фруктовыми всякого рода деревьями. Так что сама природа и благоприятная весенняя погода располагали сердца всех к веселью и радости. Жители этого села все не были богатыми людьми. Но каждый имел свой хлеб и все, что нужно к празднику. Так как молокане — люди трезвые, то между ними нельзя видеть таких нищих и оборванцев, как это можно встретить в российских православных селах. В Ново-Ивановке кроме нарождающегося в то время баптизма было три собрания — молокане, прыгуны и субботники.

С восходом солнца налицо появились детишки, одетые по-праздничному, мальчики и девочки. Вскоре затем народ толпами пошел в собрание. Собралось довольно много народу в баптистское собрание. Собрание баптистов было в нашей хате, которая была до-

вольно просторная; у дверей в одном углу стояла русская большая печка, а в другой кровать с убранной постелью, и от печки до противоположной стены были полаты (а повыше дверей нары, замощенные досками), на которых спали обыкновенно дети. Кругом вдоль стен были лавки для сидения.

Собрание с большим любопытством смотрело на молодого гостя и ожидало, что он скажет. Павлов был очень молод; брюнет, с большими глазами, свободный и развязанный в словах, немного прихватывал языком. Невысокого роста и сам по себе скудный. После пения псалма он встал читать с кратким объяснением, а затем, преклонившись, помолился очень горячо; все были глубоко тронуты. После молитвы говорил проповедь — очень возбужденно при свободных жестикуляциях. Все это было необыкновенной новостью для слушавших проповедь. Весть о молодом госте быстро облетела все село, и послеобеденное собрание наше было переполнено людьми, и все поражались свободю проповеди и легкостью речи; все понимали от мала до велика, что говорилось, тогда как у молокан старцы около стола всегда читали только для самих себя, а собрание ничего не могло понимать, а только слышали голос, а слов не разбирали и оставались без назидания. А в нашем собрании все получали духовное назидание из Писания. Вечером собрание еще больше увеличилось, и люди были очень довольные. У нас, как и у молокан по воскресным и праздничным дням бывают три раза собрания, а в Пасху все восемь дней такие празднования.

*Очерки по истории русского
баптизма.*

Архив ГМИР. Рукопись.

Перепечатано А.В. Синичкиным. К-1.

Оп.8.

*Дело 516. Очерки по истории русского
баптизма. 37 рукописных листов.*

Иоганн Ефремович Прицкау

ИСТОРИЯ БАПТИСТОВ В ЮЖНОЙ РОССИИ

Данная книга написана одним из тех, который присутствовал при описываемых событиях, поэтому в ней дышит совершенно иной дух, чем в обыкновенных книгах. Личные воспоминания автора связаны с каждым событием, и это дает живое представление об истории. Мы поэтому оставили в большинстве случаев авторский стиль в своей первоначальной форме, дополнили только теми примечаниями, которые нашли необходимым для лучшего понимания текста.

Книга является важным памятником баптистской истории и новым доказательством жизнеспособности и победы идеи крещенных по вере христиан. История христиан, крещенных по вере, является постоянным документом человеческих страданий за имя Христа: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» — и все-таки является доказательством тому, что вера побеждает.

Мы выпускаем эту книгу в свет, чтобы ясно вразумить наших товарищей по вере, а их последователей

укрепить для продолжения наследства отцов. Господь да благословит начинания Твои!

Как было уже указано, кто-то должен был написать что-либо о первом зарождении и возникновении баптистов в Южной России. Но поскольку из первых братьев никого уже больше не осталось в живых, переживших зарождение духовного движения в нашей местности, которые вместе боролись и трудились, то я принял этот труд как обязанность от Господа — начать составление истории, чтобы оставить историческое доказательство будущему поколению о том, что великое сотворил Господь здесь в свое время. Для решения этой задачи Конференция южнороссийского объединения баптистов в Старом Данциге (вблизи Елисаветграда, ныне Кировоград. — Примеч. переводчика) в мае 1909 года воодушевила меня и единодушным голосованием поручила мне взять на себя эту работу. Почти нет необходимости напомнить, что этот труд не должен быть всеобщей историей баптистов в России, но только заметки из общин южнороссийского объединения, которые позже представят материал для всеобщей истории баптистского дела в Южной России.

Зарождение первых церквей

При начале описания истории я не могу не упомянуть пиетизма, ибо он очень тесно связан с первым зарождением нашей истории.

Пиетизм, который в 17-м и 18-м веках наводнил огнем духа чудесных пробуждений почти весь христианский мир, искры которого достигли до языческих народов, не оставили, слава Господу, нетронутой также и Россию. Орудиями, которые Бог употребил для

того, чтобы разжечь огонь духа в немецких колониях, были два пастора в Таврической губернии: далеко известный пастор Отто Вюст¹ и в Херсонской губернии

¹ Пастор Отто Вюст родился в небольшом городке Мургард королевства Вюртемберг. После окончания университета в Тюбингене он приступил к пасторскому служению в общине Нейкирхен. Только благодаря служению ему открылись в свете Священного Писания истина о грехе и его отношение к Богу. Благодаря покаянию он получил душевное спокойствие только на третьем году служения. Со всей серьезностью он искал благодаря постоянной проповеди и серьезному образу жизни возможности служить Богу и приобрел при этом много единомышленников. Этим успехом он навлек на себя ненависть своего высшего по сану пастора. Но поскольку Вюст продолжал проводить собрания, пробуждая людей от греховного сна, то ненависть его высшего по сану пастора усилилась до того, что он был отстранен от своего служения. Но Вюст продолжал свои проповеди и радовался постоянному увеличению единомышленников. Затем ему было запрещено проповедовать и был предъявлен денежный штраф как некоему преступнику, чтобы заставить молчать его любым способом. Наконец он начал поддерживать общение с пиетистами, гернгутерами и методистами. Скоро он принял приглашение в Америку на служение методического проповедника. Но он все же пришел благодаря основанию колонии пиетистов Корнталья в общину колонии Нейгофнунг на юг России. 28 сентября 1845 г. он держал свою вступительную проповедь в колонии Нейгофнунг, которой покорила сердца своих новых членов общины. Он был также человеком исключительных дарований. Благодаря его зажигательной речи были увлечены сердца слушателей. Почва здесь была изобильная, как нигде в другом месте. Забота о душах была в своем благом начинании, но некогда часто слышавшийся голос покаяния — умолк. В глубине души люди мучилась и томилась совестью, и когда в проповедях к покаянию Вюста люди слышали: «Ты являешься этим человеком!», эти слова взволновали сердца человеческие, благодаря чему наступило пробуждение к жизни. Движение распространилось на села и даже на весь округ. Многие нападки Вюст должен был претерпеть, но все было по воле Христа; успех его деятельности является, по опреде-

пастор Бонекемпер, который пробуждал от духовного сна своими сильными проповедями покаяния духовно мертвое христианство в колониях вокруг Одессы. Пробужденные и обращенные объединялись в одно братство, которые наряду с церковным богослужением проводили частные свои собрания, молитвенные и миссионерские часы по образцу немецкого пиетизма. От молитвенных и миссионерских часов происходит в России так часто употребляемое и вызывающее недо-разумение имя «штундист». Наряду с пастором Бонекемпером оказывали помощь в благовествовании как разъездные проповедники и миссионеры, так и простые крестьяне из круга обращенных верующих в церкви, составлявшие в то время «Малую церковь в церкви». Они посылали своих вестников от села к селу, чтобы руководить часами молитвы и собраниями в пробужденном духе. Таким образом, пиетизм распространился вскоре на все евангелические села, отчасти также на католические колонии, даже до самой Бессарабии, где находятся большие немецкие колонии. Благодаря чудесному Божественному руководству это духовное пробуждение дошло также до самого Старого Данцига, единственного немецкого села среди русских, отдаленного от других немецких колоний на сотни верст, нравственно глубоко упавшего и духовно мертвого.

Первый толчок к возрождению и новой жизни в Старом Данциге дал вышеупомянутый пастор Боне-

лению меннонитов, огромным. Они называли его «своим вторым реформатором» (История Фризена М. Б. Г. , пар. 174.) Для пиетистов на юге России Вюст является проповедником покаяния, призвавшим их к новой жизни. Баптизму Вюст послужил тем образом , что он подготовил почву для его идей.

кемпер, который в отсутствие пастора здесь на месте в 1840 году посетил Старый Данциг и, подобно тому, как сказано в Деяниях святых апостолов 10:29, держал захватывающую проповедь о покаянии, достигшую своего результата. За ним последовали некоторые так называемые братья-штундисты; среди других был выдающийся руководящий собранием Фридрих Энгель из Нового Данцига, который на 20 лет позже еще с некоторым количеством братьев и сестер, бывших первыми в Херсонской губернии принявшими крещение по Библии, и которые по этой причине были высланы за границу. Эти добровольные вестники раздули огонь пробуждения, который был зажжен, но пришел к законному воспламенению только на несколько лет позже, когда здесь проезжал миссионер по имени К у с с. Он был другом пастора Вюста, и поскольку получил приглашение из Америки и был туда на пути, то пожелал еще сперва посетить своего друга Вюста в Таврической губернии. Это посещение можно было совершать в то время только на колесах, и ему была предоставлена такая поездка при всех трудностях и при всей ее длительности, имея при этом свои хорошие стороны. Посещение было сделано именно вовремя, чтобы сделать с успехом такую большую миссионерскую поездку от колонии к колонии. Ему при этом месяцами пришлось отсутствовать вне дома и хозяйства, что стоило самоотречения и различных жертвований, но любовь Христа превозмогла все преодолеть, даже невозможное. От Одессы проповедника Кусса сопровождали многие руководящие братья, среди других руководящий братством в Одессе А л ь б е р т. Поездка совершалась по немецким колониям, которых на пути от Одессы до Старого Данцига насчитывалось большое количество. Но здесь в Старом Данциге про-

изошло нечто чрезвычайное, так что они задержались больше, чем на одну неделю. Искра, зажженная и тлевшая, была воспламенена благодаря чрезвычайному посещению воодушевленной проповедью. В селе произошло всеобщее пробуждение. Малый и старый, даже школьники ежедневно ходили на собрание в здание школы, которое было заполнено до последнего места, молясь, с готовностью к покаянию, прося о милости и прощении. В то время мне было только пять лет, и могу хорошо вспомнить, что ежедневно шло много людей в здание школы, которое было прямо напротив нашего жилого дома. Только позже я узнал от своих родителей о цели и значении частых и многочисленных собраний, а также о чудесном деле обращения того времени, так что наше село совершенно преобразовалось. С того времени прошло целое столетие, но еще горит этот огонь духа в этом одиночном селе среди русских и немцев, хотя и не всегда одинаково сильно; часто уменьшается он до курящегося льна. Но слово обетования Иисуса: «И льна курящегося не угасит» исполнилось и здесь. Нет, Господь не только защищал среди различных штормов и притеснений снаружи и внутри в этом уголке России, но по временам огонь снова воспламенялся в сильный, так, что имело место пробуждение к новой жизни. Одно из величайших пробуждений, пережитое мною, состоялось в 1859 году. Подготовил его дорогой Господь в Своих мыслях о мире и любви, благодаря испытаниям, допущенным Им в нашем селе. Событие это было в 1858 году, когда здесь вспыхнула эпидемия тифа, унесшая с собой много людей, мужчин и женщин, юношей и девушек. Почти ни один дом не остался нетронутым этим испытанием, хотя не всегда имело место со смертельным случаем. Также и я стоял из-за этой болезни

на краю могилы, но Бог помог мне в Своей безграничной любви и Своим милосердием и в Своем чудесном действии, в то время как многие мои заболевшие товарищи умерли. В скорби болезни я прославил моего Бога; я желал впредь посвятить Ему свою жизнь, которую Он подарил мне заново, дав мне исцеление. И Он, Который таким образом начал Свое дело во мне, также помог мне исполниться радостью веры, дал прощение моим грехам. Случилось это в одно из моих самых благословенных переживаний в жизни, когда я и еще трое юношей из моих школьных друзей, которых я приобрел, собрались на молитвенный час, когда мы могли отдать Господу должное желание нашего сердца. Этот случай был в майский вечер 1859 года. Мне было поручено руководство, и только после долгой жаркой духовной борьбы я пришел к решению. Из сборника гимнов «Сокровищницы Госпера», которые с любовью исполнялись вместе с чтением из «Ежедневного молитвенника Гиллера» в братских кругах при собраниях и молитвенных часах, я избрал один гимн с намерением, чтобы спеть пару стихов, как обычно делалось в таких собраниях, а затем помолиться. Но я не мог этого прежде сделать, пока не отзвучали последние стихи из одиннадцати куплетов долгого гимна. Тогда же я воспрянул духом, и по моей просьбе мы снова преклонились для молитвы. Мои сотоварищи молились со мной. Когда мы окончили первую часть молитвы, которая должна была быть началом к многим долгим часам молитв за пробуждение, мы чувствовали себя настолько радостными, как будто бы мы одержали великую победу или обнаружили богатый клад. Было немедленно принято решение в будущее воскресенье снова собраться для той же цели, для чего мы пригласили тогда и других. Но на сле-

дующее воскресенье пришло 20 молодых людей, юношей и девушек, мужчин и женщин с той же нуждой, как и мы. Собравшиеся молились, исповедовались в своих грехах и просили о прощении. Слух о случившемся распространился вскоре с быстротой молнии по всему селу, так что в третье воскресенье зал в частном доме был слишком малым для ищущих и жаждущих милости для души. Огонь милости пламенел все сильнее и достиг своей высшей точки в случае с одним сильно опустившимся молодым человеком, которого по его необращенному состоянию можно сравнить с Джоном Буньяном. Этот молодой человек в один из часов после горячей борьбы в молитве исповедовался и молился о прощении грехов и мире с большим восторгом перед большим собранием. Это было чрезмерно большое божественное событие, воспламенившее еще больше дело обращения. Также все были наглядно в этом убеждены, что это есть дело Святого Духа. Итак, ищущие души получали больше мужества и надежды к поиску истины. А те, которые до сего времени оставались более равнодушными, пришли к решению и начали также молиться, потому что всякий, который соприкоснулся с этим движением, почувствовал силу Духа Святого и был принужден невольно к обращению: «Это от Господа и дивно в очах наших».

Таким образом, дошло до того, что почти на каждом собрании некоторые души находили мир с Богом и радовались прощению грехов в Крови Христа. Прошло летнее время. Мы ограничивались нашими молитвенными собраниями только по воскресным дням, потому что во время уборки урожая в то время люди на протяжении всей недели день и ночь оставались в поле. Но после уборки урожая собрания продолжались

каждый вечер. Новообращенные ходили по дворам и настойчиво упрашивали тех, которые до сего времени оставались еще вдали. Таким образом, почти все жители села были разбужены от греховного сна, также и у остывших братьев была проявлена инициатива к новому усердию. Это движение продолжалось со всей своей бодростью годами. Многие обремененные люди, такие как пьяницы, которых Старый-Данциг в то время насчитывал немало, поскольку в селе находился винокуренный завод, пришли к истинному раскаянию сердца.

Итак, община села, благодаря этому движению, совершенно преобразовалась, так что слова апостола и здесь имели силу: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5:17). Трактир, находившийся в середине села, который был в воскресные дни и в зимние вечера местом сбора молодежи, а также, к сожалению, и многих пожилых людей, отныне опустел, в то время как церковь и молитвенные часы были переполнены, а по улицам, где обычно распевались непристойные песни, отныне звучали песни о милости и о любви Христа. Не могу я не упомянуть здесь одно событие, происшедшее в общине села того времени, которое мы также относим к чудесному промыслу нашего Бога в пробуждении, и которое дало также и моей жизни новое направление. В то время здесь в селе была вакантная учительская должность, и когда один учитель представил себя еще до начала учебного года, то община также в большей части проголосовала за него, но сельской староста воспрепятствовал этому по своим соображениям. Это ему удалось, так как с учительской службой была также связана одновременно и служба писаря, а он как староста имел законное право к выбору писаря. Чтобы

достигнуть своей цели и освободиться от неподходящего человека, он сделал предложение на одном собрании общины, на котором обсуждался вопрос об учителе, чтобы устроить меня учителем. Многим это предложение было неприемлемо, поскольку я был по возрасту 17-летним мальчиком с недостаточным школьным образованием. Хотя в лице господина Шрейтеля я имел хорошего учителя, которого я любил и глубоко уважал; кроме того я имел желание учиться и таким образом в учении я преуспевал немного больше, чем мои соученики, но все же этого было недостаточно, чтобы принять школу с количеством свыше 80 детей. Сомнение тех, голосовавших против, имело, конечно, основание, но большинство из братских кругов, обращавшее еще и тогда на меня внимание, видели в этом Божие водительство и поддерживали предложение старосты. Голосование прошло в мою пользу. Я мог только дать обещание, что желаю делать то, что могу. Мои братья подбодрили меня, обещая за меня молиться.

Таким образом, я пришел от плуга в аудиторию школы с твердым убеждением, что Господь призвал меня туда и устранил препятствия, казавшиеся мне все же слишком неровными. То, что Господь исполнил по Своему Слову обещание, то мне пришлось многократно испытать чудесным и заметным образом. Предсказание тех моих противников, что дети тех, которые в большинстве были на три года моложе, чем я, меня не будут слушать и не последуют за мной, не исполнилось. Несмотря на то, что я мало применял по тогдашнему закону палочное наказание, то большие по возрасту дети не только слушались, но и любили меня, что меня сильно подбадривало, и я рассматривал это как плоды молитвы моих братьев. Община была до-

вольна моей успеваемостью; доказательством этому было то, что я мог для нее трудиться с повышением жалования шесть лет подряд. С учительской службой была связана также и церковная служба. Моей обязанностью было во время отсутствия пастора, который ежегодно один или в крайнем случае два раза прибывал к нам, замещать его в служении и наряду с крещением детей, погребением также руководить каждое воскресенье богослужением и воскресной школой. Само собой разумеется, что богослужение заключалось в чтении проповедей, для чего обыкновенно пользовались книгами Людвига Гофаккера и других проповедников. При моем вступлении на служение вышли как раз первые проповеди Сперджена на немецком языке, которыми мы пользовались уже с благословением в нецерковных кругах и которые вскоре после своего выхода были очень любимы и читались в кругах верующих в церкви. Таким образом, они были использованы также и у нас почти исключительно при богослужении в предобеденное время. В то время мы еще не знали, что Сперджен принадлежал к общине баптистов, но мы прочувствовали по его проповедям, что он был исполненным Духа вестником Христа и был движимый любовью Христа благовествовать на ясном доступном языке чистое Евангелие о примирении и блаженстве из милости через Кровь Христа, о возрождении и оправдании через веру в Иисуса Христа. Проповеди охотно слушались также даже церковными людьми. Покажет это только вечность, как многим душам этот король проповедников среди проповедников, а также и у нас, благодаря его напечатанным проповедям стал путеводителем ко Кресту и к миру. Благодаря его проповедям пробудились к покаянию не только погружившиеся в греховный сон ду-

ши, искалеченные виной греха, боязливые, которым был указан путь к Агнцу Божьему, понесшему грехи мира, где они обрели прощение, но проповеди его послужили для верующих большим благословением и тем, что они, умножая познание в Писании, возросли в вере. Познание того, что пустившее свои корни уже давно в пиетических кругах на юге России учение о возрождении при крещении детей является небиблейским и губительным заблуждением, способствовало еще ясным и сильным доказательством в проповедях Сперджена.

Община братских меннонитов

Так был зажжен и распространен огонь пробуждения у нас на Хедсонщине и в Бессарабии чудесным Богом благодаря различным действиям и духовным служениям, а также на Таврии и в соседних губерниях, а именно среди меннонитов, избравших для поселения Екатеринославскую губернию, когда русское правительство предложило иностранцам, а именно германским подданным поселение в то время в пустынных и малозаселенных степных областях южнороссийской земли. На Днепре около Александровска и в Таврической губернии на речке Молочной образовались многочисленные колонии. Когда цивилизованному и культурно воспитанному народу была оказана привилегия со стороны правительства больше, чем другим колонистам, то они пришли после долголетней борьбы с нищетой и нуждой к зажиточному состоянию и прогрессу по всем направлениям, превосходя других колонистов в культурном отношении. Но, по мере того как они приобретали и увеличивали в хозяйственном отношении, они теряли все больше в духовном, в ра-

достном, в исповедании и в вере, готовой на жертвы и к самопожертвованию. Они духовно застыли в мертвом формализме и уподобились равно другим евангельским колонистам здесь на юге. Когда позже вестник Божий **пастор Вюст** прибыл в Россию и начал с успехом свой евангельский труд среди отделенных общин около Азовского моря и своими захватывающими проповедями к покаянию пробудил лежавшие во сне и безопасности нерадивые общины, то пробудились также и они к новым стремлениям, к покаянию через живые и зажженные Вюстом проповеди, которые он так же часто держал в соседних меннонитских селах. Скоро включились в движение из их среды проповедники, ремесленники и крестьяне, способствуя делу пробуждения. Таким образом возникло в Таврической и соседних губерниях подобное, как и у нас, и в окрестности Одессы, всеобщее пробуждение, которое осталось у них на продолжительное время. Обратившиеся меннониты, читая ныне с усердием Священное Писание, обнаружили вскоре, что меннонитство отступило не только в своей изнеженности от строгой христианской общинной жизни по апостольскому образцу, как в этом упражнялись их предки, но и от апостольских принципов, как восприняли их благодаря Реформации те самые Менно Симонс и другие. Среди вопросов был также вопрос практики крещения, который не соблюдался больше, как во времена Реформации, над добровольно исповедавшей помилованной душой через погружение по апостольскому порядку, но по твердо установленному возрасту крещаемого без сердечного обращения путем обливания водой, что дало повод к выходу из меннонитской церкви и возврату к своему первоначальному состоянию, или, как они оправдываются перед властями: «Мы выходим не

из первоначального меннонитства, но желаем соблюдать его на практике». (Фризен, «История меннонитов»). Затем, когда в шестидесятых годах девятнадцатого столетия братьями меннонитами был поднят вопрос о библейском крещении верующих через погружение, то выступили руководимые братом Унгером с письменным запросом к брату Онкену в Гамбург, где было сказано, что собралась небольшая группа, во главе которой стоял брат Унгер и другие выдающиеся мужья, принявшие по-библейски водное крещение.

Я касаюсь этого события только вкратце, ибо моя задача является сообщить о возникновении баптистов на юге, но я не мог его обойти, не упоминая также и меннонитское движение, поскольку оно связано с нашим делом. Эти братские меннониты были не только первыми, которые выступили за крещение по вере и крестились, но они принесли то же самое и для нас.

В 1864 году на праздник Троицы прибыли два проповедника от них в **Новый Данциг** и крестили там через погружение в речке Ингуле некоторое количество уверовавших мужчин и женщин. Результат крещения привлек большое внимание и был опубликован в газете. Конечно, событие было по-разному воспринято; многими оно было осмеяно и осуждено. Но верующим оно дало повод обдумать вопрос крещения, сравнивая его с учением Библии. О том, что детокрещение является не по Библии и учение о возрождении через крещение является заблуждением, об этом мы имели ясное представление, но вот был вопрос: что, собственно говоря, является крещением и кто должен быть крещен? При тщательном исследовании Св. Писания было нам нетрудно найти ответ на примере и повелении нашего Господа Иисуса. Затем, когда еще в том же году брат Ковальский, член общины братских

меннонитов, 15 сентября 1864 года пришел к нам, то 20 душ, мужчин и женщин решились последовать их убеждению и креститься. В том же году последовали еще многие из передовых братьев церковных верующих, так что большинство собрания придерживалось нас. Наряду с нашим собранием мы посещали, как и прежде, также собрания в здании школы, пока постепенно все пришли к убеждению, что крещение по вере является установлением Христа согласно Слову Божию. У остальных, которые еще постоянно хотели держаться твердого убеждения, что детокрещение имеет основание в Библии, помог суперинтендант Петербурга, когда он посетил собрание в 1869 году на Вознесение в Старом Данциге, и после упорядочения в церкви о нравоучении дня после обеда (1 Иоанна 1), он сделал в своем обращении к общине между прочим следующее замечание: «Детокрещение, конечно, в Библии не предписано, но наш святой реформатор М. Лютер признал его при своей Реформации как правильное» и т. д. Ведь это имело цель, чтобы успокоить остальных и утвердить в прежней вере, но оказало именно противоположное действие. «Итак, слушайте вы сами о своем Пастыреначальнике, о чем вам говорили и баптисты, что детокрещение не имеет основания в Священном Писании. О том что большой реформатор Лютер приобрел у нас большое уважение и даже сейчас имеет у баптистов глубокое уважение, это я, конечно, не хочу долго доказывать. Но мы видели в нем только слугу Господнего рядом с другими из времен Реформации, которые расходились в вопросе поучения. Выше же его мы видим Самого Господа с Его примером на Иордане и слышим его повеление к Своим ученикам при разлучении на горе Елеонской, и нам стало ясно, что это является нашей обязанностью:

больше обращать внимание на Господа, нежели на слугу, даже если он приобрел самое большое уважение». Так рассуждали в своей проповеди стоящие братья, и в тот же день пришли некоторые и заявили на крещение. Все сказанное случилось в день Вознесения, а затем на Троицу мы пережили в Старом Данциге самый большой праздник крещения. Все остальные праздники крещения здесь, как и предыдущие, а также и последующие, до настоящего времени не имели равного числа крещаемых.

Дорогой Господь благословил нашу притесняемую группу большим пробуждением, так что к первым крещаемым присоединилось множество новообращенных. Мы пригласили на этот праздник наших братьев меннонитов, с которыми мы в то время находились еще в сердечном общении и разделяли вместе и радость, и горе. Среди других прибыли: брат Унгер, их руководящий, и брат Иоганн Вилер, который в то время был еще юношей, но уже регулярно принимал участие в распространении Царствия Божия и в то время как раз возвратился из Германии. Также находился среди нас брат Генрих Майер, прибывший со мною вместе на Троицу в Россию из Германии и позже приобрел свой круг деятельности в Будапеште (Австрия). С этими братьями и с другими прибывшими гостями дело обстояло здесь как некогда с Варнавой в Антиохии (Д. Апок. 11:23), где говорится: «Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем». К претендентам на крещение принадлежал также и русский по национальности брат Е. (**Ефим Цымбал**). Но мы не могли решить преподать ему крещение. Но когда состоялось в речке дело крещения на 2-й день Троицы перед большой толпой зрителей, то брату Е.

(Ефиму Цымбалу) не смогли сопротивляться; он смешался с толпой крещаемых и был с ними крещен без ведома об этом брата Унгера, исполнявшего дело крещения. Таким образом, этот большой праздник крещения стал поводом к чудесному началу баптизма в кругах верующих среди русской национальности, которые уже в то время находились в большом количестве в городах, населенных пунктах и в селах на Херсонщине и соседних губерниях, и были известны под именем «штундисты». Брат Е. (Ефим Цымбал) крестил, со своей стороны, далеко известного до самого Петербурга, даже известного во всей России брата **Рябошапку**, который затем был призван руководящим и первым старейшиной и первопроходцем русского баптизма этой местности. О дальнейшем ходе до такой степени маленького начала, несмотря на препятствия, большие страдания и преследования наших русских братьев благосклонный читатель, вероятно, читал уже в книгах и журналах, и, вероятно, в свое время от них самих последует обстоятельная история, которая должна быть очень интересной. Между тем моей задачей является написать только историю о немецких баптистах

Препятствия и преследования

Как это везде случалось при таком духовном пробуждении, то и в данном случае события истории не прошли без препятствий и преследований. Но они все же не были здесь настолько сильными, каковые претерпели наши братья при первых зарождениях церквей в Англии, Германии и других западных странах. Почему преследования в Южной России не были на-

столько жестокими, в этом, по моему мнению, есть три причины:

1. Время, в которое мы проходили испытания, чтобы бороться, дало нам это преимущество, а именно благодаря свету Евангелия, которое благодаря Библейскому обществу было распространено в таком большом и обширном количестве во всех христианских странах. Вследствие этого постепенным познанием был проложен путь и к высшим кругам, которые не так резко противоречили Евангелию и Духу Христа, чем преследованием и мерами насилия в деле веры. Также и Евангельский альянс содействовал этому, чтобы настроение терпимости содействовало изменению взглядов христианских властей, так что постепенно наступило время свободы, в котором мы сейчас живем.

2. Как вторую причину следует назвать также то обстоятельство, что православная церковь России принципиально признает, что заблудившихся нельзя возвратить насилем и наказанием каторжной тюрьмой, но благодаря убеждению из Евангелия, как об этом недавно ясно высказался митрополит Анатолий на одном миссионерском собрании в Петербурге. Он отметил это как недостойный поступок и как признак слабости, если миссионеры и пасторы пользуются в своем деле исправления и деле веры помощью полиции.

3. Третьей же причиной, почему мы здесь вначале были мало преследуемы, чем наши братья за границей, является то обстоятельство, что правительство не так сильно реагировало, когда в неправославных обществах России возникали разногласия и разделения, поскольку долгое время такое движение не имело дела с правоверной церковью. По этой причине и русские

баптисты больше страдали, чем немецкие. Но все же и нам была допущена доля скорби от Бога путем преследований. Первым крещаемым в этой местности в Новом Данциге пришлось за это поплатиться больше всего. От враждебно противостоящих властей, возбужденных движением, пришло указание высшим учреждениям колонии, которым колонисты в то время были в подчинении, от имени которых выступил инспектор перед отдельными колониями Старого и Нового Данцига, проявляя при этом особое усердие к подавлению движения. Было показано противникам наших братьев, как они могли искоренить здесь баптистов. Он установил, что сельская община должна подписать решение, в котором крещеные будут опорочены как подстрекатели бунта и враждебные обществу люди, и таковые могли быть удалены путем высылки. Благодаря этому решению крещеные были привлечены к суду и, поскольку они остались при своем вероисповедании, то замысел был приведен в исполнение. Поскольку мы в то время назывались еще иностранными колонистами, то выселение могло быть согласно закону только за пределы границы, т. е. они были высланы из страны. Решение было вскоре одобрено и утверждено военным губернатором, проживающим в то время в г. Одессе. Добрые люди, после того как они месяцами страдали между тюремными стенами, попрощались навсегда со страной, которую они уже давно любили и рассматривали как свою родину. Жалобно они попрощались со своим близкими, с которыми они делили так много радости и горя. Среди них были отцы и матери, дети которых по причине вступления их в брак не могли вместе уезжать. Дети были высланы, родители которых остались. Родители, дети которых еще были при них, взяли с собою всю свою се-

мью. Братья и сестры были разлучены друг с другом. Это событие принесло много боли и много слез. Пришлось испытать голод, всевозможные лишения и нужду. Большинство из тех, претерпевших изгнание от своей земной родины и от ограбления своего имущества, уже на небе, где «Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их» (Отк. 7:17). Если даже нашим противникам и удалось исполнить свое намерение, то они все же не достигли своей цели; об этом свидетельствует еще и сегодня существующая в благословении община в Новом Данциге; гораздо больше было достигнуто именно противоположное. Сосланные остановились в Болгарии (ныне Румыния), где они основали маленькую колонию, назвав ее Тульча, или которая так была названа турецким правительством. Благодаря им возникло и там пробуждение. Вскоре примкнуло к ним большое число мужчин и женщин, так что они могли основать там общину, состоящую и поныне в благословении как памятник о том, что Господь за их верность поставил Свою печать. Это был им постоянно как успокаивающий бальзам на раны, нанесенные им благодаря безжалостному изгнанию их от домашнего очага и от своих любимых. Первым проповедником в общине Тульча в Болгарии (ныне Румыния. – *Примеч. пер.*) был А. Либиг, который на их письменное ходатайство к руководству баптистов Германии, был им предложен, и принял это дело как призыв от Господа отправиться в Болгарию и принять слабую, еще молодую и так много постигшую испытаний и по этой причине бедную общину. Что и Божия рука была с ними, и Его чудесное водительство в руководстве Своих единственных детей, а также и Его дело в общем в Его об-

щинах, мы позже все больше сознавали и славили Бога за то, что Он шел с нами такими путями. Когда позже А. Либиг был приглашен в Россию, то последовал ему его брат Гельмут. До такой степени заботился наш добрый Пастырь и Первосвященник о наших душах, чтобы наши дорогие братья, изгнанные из России и много испытавшие скорби, были так же достаточно утешены. Когда мы читаем книгу «Деяния святых апостолов», а также историю церкви или общин, то мы всегда найдем там пример, чтобы в Царствии Божиим способствовать и распространять дело Господне. Эта помощь оказывалась благодаря покушению противников и врагов, которые в этом деле были причастны уничтожить истинных исповедников и последователей Христа.

После того как вышеупомянутый инспектор расправился с группой верующих в Новом Данциге, он обратился с тем же распоряжением также и в Старый Данциг, послав содержание решения общины и дополнив его сопроводительным предписанием, чтобы созвать общину и подписать такое же ее решение. Но здесь были руководящие лица как староста и настоятели церкви, богобоязненные люди, принадлежавшие к пиетистам или братьям. Когда староста повелел зачитать писарю предписание инспектора, то он сказал общине: «Кто с доброй совестью может подписать решение общины, тот пусть это подписывает, но я этого предписания подписывать не могу». Настоятели церкви также сказали свое слово: «Мы также не подпишем!» — «А мы также не подписываем», — сказала большинство из авторитетных мужей села, так что от всей общины подписало только семь лиц. К этому следует заметить, что решение общины было так составлено, как это происходит везде в таких случаях,

когда обвиняемые преследовали якобы враждебные начальству цели, что конечно, определенно было ложью, и это решение не мог подписать никакой добросовестный человек. Но это именно было то, что придавало решению общины законную силу для администрации. Если было бы сказано ясно, что в деле обвиняемых содержится чисто религиозный вопрос, то высылка могла бы не состояться. Старо-данцигское решение общины осталось недействительным, и мы в этот раз возвратились оттуда в ужасе и страхе. Но этому еще не был конец. Когда настолько бедное подписанием решение общины было возвращено инспектору, то пришло второе предписание, в котором было выражено сожаление, что община является настолько слабой и имеет всего только семь смелых образцовых мужчин. Вторым предписанием он установил надсмотрщиков над баптистами, которые должны будут предотвращать каждое собрание, для чего он предоставил им широкие права. Между прочим они должны были также докладывать ему еженедельно о поведении сектантов. Мы воззвали со скорбящим сердцем к Богу, как некогда апостольская церковь: «И ныне, Господи, возри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое» (Деян. 4:29). При этом мы проводили, несмотря на запрещения, наши регулярные собрания, которые оказались особенно благословенными, и утверждающими в вере. В каждом общении, совершаемом нами в то время, мы чувствовали присутствие нашего Бога в собрании; я причислял постоянно этот факт к достопримечательным событиям в моей жизни, будучи верующим. Когда мы собрались в большом количестве в один зимний вечер, так что молитвенный зал был битком набитый, то все присутствующие заметили, что настроение

во время притеснения было особо поднято и воодушевлено. Во время одного воодушевленного пения в собрании вошли в зал двое из этих надсмотрщиков с уполномочиением и, по всей вероятности, не с добрым намерением. Мы же сохранили спокойствие и продолжали петь с исполненными радостью сердцами, потому что были исполнены силою присутствия Духа Святого и были на все готовы. Наши надсмотрщики были также видимо поражены, видя нашу смелость. (Деян. 4:13.)

После того как они прошли несколько шагов вперед, они вдруг повернули обратно, не говоря ни одного слова, и ушли прочь, Этих двух мужчин уже нет больше в живых. Надо надеяться, что они, ища перед своей кончиной прощение за враждебность против истины, нашли ее, потому-то они больше не пришли к нам с намерением для разрушения дела Божьего. Но один из них сказал мне позже по секрету, что им в собрании стало настолько страшно, что они потеряли мужество, так что против своего намерения не могли сказать ни одного слова и менее того что-либо сделать, чтобы нам помешать. «Это — от Господа, и есть дивно в очах наших» (Пс. 117:23). Подобные чудесные испытания Господь часто допускал среди нас в наших притеснениях, которые нас постоянно воодушевляли новым мужеством, когда мы падали духом. Так же и те семь надсмотрщиков, уполномоченные от властей, не пользовались никакими особыми своими правами и ограничивались угрозами. Повсюду были случаи, что проезжающих проповедников арестовывали и днями или неделями держали в заключении, но все же до особых длительных и жестоких преследований дело не доходило, потому что и высшие власти скоро поняли, что мы не имели никаких враждебных по отношению

к государству намерений, и даже взяли нас под защиту.

Дополнение к статье «Препятствия и преследования»

Исключение составляли в этом отношении католические колонии. В этой статье было уже на это указано, насколько фанатически относится папская церковь к инакомыслящим христианам, особенно к таким, которые ради совести отошли от нее. Ведь достаточно известны ужасные меры «душеспасательной церкви» ищущей возвратить заблудших овец снова в свое лоно. Что только инквизиция могла изобрести для истязания и мучения, то было применено над бедными жертвами фанатизма. Хотя католическая церковь не имеет той власти, какую она имела в средневековье, но все же дух ее остался тот же самый и до сегодня.

Наши братья из католиков должны были испытать истину этого утверждения на своей собственной школе. Никакие члены нашей общины, из какой бы церкви они к нам ни перешли, не претерпели так много всевозможных преследований, как эти братья из католиков. Не то что для католиков существовал другой закон, который разрешал бы им совершать такое зверство, но они понимали это, руководимые своими священниками, которые так изворачивали его и злоупотребляли, что они на протяжении десятилетий могли совершать безнаказанные злодеяния над братьями.

С особой жестокостью были преследуемы руководящие братья. К ним принадлежит брат Христиан Фишер, об обращении и переживании которого я опишу в другой главе, и его двоюродный брат Фишер.

Последний сообщил мне обстоятельно нижеследующее событие.

Михаил Фишер жил к этому времени, когда возник баптизм в Южной России, в большой католической колонии Ландау. Когда проникло Евангелие также и среди католиков, то колония Ландау стала местом общины Йоганнистала. Брат Христиан Фишер жил недалеко от этого места на арендованной земле. Он по временам приходил посетить братьев и распространять Священное Писание. При таком посещении он попал однажды в руки своих врагов — и это случилось нередко. Таким образом его посадили в тюрьму и всячески жестоко обращались с ним. О таком событии здесь идет речь.

В один день его схватили, и враги его сорвали на нем свою злобу. Его мучили целый день. Некоторые садились ему на голову, другие, особенно его родственники и прежние друзья, пытались воздействовать на него веревками и палками. Когда его в достаточной мере избили, то приказали ему встать. В одну руку воткнули ему освященную горящую восковую свечу, а в другую крест, приказывая ему молиться четками. Но поскольку он отказался, то его снова избили палками.

Таким способом мучения продолжались целый день. Родители его также принимали участие с большим усердием. Было желание, как и инквизиция средних веков имела цель, этим способом возвратить его снова в католицизм путем отречения.

Когда наконец враги пришли к изнеможению и брат Фишер почти не мог больше устоять на ногах, ему все же не дали в течение целого дня ничего поесть и разрешили ему лечь за трубой. Вскоре после этого издевательства пришли две женщины и заявили: «Он одержимый нечистым духом. Избиение ничего не по-

может. Мы знаем другое средство». Это средство было также немедленно применено. Одна из женщин принесла священную воду. Этой водой она окропила брата Фишера несколько раз и молилась при этом четкой. (Четки — нитка бус, ремень с узлами или в борах для счета молитв и поклонов. — *Примеч. пер.*). Случайным образом его стало в этот момент тошнить, так что у него началась сильная рвота. И вот женщины вскричали, уверенные в победе: «Он уже идет, он уже идет!» — а именно злой дух.

В другой раз его поймали и арестовали при посещении братьев. После того как над ним достаточно надругались и жестоко обращались, его хотели доставить до пристава. Несколько ездовых конвоировали его. Он должен был пройти пешком, причем беглым шагом 20 — 25 км.; при этом он должен был еще нести свою шубу на руках. Ноша при этом была для него непосильной и мешала в ходьбе. Но все просьбы к ездовым взять у него шубу были напрасны. Он должен был взывать к Богу и собрать все свои силы, чтобы не умереть. Все это делали, чтобы сломить его сопротивление.

Его коллега, брат Христиан Фишер, и небольшая группа единомышленников, проживавшая с ним в селе, постоянно находилась годами под такими стесненными обстоятельствами. Собrania зачастую оканчивались арестами и денежными штрафами. Брат Фишер, у которого проводились собрания, должен был страдать вдвойне.

Также и с вопросом погребения на кладбище первые верующие имели много хлопот и возни. В 1874 г. у брата Михаила Фишера умер ребенок. Он послал своих людей на кладбище, на котором он все же как землевладелец имел участок, также он внес свою часть

при недавно состоявшейся новой ограде. Но местная полиция не допустила и выгнала гробокопателей с территории кладбища. Он обратился к старосте села. Последний ответил ему: «Этого нельзя допустить. Папа не разрешает, чтобы похоронить дитя на кладбище, поскольку оно не крещеное». Наконец-то брат Фишер пошел к священнику и представился ему. Но тот подтвердил только то, о чем староста села ему уже сообщал.

После того как брат напрасно шесть дней проходил, чтобы для своего мертвого дитя получить место для погребения, он поехал наконец за 25 верст до мирового судьи. Тот послал его еще раз за 45 верст к высшему полицейскому чиновнику. Последний отдал строгий приказ сельской общине, чтобы Фишеру немедленно разрешили похоронить его покойника. Община села была собрана. Можно было услышать всевозможные враждебные высказывания: «Пусть Фишер закапывает своего дитя на каменоломне, где закапывают павший скот». Но приказ начальства был не выполнен.

Брат Фишер должен был еще дважды ехать до пристава, пока община наконец была вынуждена указать ему место погребения. По совету священника ему дали место на старом заброшенном кладбище, лежавшем много верст от села на границе Ландау и Рорбаха.

После всех этих мучений, длившихся, целых 10 дней, брат Фишер смог наконец на одиннадцатый день придать земле свое дитя.

Три месяца спустя у брата Деккера также умерло также. Также и ему сельская управа отказала в похоронах. Но поскольку дитя умерло по причине эпидемической болезни (оспы), то брат был расположен как можно скорее его похоронить. Вместе с братом Гейдт

он поехал к приставу с этой просьбой. Тот спросил его : «Как зовут дитя?» — «Яков», — был ответ. «По какой причине оно умерло?» — «Болело оспой». Пристав немедленно написал строгий приказ волостному учреждению. Волостной староста должен немедленно после получения приказа дать разрешение дитя Якова Деккера под полицейским надзором похоронить на кладбище. Он лично сам прибудет и удостоверится, что дитя М. Фишера должно было быть похоронено на границе своего села.

Когда был зачитан приказ пристава, то послышались громкие голоса: «Деккер обманул пристава. Он сказал ему, что дитя зовут Яков, а оно совсем не крещеное». Они поняли, что дитя не могло зваться Яковом, поскольку оно не было крещеное. На этом основании его нельзя и хоронить. Изъявили желание немедленно ехать к приставу и разъяснить ему. Помощник, замещавший отсутствовавшего старосту сказал: «Этого я не могу разрешить, если Деккер не согласится ожидать». Настояли, чтобы брат Деккер пообещал ожидать до 10 часов утра следующего дня. К определенному времени послы еще не возвратились. На просьбу помощника брат Деккер повременил еще один час. Когда прошел и этот срок, он сказал: «Дольше я не могу больше ожидать, я погребу своего умершего на кладбище». — «Делайте то, что хотите», — был ответ помощника.

Брат Деккер взял своего работника, выкопал могилу на месте, где люди брата Фишера три месяца спустя начали копать, и похоронил со вздохом и молитвой своего мертвеца. Был католический праздник в этот день. В то время как брат Деккер только что окончил свою печальную работу, люди вышли из церкви и застали его еще около могилы. Он, ничего

доброе не подозревая, поспешил уйти оттуда. Весть о его действии распространилась с быстротой молнии по всему населенному пункту. С сильным возбуждением люди стеклись со всех уголков. Брата Деккера немедленно доставили полицией в сельскую управу. Ему угрожали арестом, если он немедленно не выкопает и не заберет своего дитя. Брат Деккер отказался, потому что он мог законно утверждать, что он сдержал свое обещанное слово и повременил больше, чем до 10 часов, о чем может засвидетельствовать помощник. Поскольку последний мог все же его защищать, то толпа вытолкала его. Четыре человека схватили его, поскольку он не желал уйти, за руки и за ноги и пронесли его на какое-то расстояние. Наконец они бросили его на землю, схватили его работника, оказавшего помощь при погребении, и принудили его и еще другого молодого человека раскопать могилу. Они дошли было уже до самого гроба, когда брат работника закричал ему: «Христьян, брось лопату с рук! Кто желает поднять дитя, тот пусть берет». Откапывавшие яму последовали совету и убрались, другие последовали за ним. И вот пришла полиция и поставила 16 человек охраны над открытой могилой.

На следующее утро пришло 30 женщин к тому месту. Четыре из них взяли мертвого ребенка и понесли назад в сопровождении других в дом траура. Брата Деккера не было дома. Его старшая дочь с другими детьми, увидев, что люди несут обратно «Яшеньку», заперла на засов дверь и на стук в двери не отвечала. Таким образом, толпе ничего не осталось делать, как только поставить гроб в открытую конюшню. Сельская управа должна была поставить охрану днем 8 человек, а ночью вдвое больше.

Дело пришло еще раз от пристава, который послал своего заместителя, приказав общине предоставить баптистам рядом с их кладбищем место для погребения. В присутствии чиновника должны были приготовить могилу для дитя брата Деккера, в которой наконец бранные останки нашли покой. После того все закончилось; полицейский чиновник обратился лицом ко всей толпе, к отцу ребенка и к другим баптистам со словами: «Отныне это место будет вашим кладбищем. Здесь вы будете хоронить своих мертвецов, и никто не имеет больше права вам препятствовать». Таким образом, гонимые христиане заимели наконец покой и могли отныне погребать своих мертвецов по христианскому обычаю: с молитвой, пением и рассмотрением Слова Божия у могилы.

Не менее трудностей они имели при своих собраниях, которые должны были проводиться в частных домах за неимением молитвенного дома. В денежных штрафах и арестах, как уже упоминалось, не было недостатка, поскольку братья были обвинены в преступлении параграфов закона, относя их к политическим собраниям, с которыми они, в сущности говоря, ничего общего не имели. Когда высшие власти по повторным обвинениям ознакомились с их основными положениями и увидели, что они не были настолько опасными людьми, как это пытались представить их в числе обвиняемых, то притесняемые власти взяли под защиту.

Таким образом, открытое преследование прекратилось, но тем злостнее оно продолжалось втайне. Собрания, которые не могли быть больше запрещены, были часто нарушаемы грубым бесчинством. Бросали в окна камни так, что они вскруживали головы собравшимся. Самым грубым образом это бесчинство

устраивалось вечером, когда виновников нельзя было распознать. Господь предотвращал в Своей милости каждый смертельный случай, который мог бы так легко совершиться. Был случай одним вечером, когда собрание проводилось у брата Михаила Фишера: двухфунтовый камень упал в колыбель, в которой спало маленькое дитя. То, что ребенок остался невредим при такой большой опасности, родители постоянно приписывали заслоняющей руке их Бога.

Такое преследование длительное время не легко можно было переносить, нежели прежние открытые преследования. Верующие должны были находиться в постоянном страхе на своих собраниях. Также и в своей личной жизни они испытывали слишком много страданий, поскольку почти все жители большого села были их врагами, поставившие себе цель искоренить баптистов. Какие средства они для этого применяли, это ясно, если обдумать, что они поступали по известному принципу католической церкви: цель оправдывает средства.

Вместе со всеми этими преследованиями они понесли также много материального ущерба из-за разбитых оконных стекол и других злых поступков врагов, общая сумма которого со временем составила не менее, чем прежние денежные штрафы. В местной полиции они не находили никакого права и никакой защиты, ибо и они принадлежали к их врагам, и если верующие узнавали преступников, то полиция их больше не выдавала.

Все эти обстоятельства и постоянные вызовы полиции принудили их к тому, чтобы приобрести молитвенный дом. Они советовались, молились об этом и пришли к заключению построить такой молитвенный дом. Брат М. Фишер дал для этого дела место в своем

дворе, потому что от сельской общины они не могли ничего ожидать, чтобы получить строительную площадку, как они до окончания года с помощью властей получили место для кладбища. Там были причины гораздо существеннее чем здесь, потому что мертвецы должны быть погребены. Но из-за строительной площадки было им причинено много трудностей со стороны соседей и сельской общины. После многих препятствий со стороны местной полиции и повторяющихся поездок в волостную управу и к приставу, строительство с Божьей помощью было счастливо окончено. Утверждения также долго не пришлось ожидать. Таким образом, на Троицу 1882 года состоялось освящение молитвенного дома. Брат А. Либиг и другие братья могли беспрепятственно проповедовать Слово Божие в большом собрании.

Теперь самые большие трудности были преодолены. Также и фанатическая ненависть врагов постепенно смягчилась. В общем же наши братья из католиков претерпели больше и более сильную скорбь, чем братья в евангелистических колониях, хотя все они находились под одной и той же властью и под одинаковыми законами в лице гуманного военного губернатора г. Одессы генерала Коцебу, с которым наши братья — как немцы так и русские — имели дело. Господь подарил нам истинного благодетеля, оказавшего защиту от произвольно жестокого обращения, и мы в таких случаях обращались с нашими прошениями к нему не напрасно, на сколько он имел для этого власть на своем высоком служебном положении.

Наше признание

Наше признание как терпимого христианского общества в большой царской империи было также важным событием в нашей истории, которое необходимо включить в главу «Преследования», и которое я не могу здесь оставить неупомянутым. Это было благодеянием, которое баптистам, кроме русских, во всей империи, послужило добром, и с ним прекратились совершенно преследования. Для нас же и для меня лично это событие имело особое значение. Это было в 1871 году, когда в Новом Данциге мне было поручено преподавать святое водное крещение, имевшее последствием, что меня арестовали и доставили к приставу. В беседе с приставом я сослался на его превосходительство военного губернатора Коцебу, от которого в учреждении нашей волости находилось предписание с указанием, чтобы местные учреждения не причиняли никаких произвольных насилий над баптистами по причине своих религиозных исповеданий. Пристав освободил меня, делая замечание, что он осведомится по моему вопросу у губернатора. Позже 25 января 1872 года меня потребовали к губернатору Абаса в Херсон, который разъяснил мне, что по предписанию военного губернатора нам не дано права к пропаганде. Очевидно, это не было его намерением вступить со мною в переговоры. Однако дело кончилось тем, что по моему ясному убеждению это была воля Божия. Он дал мне возможность целый час, чтобы разъяснить ему основы нашего убеждения и что является нашей целью. Я сказал ему, что мы вообще не ведем никакой пропаганды в том смысле, как это в общем понимают, но что нашей целью является приводить погрязшие в грехах души ко Христу, нашему Спасителю. Дорогой Гос-

подь дал мне для этого мужество с особой радостью высказать свое мнение о Христе, поскольку я по природе застенчивый и нерешительный. В том заключается только и разъяснение, что высокий господин беседовал со мной долгое время, высказываясь при этом несколько раз, что он о баптистах имел совершенно другое представление. Но что это имеет с нашим признанием? Читатель задаст вопрос. Я хочу этим сказать: еще прежде чем губернатор меня отпустил, он дал мне добрый совет, чтобы выступить с ходатайством к правительству в Петербург, к которому мы должны приложить наше вероисповедание. Прошение о признании и свободе для исполнения нашего вероисповедания должны мы послать через него на имя министерства, и он будет ходатайствовать о нашем деле и надеется, что мы не напрасно будем просить. На обратном пути я встретил в колонии Штейнгут брата Вилера, которому сообщил наш разговор с губернатором. Брат Вилер этим очень заинтересовался, ободрил меня к скорому выполнению этого важного совета. Поскольку он хорошо владел русским языком, то предложил свою услугу перевести текст нашего вероисповедания на русский язык, что он и сделал, потому что доброе дело у него также лежало на сердце, как и у нас. Через несколько недель мы оба послали прошение, составленное благосклонно одним из наших правоведов, и вероучение. Три года позже немецкие баптисты, или, вернее, выходцы из православной церкви баптистов в России, получили свободу для исповедания своей веры по своему ритуалу. Если даже повлияли и другие причины приготовить это важное дело в высших кругах правительства, то я твердо в этом уверен, что моя поездка в Херсон и теплое участие, найденное мною там, а также благосклонный совет его

превосходительства, который мы немедленно исполнили, а затем прилагаемое ходатайство, обещанное мне губернатором, приложившим также и свое участие в этом деле, общее желание баптистов в России было исполнено, и преследование было полностью прекращено.

Наша первая поездка к братским меннонитам в Эйнлаге

С того времени прошло уже больше одного года, когда в Эйнлаге первым было преподано крещение. Преподавший водное крещение брат К... был арестован и, подобно ново-данцигским, выслан за границу, а оставшиеся остались как неопытные дети и были предоставлены самим себе. В то время они еще также ничего не знали о другой одинаковой по убеждению общине как только об общине братских меннонитов. Но и они не смогли нам оказать никакой помощи, хотя бы они охотно пожелали это сделать, поскольку каждое внешнее посещение было строго запрещено и преследуемо, для чего местная полиция имела уполномочие от властей, чему и наши покровители на месте не в состоянии были ей помешать. Это было для нашего дальнейшего благовествования болезненно ощутимым препятствием. Хотя Бог Святым Духом укреплял нас больше, чем когда-либо присутствием Своей милости и щедро возмещал, ибо мы имели нужду в поучении со стороны истинных вестников Христа, которого мы были лишены. Тем не менее Павел должен был прийти в Асию по побуждению Духа и в Кесарию Петр к сотнику Корнилию, который должен был сказать ему слова, что он должен был делать. Но поскольку братья к нам не могли прийти, то мы согласились группой в

количестве семи человек поехать к ним. В то время такая поездка могла состояться только при помощи лошадей и повозки и была всегда очень тяжелой и утомительной. В мае месяце 1866 года мы собрались и встретили в нашей поездке сперва брата Арона Леппа, который в то время был руководящим лицом в еврейской колонии, а позже помощником руководящего у брата Унгера, а после его смерти руководящим общиной в Эйнлаге. После того как мы находились у него пару дней, в благословении он сопровождал нас на своей повозке в Эйнлаге. Результат нашей встречи здесь был весьма печальный, и мы не нашли того, что искали, а именно: поучение и организацию. Правда, они были организованной общиной с руководящим, учителем, евангелистом и даже с апостолом, что нам показалось совершенно новым, но этой организации недоставало здравого основания. Фанатическое направление, которое происходило еще от рожденного того духовного движения, движимого духом проповедника пробуждения пастора Вюста, взволновало также и здесь сердца и нашло у мнимого, апостола Гергарда Вилера и руководящего Нейфельда свою опору. Это фанатическое заблуждение привело к грубым нравственным бесчинствам и к разделению в общине. Трезвые братья, во главе которых стоял брат Унгер, рассматривались как отлученные. Наши старания, в которых особенно принимал участие брат Лепп, чтобы привести в этом деле примирение и направить его в правильное русло, не удалось. С удрученным сердцем были с нами братья Унгер и Лепп и их сторонники.

Мы также при этом вспомнили предостережение апостола Иоанна: «Возлюбленные! не всякому духу

верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они». (1 Ин. 4:1).

Никогда прежде я не ощущал так серьезно истину, как именно здесь, что и дети Божии могут оказаться в этой опасности под влиянием такого ложного духа, который является не от Бога. Послушав совета и не пожелавши принять здравого учения, они были ослеплены духом заблуждения, которого считали за Духа Святого. Мы в этом заблуждении все здесь поняли, что насколько необходимо является предостережение Апостола также и для верующих. Но мы оставим это дело. Кто об этом заблуждении пожелает узнать обстоятельно, тот найдет его в описании братом Эпп в книжном магазине «Радуга».

Братья поняли, что они при таких обстоятельствах и по другим причинам не могли идти навстречу нашим нуждам, и дали нам совет, чтобы мы обратились к брату Й. Г. Онкену в Гамбург. Брат Унгер дал мне адрес к нему, и когда мы снова возвратились в свой домашний очаг, то первой моей обязанностью было написать от имени нашей группы письмо на имя Й. Г. Онкена, в котором я описал наши духовные переживания и потребности настолько обстоятельно, насколько было возможно, а затем просил от имени общины приехать к нам оказать помощь или кого-либо послать. Ответ пришел немедленно. Итак Й. Г. Онкен сообщил следующее: «Дорогой брат Прицкау! Прими сердечную благодарность за Ваше долгое и обстоятельное письмо, исполнившее меня частично радостью, но также частично и болью. Радость заключается в том, что дорогой Господь собирает и в России для Себя народ, который поклоняется Ему в духе и истине. Но больно то, что среди детей Божьих распространились там разделения и заблуждения. Итак, послед-

нее является постоянно делом сатаны, вследствие чего он как враг имеет намерение произвести разрушение в общине». С таким началом письма обратился брат Онкен. Затем он продолжал нас поучать, утешать и ободрять продолжать молиться в общине, как это мы делали. Они хотят по нашему делу объединиться для молитвы, а затем ожидать, пока Господь укажет нам путь, по которому мы должны дальше продолжать вести Его дело, которое Он начал у нас. Этот путь вскоре указал нам Господь, но иначе, чем я располагал и желал. Едва ли прошел еще один год в молитве и в надежде о вестнике Иисуса, как в одном общем вечернем собрании в здании школы у братьев пиетистов их руководящий брат М. Гидт, ставший впоследствии моим помощником, в конце собрания предложил послать меня в Гамбург. Большинство братьев-пиетистов, а именно брат Гидт были в познании Священного Писания с нами согласны, разделяя нужду с нами в наших потребностях. Брат Гидт сказал: «Я даю 15 рублей», — обращаясь к своему соседу; с одинаковой щедростью и таким же образом высказались по порядку все. Средств для моей посылки в Гамбург пришло в тот незапамятный вечер еще более чем достаточно. В сознании моей слабости и большой работы мне было тяжело принять предложение, но перед лицом срочной необходимости невозможно было отказаться. Иногда я должен был признать в откровенном и простодушном согласии явное Божие указание. Прошло только несколько недель с того времени, и я уже находился на пути в Гамбург. Начиная от Ольвиополя я впервые в своей жизни ехал по железной дороге, проложенной до этой станции от Одессы. В Одессе я должен был быть по причине заграничного паспорта, где я у братьев-пиетистов, а именно у госпо-

дина Шутце, в то время руководящего общиной пие-
тистов, нашел братский приют. Братья оказали мне
помощь словом и делом в получении паспорта, что
немало принесло мне ободрение, в котором я так нуж-
дался. Через одну неделю братья приветствовали уже
меня в Гамбурге, где именно я уже был знаком с бра-
том Онкеном благодаря нашему обмену письмами.
Братья увидели в моем прибытии к ним водительство
Божие, считая своей обязанностью настолько оказать
мне помощь, насколько было в их возможности. Очень
уж сожалели они о том, что именно сейчас у них ни-
каких библейских курсов не состоялось, как они ино-
гда проводили, прежде чем был основан семинар про-
поведников для начинающих проповедников и мис-
сионеров с 6-месячным сроком. После одного совеща-
ния комитета брата Онкена уполномочили обратиться
в Хришону с прошением принять меня с возмещением
в их семинар. Но по причине того, что я был бапти-
стом, в прошении было отказано, и, таким образом,
для меня осталось только практическое занятие в Гам-
бурге, которое было для меня очень полезным и проч-
ным благословением. Один год я находился членом
Гамбургской общины, оказывая помощь на станции в
проповедовании слова. Был членом молодежного и
хорового объединения, а также оказывал помощь вос-
кресной школе и посещал лекции для подготовки учи-
телей. Таким образом я имел достаточную возмож-
ность расширить свои знания и собрать опыт во всех
направлениях, пригодившийся мне позже.

В апреле 1869 года я попрощался с общиной, при
благословении которой я перед общиной был рукопо-
ложен братом Онкеном для миссионерского служения.
С обильным благословением я отправился домой со-
вместно с братом Г. Майером и прибыл благополучно

домой за несколько дней до Троицы. По дороге мы посетили еще много местностей, среди других также и м. Тульчу в Болгарии (ныне в Румынии.— Примеч. переводчика), где я впервые встретился с братом Либиг. На своей родине на праздник Троицы благодаря большому торжеству по случаю крещения, о котором я уже повествовал, и братского приема я был очень ободрен и радостно принял дела служения.

Посещение братом Г. Онкеном России (1869 год)

При моем прощании брат Онкен обещал мне, что он намеревается, если Богу будет угодно, посетить нас в России. Обещание свое он исполнил в скором времени. Еще в том же году в начале октября месяца посещение его было для нас неожиданностью, без предварительного извещения, и я оказал ему радостный прием в своем отцовском доме. Две недели он задержался у нас в Старом Данциге. Наряду с проповедью на двух воскресных днях и вечерами в субботу он руководил несколько раз членскими собраниями общины, на которых состоялось избрание руководящего и заместителей, а также диаконов, которые затем в первое воскресенье его пребывания у нас перед большим собранием, состоявшим кроме местных жителей из людей и посетителей из одесской и николаевской областей, были рукоположены. День этого торжества произвел глубокое впечатление на большое собрание. Три раза за время его пребывания было у нас торжество по случаю крещения. Дважды преподавал крещение брат Онкен, на третий раз выпала мне задача преподавать водное крещение. Весьма удивительно показалось ему, что зрители торжества при преподавании

крещения вели себя настолько спокойно, что у них в Германии при наличии свободы было редким случаем. Слух об иностранном проповеднике дошел также до полиции. Вследствие этого прибыл также и пристав в село и потребовал от брата Онкена паспорт, и поскольку у него в паспорте было отмечено, что он является миссионером, то полиция оставила также все в покое. Когда брат Онкен после двухнедельного пребывания у нас намеревался посетить общину братских меннонитов в Эйнлаге, куда я его сопровождал, то у него еще раз отобрали паспорт и не возвратили раньше, пока он не сообщил полиции, что он будет немедленно телеграфировать в Петербург, что у него отобрали его законный паспорт без причины и препятствуют ему в дальнейшей поездке. От нас я сопровождал его, останавливаясь по всем нашим общинам до Нового Данцига, где он проводил маленькие и большие собрания и по силе возможности оказывал помощь в упорядочении общинных дел. От Нового Данцига братья доставили нас до г. Николаева, где мы частично сельской почтой и частично городской каретой добрались до брата Радикопав Воронцовку, где нашли мы братский приют, и который доставил нас своей собственной бричкой до самого Эйнлага к своим братьям. Он был в Эйнлаге, как я уже упомянул, небезызвестным гостем, хотя они его еще никогда не видели, и тем более была радость, что они встретили долголетнего вестника Христа, убеленного сединой, с которым они уже годами обменивались письмами, и ныне же еще лицом к лицу могут увидеть в этой жизни. Особенно радовался брат Унгер, к которому мы заехали с неожиданным посещением. Он с той же юношеской бодростью и теплотой, как и у нас, совершил затем также здесь среди общины братских меннонитов ту же

работу для ободрения, назидания и поучения верующей массы. После плодотворной рабочей недели в Эйнлаге ему разрешили также и в Хортице проповедовать в большой меннонитской церкви, после чего он пришел к решению возвратиться обратно домой. Брат Дилер и я сопровождали его до самой Одессы, где именно он говорил слово в кругу верующих на собрании, в частных домах и под конец еще приглашен был пастором Бинеманном в лютеранский молитвенный зал свидетельствовать об Иисусе Христе (Лк. 15:2): «Он принимает грешников». Затем убежденный седеной вестник Христа в радостном настроении и полный надежды за дело Господне в России попрощался и возвратился на обратном пути в Болгарию в м. Тульчу к брату А. Либигу, где брат Онкен послужил словом для укрепления в вере некогда изгнанной из России группы, которая за это время уже увеличилась в многочисленную общину.

Незабываемым осталось высокое и благословенное посещение дорогим братом Онкеном. Его достойная уважения внешность с седой головой и все же еще настолько моложавый вид вынуждает каждого обратить внимание. Мы смотрели на него как на отца во Христе, и нам казалось, как будто бы посетил нас патриарх или апостол. Община Старого Данцига существовала уже и до этого и трудилась с успехом и благословением, как это выше указано здесь, но она получила при посещении Онкеном апостольский образ благодаря избранию и рукоположению руководящих через рукоположение по библейскому правилу баптистов. Поэтому в нашей статистике принятый год основания считается как 1869 год.

Эта община была стала первой в нашем нынешнем объединенном регионе, которой вскоре последовали

многие общины-сестры, о которых я желаю в дальнейшем сообщить, насколько мое личное общение имело результат, и я был в состоянии получить данные о первых пионерах-благовестниках.

Яков Деляков

Поскольку я пишу о зарождении баптистской истории, то пришел мне на память еще один вестник Христа того времени, о котором я при этом не могу не упомянуть. Он принадлежал к пресвитерианской церкви и трудился с большим благословением на юге, а именно в Херсонской губернии. От Одессы до Елизаветграда и Николаева он ездил на повозке от села к селу. Там, где ему предоставлялась возможность в немецких и русских селах и городах, он проповедовал и трудился в духе пиетизма. У него не было намерения вести пропаганду о каком-либо религиозном обществе. Он хотел только людей, гибнущих в грехах и пороках, мертвых по преступлению и грехам, равнодушно гибнущих по преступлениям, пробудить трубным звуком Евангелия от греховного сна и побудить к стремлению для Царства Божия и правды Его.

Он считал за свою святую обязанность труждающимся и обремененным, которые напрасно мучаются о мире и покое души, показать путь ко Христу и указать на искупительную жертву, через которую все совершилось, что необходимо им для их высшего счастья.

Брат Я. Деляков не был еще в то время баптистом, как и мы в то время еще не были, так же он не был еще лютеранином, как мы, но принадлежал к пресвитерианскому обществу. Это религиозное общество крепко придерживается, как и лютеране, детокреще-

ния, но все же с разницей, что крещение не содержит возрождения, как этому учат лютеранская и православная церкви, ссылаясь при этом на Евангелие от Иоанна 3:5. В учении и применении крещения пресвитериане стоят ближе к методистам: дети их, несмотря на то, что они крещены, становятся только тогда законными членами и участниками в хлебопреломлении, если они пришли к истинной отдаче своего сердца и исповедовались перед общиной. В остальных основах вероучения они стоят, конечно, ближе всего к баптистам.

По национальности Деляков был перс. Персия была его страной рождения. Там он провел свои юношеские годы, и, что еще важнее, там он нашел также своего Спасителя. Другьям миссии должно быть небезызвестно, что пресвитерианская церковь из Америки в этой стране Востока занимается важным и успешным делом миссии. Число ее членов стало скоро настолько большим, что была настоятельная необходимость открыть для обучения миссионерскую школу отечественных проповедников и миссионеров. В этой школе, которая вскоре была организована, получили многие благовестники Евангелия свое образование.

Со многими из таких благовестников встретились также и мы здесь в Южной России. К сожалению, большинство из них, как это выяснилось позже, были не истинными вестниками Божьими, но обманщиками, использовавшими детскую простоту веры и сердечное братолюбие пиетистов и баптистов в корыстных целях для своей наживы. Пожалуй, многие среди них поступали превратно, запасаясь документами и подписями от названного миссионерского общества, снабженные такими хорошими удостоверениями, уверенно плавали под фальшивым флагом после прощения грехов и во

имя любви, которая всему верит, всего надеется, и могли таким образом только бесстыдно злоупотреблять. Только после повторных неприятных опытов мы убедились, что таким обманщикам с Евангелием на устах слишком много доверяли. Но брат Деляков не принадлежал к числу такой категории благовестников; нет, он был как раз противоположностью, а поэтому он достоин только уважения. Подобно апостолу Павлу, он учил быть сильным и незнающим, иметь избыток и терпеть недостаток и всем быть довольным. Он мог, если это нужно было содействовать Благой Вести спасения и таким образом проложить путь, пожертвовать с радостью последней копеечкой. И он был первопроходцем активного христианства в полном смысле слова.

При своих путешествиях, ежегодно повторяемых им несколько раз, был он обычным гостем у моих покойных родителей; я в то время был еще юношей в доме. Позже я имел часто возможность также и у покойных родителей моей жены, у которых он часто останавливался, с ним поддерживать сношения.

Близкие отношения с вестником Божьим побудили меня также этими строками поставить ему маленький памятник, и я это должен, конечно, сделать с доброй совестью.

Деляков обратился к Господу, еще будучи юношей. Поскольку он чувствовал у себя стремление любви Христа стать вестником мира, то был принят в миссионерскую школу. Там он получил соответственное образование по делу благовествования, разумеется, только по работе среди своего народа в Персии. Но Бог определил в Своем решении иначе. Когда он юношей окончил свою учебу, то у него было влечение уехать на юг России. Здесь в городе Елисаветграде

жил его старший, еще не обращенный брат со своей женой и детьми. Но кроме его брата жили в городах Южной России много его соотечественников, которые духовно были сильно опустившимися. Также и своим соотечественникам он хотел охотно преподнести Благоую Весть примирения через Христа. Благодаря всей этой обстановке он почувствовал себя призванным перенести свою деятельность на юг России.

По истечении года он изучил до некоторой степени русский язык. Итак, теперь он не мог отказаться, чтобы не свидетельствовать о Христе среди немецких колонистов в городе и в селе. Несмотря на его ломаную русскую речь, его все же охотно слушали. Недостаток в свободном владении речью был им восполнен любовью Христа, которая его пронизывала. Он имел связь с главным складом «Британского и заграничного Библейского общества» в Одессе. Хотя он не был поставлен книгоношей от этого общества, но он все же получал Священное Писание по тем же льготам, как и книгоноши. Эти условия дали ему возможность распространить много Библий и Новых Заветов также и среди русского народа. Наряду с этим он был также и торговцем вразнос и получал наряду со Священным Писанием различные товары для продажи. Для этой цели он содержал у себя маленькую повозку и одну лошадь. Имея такое снабжение товарами, он ездил от Одессы в Николаев, а оттуда в Елисаветград, от села к селу, от города к городу и искал преподнести повсюду наряду со своим обычным товаром также самое драгоценное благо вечной истины, а где предоставлялась возможность, свидетельствовать о Христе. Это дело было совершенно подобно вальденсам (в 1176 г. в Лионе, во Франции, организованное Петером Вальдусом [Пьером Вальдо] религиозное социально-

духовное общество, стремящееся к первохристианской общественной жизни, преследуемое католической церковью), которые стремились во времена темного средневековья еще до Реформации принести свет Евангелия в мрачную темноту католической церкви. Кто еще не читал в церковной истории о подвигах веры и успехах того удивительного народа? И вот приходит такой продавец-вальденс к дворянской даме и предлагает ей свое жемчужное ожерелье. Она находит удовольствие в этом и покупает сколько ей нужно. Затем продавец ей говорит, что у него есть еще одна драгоценность которая гораздо красивее, чем все жемчужины. На любопытное желание дамы посмотреть также и эту драгоценность он достает Библию, которая в то время была очень редкой и дорогой, и читает ей кое-что вслух с жаром и убеждением. Дама, покупая книгу и благодаря чтению таковой становится ученицей Иисуса, которая благодаря своей верности в конце концов становится достойной нести венец мученичества.

Таким образом и брат Деляков распространял семя Слова Божия. Его товар нужен был только для той цели, чтобы найти удобный случай предложить Слово Божие и свидетельствовать о Христе. Только вечность покажет это дело, сколько из распространенного семени упало на добрую почву и принесло вечный плод. Он чувствовал это как свою особую задачу и обязанность распространять семя божественного Слова настолько обильно, насколько это возможно с твердой верой, что оно в свое время даст всходы. Он надеялся не напрасно. Мы должны отметить его в этой местности как пионера русского пиетизма, или штундизма, как его называют здесь по ошибке. Благодаря его благовествованию обратились здесь к Господу первые

русские. Когда благодаря его действиям в тишине мало-помалу во всей губернии и за пределами ее разбросанные, одинокие верующие души собирались в селах и городах, он поливал и ухаживал за молодыми растениями самым заботливым образом, чтобы они могли преуспевать. Все это он совершал по примеру вышеописанных вальденсов, и Господь ниспосылал на это дело Свое благословение.

Часто я слышал своими ушами теплые, потрясающие свидетельства, которые он давал в немецких и русских собраниях. Незабываемой является для меня одна из его проповедей, которую я слышал вскоре после своего обращения в русском собрании в соседнем селе. Проповедь была по тексту: «Се, Человек!» (Ин 19:5). О, с каким жаром любви и убежденным сердцем он говорил при этом о Богочеловеке Иисусе Христе! Он рассказывал о Его чудном рождении в яслях Вифлеема, о Его чудной жизни, которая была представлена так ясно и недвусмысленно, Его истинном Божестве, как и Его человечности, о чудесном потрясающем моменте, когда Он был явлен в багрянице и в терновом венце народу, и Пилат, указывая на Него, сказал: «Се, Человек!». Когда он, наконец, изображал Его в Его мученическом образе на кресте, то произнес слова: «Посмотрите на Него, дорогие друзья и братья! Было ли когда-либо страдание, подобное Его страданию? Солнце не могло смотреть на ужасное зрелище, оно скрыло свое лицо и плакало горькими слезами». Также и слушатели многочисленного собрания были настолько потрясены свидетельством божественной любви, что почти все громко рыдали.

Баптизм в Южной России возник в то время, а именно в сфере его деятельности, в кругах его братьев, которых Деляков так искренно любил. Он этого не

ожидал и не желал, но он не относился враждебно, как это делали многие братья-пиетисты, к новому течению. Эта терпимость брата имела свое основание, конечно, отчасти также и в том, что он не принадлежал ни к какой-либо здесь существующей общине. Церковь пресвитериан не имела здесь на юге ни одного члена, поэтому его мало тревожило изменение, возникшее из-за выхода многих пиетистов из состоявшихся церквей. Так же и прежде он поистине побратски общался с нами, после того как мы примкнули к обществу баптистов. Выход из государственных церквей и учреждение общины, состоявшей из верующих, которые доказывали своим образом жизни, что они являются детьми Божиими и прославляли между собой смерть Господа в хлебопреломлении — это все были действия, которые его вскоре убедили и которые он нашел как библейскими и необходимыми. Также он согласился с тем, что крещение, соблюдаемое, баптистами, является более правильным, нежели крещение детей.

Но он не чувствовал в свое время для своей личности ни необходимости, ни обязанности принять крещение. При этом он все же не переставал нас во времена скорби и притеснений утешать, ободрять и поучать. Когда верующие церковники увлеклись совместно с неверующими обращаться с баптистами злостно и враждебно, он увещевал их очень серьезно и указывал им на пример Христа и Его апостолов.

Равным образом он увещевал, где это была необходимо, также и баптистов и давал им многие братские советы. Никогда я не могу забыть на своем жизненном пути те серьезные слова, которые он говорил на одном баптистском собрании о словах Христа: «Вы свет мира», а затем применял специально к баптистам

в их особом положении. О, как серьезно запали мне в душу в тот час наши задачи как верующим в общине, что я даже спросил вместе с апостолом: «И кто способен к сему?» (2 Кор. 2:16). «Если, — так он говорил, особенно на том собрании, — к нам человек ходит в грязной одежде и на его одежду прибавить еще больше грязных пятен, то она никому не бросается в глаза и никто на это не обращает внимания, поскольку уже без того все выглядит грязно, но если человек зайдет в чистой белой одежде и получит пятно благодаря соприкосновению с каким-либо грязным предметом, то его заметно издали, и всякий укажет на него пальцем. Точно так обстоит дело, если дети Божии ошибаются и согрешают. Даже маленькие согрешения равны маленьким пятнам на белом одеянии, смотря издали». Такими и подобными словами он увещевал нас как верующих общины осторожно проводить свое странствование по отношению к тем, которые вне общины. «На вас, — говорил он, — смотрит теперь каждый, поскольку вы из-за вашего выхода из церкви и учреждения особой общины желаете представить чистую христианскую общину. Каждая несправедливость, которая в другом месте останется совершенно незамеченной, будет у вас тотчас же обнаружена». Это было сказано вполне по-апостольски и в духе Священного Писания.

Таким образом, дорогой брат Деляков был для нас во время первого зарождения, когда мы были отрезаны от каждого посещения извне, большим благословением. Благодаря его поучениям он замещал нам то, что мы после нашего выбытия долгие годы упустили, потому что мы ни с каким проповедником нашего вероисповедания не имели никаких контактов.

Так же и с ним не могли продолжаться длительные контакты. Тем временем огонь пробуждения распространился быстро и сильно по всей провинции, В городах и селах можно было уже найти многих, которые были известны под именем «штундисты». Это имя было приложено верующим православной церковью только как кличка или как насмешливое прозвище и имеет свое происхождение из Германии. Там было приложено именно насмешливым образом имя верующим «братья-штундисты» или насмешливое прозвище, которое имеет немецкое происхождение и перешло на русских, и пришло известное русское имя «штундисты». Все же имя «штундисты» не имело в первые времена устрашающего звука, которое оно приобрело позже, когда это имя пытались отнести к государственно-опасной секте, преследовавшей нигилистские принципы, не желавшей признавать никакой власти, отвергавшей супружество и творившей еще другие подобные дела. Такой секты, какую представляло себе правительство среди кругов русских братьев, никогда не существовало. Движение было чисто религиозное, без политической примеси. И когда приложили братьям это насмешливое прозвище в его полном позднейшем значении, то этим самым те поступили с ними больно несправедливо. Местные власти, стоявшие к этому движению ближе, могли лучше наблюдать, не видя в нем ничего опасного. Напротив, дело обращения с их стороны было многократно признано. Ведь это сделано было совершенно побиблейски и благоразумно. Иисус сказал: «Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые». Так же и плоды штундизма, ставшие вскоре очевидными, показали что это не было никакое худое дерево, на котором они росли. Высшие власти и низшие чиновники,

соприкасавшиеся с верующими, должны были признать и заметить благословенное действие поучения. В газетах и брошюрах было публично признано, что там, где появлялся штундизм, проявлялись и плоды нравственности. Пьяницы становились трезвыми людьми, воры обратившись к Богу, больше не воровали и т.д. В общинной жизни они были примерными, начальству были послушны и в подчинении. Как часто можно было слышать суждений от мужей, имевших в этом деле много опыта: «Если бы все люди были как штундисты, то не было бы торговли спиртными напитками, и тюрьмы вскоре были бы пустые, и люди жили бы по меньшей мере в страхе от воровства и убийства».

Это все, конечно, являются не худые плоды, и даже власти должны были признать, что это было не худое дерево, на котором они росли. Сказал все же и Иисус: «Не может дерево... худое приносить плоды добрые». Власти также искали доброго в деле штундизма и пока шли навстречу, они братьям охотно разрешили бы свободно совершать свои религиозные отправления обрядов, если бы они только обязались к тому, чтобы не распространять свои религиозные воззрения. На это было им повторно указано со стороны правительства. Особенно они должны были не трогать членов православной господствующей церкви учением Евангелия. Но как могут воистину спасенные дети Божии умалчивать о спасении, найденном ими во Христе, о Божественной силе, чрез которую они могли начать новую жизнь? «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали», — говорили апостолы, когда их обязывали молчать. Также и эти ученики Господа не могли дать другого ответа. Для них было также просто невозможно молчать, особенно по отношению к православным. Они жили все же более всего груп-

пами или разобщенно, часто также как отдельные члены семьи посреди своих православных сограждан. Они ежедневно входили с ними в соприкосновение, беседуя по различным вопросам повседневной жизни; как же они могли умолчать по важнейшим вопросам времени и вечности? К тому же их нередко побуждали со стороны необращенных сограждан свидетельствовать об исповедании своей веры. И дать отчет в уповании они, конечно, все были всегда готовы. Те среди них, которые были сведущи в чтении Писания, ежедневно исследовали его, которое было руководящим началом их жизни. Многие другие мужчины и женщины, которые в своей молодости не имели возможности посещать школу, учились читать уже в преклонном возрасте из любви к своему Иисусу и Его Слову.

О том, что дети Божии не могли молчать и были настолько усердны в чтении Библии, православная церковь ставила им это в вину как пропаганду, хотя это обвинение по смыслу закона здесь совершенно к ним не относилось. Закон подразумевал, конечно, под пропагандой, чтобы людей переубеждать оставлять церковь и присоединяться к другой религиозной общине. О такой пропаганде здесь не могло быть и речи, поскольку большинство штундистов являлись еще членами господствующей церкви и к учреждению самостоятельных общин не имели ни намерений, ни познания. Они понимали свою задачу в том, чтобы поделиться с людьми о том, о чем стало им самим известно через Слово Божие, а именно: что они должны обратиться к Богу, чтобы получить прощение грехов благодаря искупительной жертве Христа. Особенно они подчеркивали важную истину, которой Святой Дух уже давно учил (Деян. 4:12), но которая стала ясной им только теперь: «Ибо нет другого имени под небом,

данного человекам, которым надлежало бы им спастись».

Враги верующих к таким обсуждениям не имели никакого отношения и не желали во всяком случае также сознавать, возбуждая сильные против них обвинения. О том, что они, не соглашаясь на условия правительства и предпочитая лучше претерпеть тюремное заключение, удары и поношения, нежели молчать, за что и было предъявлено им в обвинение. Таким образом, они были позже все более и более притесняемы и преследуемы в судебном порядке.

Также и брат Деляков, который с некоторым перерывом несколько лет трудился втихомолку, должен был отныне покинуть свое рабочее поле. Господь указал ему вскоре место для его деятельности, а именно среди молокан в Таврической губернии.

Молокане являются религиозным обществом, подобным квакерам. Под покровительством благочестивого Императора Александра I они нашли защиту от своих преследователей. Им был отведен, как и немецким колонистам, участок земли для поселения, в то время слишком безлюдной Таврической губернии. Они в большинстве случаев являлись великороссами, прибывшими из центральной части России. После многих лет старательного труда и примерной нравственной жизни они стали зажиточными. Сегодня спустя столетие они получили собственность в Крыму в Донской области, на Кавказе и в других местностях и сильно распространились. Поселение в Таврии осталось по настоящее время постоянным их центром (с. Астраханка. — *Примеч. пер.*).

В своих религиозных воззрениях, как уже было сказано, они стоят очень близко к квакерам. Равно им они не признают ни крещения, ни хлебопреломления и

ведут строгий воздержанный образ жизни, который все же в последнее время, к сожалению, сильно опошлел. Если они удерживались еще от различной пищи, особенно от свинины, что дало им, конечно, название «молокане», то в распутстве и во всевозможных пороках они все же глубоко опустились, как это я должен был печально заметить при моем посещении в Крыму. Познание о милости в возрождении в подрастающем поколении все больше и больше утеряно.

В таком состоянии Деляков нашел молоканство в семидесятых годах 19-го столетия. Его свидетельство о милости в Крови Христа пробудило внимание и начало распространяться. Началось пробуждение и обращение, так что Деляков мог собрать вокруг себя там в селе Астраханке и в соседних селениях небольшую группу таких людей, которые молились Богу в духе и истине. Здесь он снова получил свободу действий. Поскольку он свое прибытие в этом селе осознал как Божию волю, то продолжал в нем оставаться. Хотя различные обстоятельства ему больше не позволили как раньше предпринимать свои проповеднические поездки, но он все же не переставал нас посещать. Иногда по временам он разыскивал нас и русских братьев и сестер в нашей местности и поддерживал с нами связь. Таким образом, связь поддерживалась постоянно и непосредственно.

У молокан он нашел себе единомышленную помощницу. Как пожилой человек в возрасте 40 лет он женился на одной, по своему возрасту, благочестивой вдове.

Так как обращенные молокане, равно и пиетисты в других местах, Библию понимали своим руководящим началом в своей жизни и старательно ее исследовали, то они не могли не пройти мимо, чтобы не натолк-

нуться также на учение о крещении. Совершенно само по себе дошел до них этот вопрос, который они обдумывали: «Почему у нас нет водного крещения?»

Они обращались по этому вопросу к своим проповедникам. С особым вниманием они смотрели все же на брата Делякова, поскольку он был тот, который вел их на путь библейских познаний и к истинному сердечному раскаянию. От него-то они ожидали законного, соответственного Писанию ответа. Брат Деляков мог им только сказать, что водное крещение есть установление самого Господа, которое соблюдалось также апостолами по Его указанию с такими душами, которые были крещены Святым Духом и огнем. Верующие молокане сознавали, что они в этом вопросе до сего времени были в заблуждении и решили это ясное указание Иисуса исполнять.

Конечно, Деляков должен был им оказать помощь в этом деле. Поскольку он был с самого детства пресвитерианином (конгрегационалистом), то ввел у молокан также детокрещение по религиозному обряду этого общества. Таким образом возникли в тех кругах общества русских братьев, которые сегодня известны под именем «захаровцы», но они называют сами себя «евангельские христиане».

После, разумеется, брат Деляков сожалел о своем поступке. Ведь он имел уже раньше познание о библейском крещении и высказался повторно у нас, что крещение баптистов является соответственно по Писанию и правильное, чем практика крещения его общины, но он думал, поскольку он все же один раз принял крещение, то нет необходимости повторно креститься. Но обращенные через него молокане были вовсе не крещены. Вот тут-то было бы уместно начать немедленно дело с самого начала правильно и соот-

ветственно Писанию. Но, он, однако же, обдумывал в то время этот вопрос еще и так, как это нам разъясняли на Бланкенбургской конференции Слово Ефесянам 4:5: «Один Господь, одна вера, одно крещение». Когда там на большом собрании альянса, насчитывающем тысячи участников, было согласие по двум первым важным пунктам, то оратор очень осторожно стал говорил и о третьем, с которым, конечно, как это выступающий признался, не были все согласны. Но он добавил к разъяснению и успокоению, что дело обстоит не так уж плохо: крещение имеют все существующие христианские общества, и, конечно, также все присутствующие слушатели; если оно даже по форме и учению различно, то оно все же является крещением. Так судили на конференции альянса, так рассматривал это дело и брат Деляков: баптисты крестят, правда, соответственно Писанию, но ведь и мы же имеем крещение.

Я не могу не дать об этом месте некоторые разъяснительные замечания о приведенном месте Свящ. Писания. Разъяснение, как оно было дано на упомянутой конференции, становится многим убедительным, желавшим понимать библейские истины по своему личному воззрению. Но кто глубже размышляет об этом изложении, то не может не заметить в этом нелогичное и небиблейское. Будем крепко придерживаться этого понимания и сделаем логические выводы такого толкования Свящ. Писания также и в отношении первых двух слов: «Один Господь, одна вера». Мы придем к следующему результату: если я служу только одному Господу, если даже не именно одному, не служат ли в действительности все люди одному Господу, если даже был бы вельзевул? К такому заключению можно было бы прийти. Но Иисус Навин, при-

ступив в серьезный час к своему народу, взывал к ясному решению: «Изберите себе ныне, кому служить», чтобы прийти ко второму вопросу, к вере. Не все ли люди имеют веру? Начиная от современных «христиан» различных церквей, отвергающих Божество Христа, во имя Которого они крестились, до самых могометан, буддистов и других языческих народов, — разве они не все верят? Да, даже сами атеисты, разве и они не имеют веры?

Ведь это же каждому ясно, что здесь, не подразумевается какой-либо Господь или какая-либо вера, но что здесь указывается на Одно-Единственного Господа, сотворившего небо и землю, и Который не терпит никаких других богов около Себя. Также ясно, что только одна спасающая вера может здесь подразумеваться, которая основана на Слове Божьем и на Крови примирения Иисуса. С той же определенностью, с какой подчеркивается здесь один Господь и одна вера, может все же предполагаться последовательно также только одно, а именно согласно Писанию крещение. Является ли каждая вера, кроме этой одной, недействительной, то несправедливо также является каждое крещение, выходящее из рамок этого одного, узко ограниченного библейского крещения, которое следует и здесь совершенно естественно вере.

Также и для брата Делякова настал час, в котором надежда, основывавшаяся на его крещении, разрушилась, и он увидел, что его крещение все же не удовлетворяет, поскольку оно не было одним крещением. Произошло это следующим образом. Брат Деляков посещал часто, как это выше упомянуто, русских братьев в Херсонской губернии. Большинство из них были уже крещены по-библейски, и в Любомирке, в центре русского баптизма была организована община, руко-

водящим которой был брат Рябошапка. В одно воскресенье в ноябре 1873 года брат Деляков посетил эту общину, остался на целый день в ее среде, проповедуя с большой радостью, причем проявилось наглядно присутствие Святого Духа. В заключение община праздновала вечерю Господню с хлебопреломлением. Брат Деляков должен был при этом обстоятельстве остаться в стороне; ему нельзя было принимать участие в празднестве, поскольку община проводила закрытую тайную вечерю, т. е. участвовать могли в ней согласно правилу общины по-библейски только крещенные по вере.

А брат Деляков к ним не принадлежал. В этот момент ему стало ясно, что слова: «Одно крещение», означают еще больше, чем быть крещенным каким-либо образом, будь это только с водой или в воде.

Он был достаточно в состоянии смирения, чтобы понять свою ошибку и прославить в тот час своего Бога, что он и этому повелению Иисуса желал быть в повелении. О своем решении принять водное крещение он сообщил братьям. Вскоре после этого он принял крещение.

На своем прежнем месте деятельности он больше не мог оставаться. Но дорогой Господь приготовил для него уже другое поле труда, где он мог пожертвовать полностью всю свою силу. Он получил македонский призыв с Дальнего Востока. Последовав этому призыву, он отправился в Манчжурию, где, как известно, есть русские баптистские общины. С тех пор мы его больше не видели, но из достоверных источников я узнал, что Господь обильно благословил там же его труд, и ему удалось приобрести многие человеческие души для Царствия Христа.

В полном расцвете своего труда Господь отозвал Своего дорогого вестника домой на покой: «Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними».

Исполненный любовью Христа, брат Деляков трудился неутомимо и с благословенным успехом. Приобретение душ для Христа было его основной целью, и Господь посылал ему успех, чтобы часто достигать этой цели. Он рисковал также идти туда, куда бы другой мог пойти с трудом. Но Господу нужны такие послушные вестники. Часто я имел возможность наблюдать за его работой для Царствия Божия, и он постоянно поднимался все выше при моем внимании и моей любви. Когда однажды я беседовал в Одессе с господином Шутцом, руководителем пиетизма в Одессе, о брате Делякове, то он высказался об этом дорогом свидетеле следующими словами: «О, что однажды покажет вечность! Как мы будем удивляться и поражаться, если мы увидим там такого вестника Христа во славе и величии, который здесь благодаря своей деятельности в тайне и в тишине "и обративший многих к правде" будет затем сиять, "как звезды, вовеки, навсегда" (Дан. 12:3).

Предрасположенный читатель поймет по всему сказанному, почему я, сообщая о первых зарождениях баптизма на юге, не мог не упомянуть этого идеально-го, безукоризненного, смиренного и любвеобильного свидетеля Иисуса.

Без всякого намерения он вел подготовку здесь для нашего общества. Позже он разыскивал разбросанные и осиротевшие группы баптистов, утешая, ободряя и поучая их. Когда он стал баптистом, Бог позволил ему увидеть еще большие чудеса Его милости в

деле спасения бессмертных душ, но уже больше не в местности теплого юга, но на Дальнем Востоке нашей большой Родины. Там на своем последнем рабочем поле он обрел себе последний покой. Труд же, начатый им, будет продолжаться до пришествия нашего Господа.

Перевод с нем. П.И. Скворцова.

Из кн.: Geschichte der baptisten in Süd-Rusland von J. Pritzkau. Aeltester. — Odessa. 1914. Druck und Verlag von Wenske und Lübek.

Иван Дементьевич Лясоцкий

ИЗ ЗАПИСОК ССЫЛЬНОГО

1. Как я отпал от православия

(По прочтении записок ссыльного баптиста Ивана Лясоцкого один из его братьев по вере просил его записать и историю своего обращения в баптизм, которую Лясоцкий изложил в письме, помещаемом здесь).

Джебраил, 21 июля 1901 г.

Глубоко уважаемый брат Василий Гурьевич!

Письмо твое от 7-го сего июля я получил 17 июля же.

История моего обращения и жизни следующая: я коренной житель села Косяковки, Таращанского уезда Киевской губернии. Служил я волостным писарем в селе Чаплинке того же уезда, в 7–8 верстах от селения Косяковки. Осенью 1871 г. приехал в Чаплинку житель с. Чаплинки Герасим Балабан за получением паспорта, так как он проживал в Херсонской губернии. Слух прошел что он штундист, о чем, конечно, узнал и поп, с которым я жил в дружбе, да еще попадья, — она куковала у меня. Поп просил меня и волостного стар-

шину задержать Балабана для того, чтобы он мог с ним поговорить и увещевать его как овцу своего стада. Просьба попа была уважена, и он приглашал Балабана каждый день на беседу в волость, каковая беседа была всегда в моем ближайшем присутствии, и я ретиво наблюдал за речами как одного, так и другого, также и за текстами Св. Писания, которые указывал Балабан попу и часто ставил попа в тупик. Так продолжалось собеседование не менее месяца, и я признал в моей душе правду на стороне Балабана, и к нему склонилась моя душа и жена моя тоже. Наконец поп официально заявил начальству об аресте Балабана, и в волость последовала бумага о невыдаче Балабану паспорта впредь до особого распоряжения.

После этого я стал ближе к Балабану, чем к попу. Часто мы с ним беседовали из Св. Писания. Наконец и другие люди начали вступать в разговор с Балабаном и убеждаться в справедливости его слов, так что по вечерам у нас начались собрания в отдельных домах. Многие приглашали к себе в дом для беседы и все жаждали этого. Потом Балабан просил меня о выдаче ему секретным образом проходной, дней на 15 в Херсонскую губернию, чтобы взять оттуда славянскую Библию с ссылками. Все это было сделано, и у нас начались открытые собрания, куда стекалась масса народа. А поп уже не рад был, что задержал Балабана, и хотел бы освободить его, но уже было поздно. Таким образом, Балабан прожил в Чаплинке целую зиму. Поп заметил, что я подружился с Балабаном, сделался для меня из друга врагом и начал ходатайствовать пред мировым посредником об удалении меня из волости. Но мировой посредник в уважении просьбы попа перевел меня в другую волость, где я нажил вместо одного попа двух и диакона третьего, где, конечно, во-

лей-неволей приходилось беседовать с ними. И я в другой волости служил не более 6 месяцев; попы до того наскучили мировому посреднику, что он не мог более держать меня, и я был совершенно уволен и пошел восвосяи, в с. Косяковку. Весной 1872 г. я начал заботиться о постройке себе хатенки.

Балабана заключили в тюрьму, а в Чаплинку командирован был помощник станового пристава с одним городовым для преследования и уничтожения собрания. Затем в первых числа августа 1872 г. съехала духовная комиссия; собрали нас всех в г. Таращу, так как Слово Божие уже распространилось и в других селениях. Из селения Плоского взяли 3-х: Феклу Богдашевскую, Павла Цибульского и Иосифа Тышкевича; из с. Чаплинки Якова Коваля, Клементия Терещука и Якима Белого; из деревни Шушковки Артема Водяницкаго и Константина Лепнеченко; из с. Косяковки меня и моего родного брата Гавриила. Всех нас представили в духовную комиссию, которая требовала от нас выяснения нашего основания и увещевала оставаться преданными православной церкви. Но так как нисколько в этом не успели, то 8-го августа 1872 г. заключили нас тоже в тюрьму в городе Тараща, где нас с Балабаном составилось 11 душ. Продержав нас в тюрьме в Тараще до мая 1873 г., некоторых из братьев освободили, а меня с братом, Богдашевскую, Цибульского, Тышкевича, Коваля, Терещука и Белого отправили в Киев и через несколько дней представили в киевскую Судебную палату, которая приговорила меня с братом, Коваля, Терещука, Богдашевскую и Цибульского на 6 месяцев высылки в смирительном доме, а за неимением такового — в тюрьме; остальных оставила только в подозрении. Прокурор, полагавши сослать нас в Закавказский край, остался недоволен решением

палаты и опротестовал дело, послав его в сенат. После чего мы вместо 6 месяцев просидели в тюрьме более полтора года. Белый и Тышкевич умерли в киевской тюрьме, а нас всех, по распоряжению министра освободили 29-го декабря 1874 г.

В период времени заключения в тюрьме жена моя и двое детей умерли. По освобождении я 19-го января 1875 г. женился на одной девушке, которая также содержалась в тюрьме 9 месяцев за религиозное убеждение, в числе всего семейства, состоящего из родного ее брата и зятя с женою соседнего с нами уезда.

Когда мы находились в киевской тюрьме, Балабан, освободившись из таращанской тюрьмы, успел распространить в Чаплинке и Косяковке учение о ненужности крещения водой и преломлении хлеба, чего я в нем прежде не заметил. Таким образом, мы по прибытии из тюрьмы нашли массу последователей, но все они противились учению о крещении и преломлении хлеба и относились к этому даже с насмешками. Только мы с братом двое остались верны своим убеждениям и много пришлось нам терпеть различных насмешек и хулы по поводу крещения и преломления. Но, наконец, некоторые начали присоединяться к нам. После чего я с братом отправился в Херсонскую губернию в деревню Основа к Михаилу Ратушному, от которого приняли крещение в июле 1876 г.

По возвращении в Косяковку церковь начала возрастать и насчитывала почти до ста членов. Собрание было свободно и открыто среди дня. Никто не преследовал; только был командирован один городской для того, чтобы присутствовать в собрании ввиду того, что духовенство причисляло нас пред правительством к социалистам. Затем, когда правительство перестало нас притеснять, то начали друг друга притеснять: на-

чались споры, разногласия, упреки (я полагаю, что тебе небезызвестны разные споры и укоры между братством). Видя споры и разногласия между братьями, мне показалось это до того противным, что я воображал, что и в язычестве так не бывает. При этих моих размышлениях враг души человеческой стал нашептывать мне, что такая жизнь вовсе не христианская, что я могу быть истинным христианином и возвратясь в православие, дабы избавиться от подобных раздоров, разногласий и споров. И, конечно, недолго пришлось мне бороться с подобными размышлениями: я поспешил привести их в исполнение в июле 1886 г.

По исполнении же моего намерения открылись глаза моей совести, и я не знал, что мне делать. Я чувствовал в сердце моем адский пламень, которым палилась моя совесть. Я видел, что вся природа указывала на меня пальцами, что я сделался изменником. Все деревья своими листьями как бы шептались между собою о моем изменничестве. Я считал бы себя счастливым, если бы кто из оставшихся верными братьев промолвил ко мне хотя одно словечко. Но увы! Все сторонились меня. Словом, я стал противным самому себе. В таком положении я жил некоторое время и всегда искал случая, чтобы иметь какое-нибудь общение с братьями, и мне очень желательно было бы сделать им какое-нибудь добро, доступное моей силе.

В таком очень тяжелом положении я жил; как вдруг приехали ко мне два человека из другого селения, жившие за 40 верст от меня, недавно отступившие от обрядов православной церкви в числе душ 40. Из них одного посадили в тюрьму, и они хотели написать о нем прошение министру, и хотя впоследствии открылось, что они не одного со мною убеждения, но я чистосердечно желал сделать им добро. Я с радо-

стью написал им прошение и за них, неграмотных, расписался. После этого правительство признало, что я притворно возвратился в православие, чтобы удобнее было действовать между сектантами, и совращение этих 40 душ приписали именно мне. Но я не знал их лично, кроме двоих, приезжавших ко мне писать прошение. И за это мне воспрещено было жить в Киевской губернии. И с этого времени началась моя ссылка на коровах в июле 1889 г. — в Херсонскую губернию; затем в Бендеры, на Горькую Балку и так далее, что тебе уже известно. Эту ссылку я облобызал любезно в моей душе, ибо я видел в ней величайшую милость Божью и Его всемогущую руку, которою Он извлекал меня как бы со дна ада. Поэтому при всех постигавших меня горестях, бедствиях и лишениях детей и прочее я радовался в Господе. И так до прибытия в Гирюсы я считался как бы отпавшим в очах людей, но не перед Богом. А в Гирюсах в 1891 г. при большом собрании братьев, сосланных туда с разных сторон, в том числе в присутствии М. Кальвейта из Тифлиса, Ф. П. Костромина и многих других я был принят в члены церкви и в таком положении нахожусь по сие время. Надеюсь на Бога, что Он не пустит меня из Своей всемогущей Десницы, и что в его руке, я и окончу определенное мне земное поприще.

Прошу извинения за столь длинное изложение моей истории, так как я не одарен смыслом, чтобы мог изложить все в коротких словах и ясно. Прошу принять наш глубокосердечный братский привет.

*Искренне уважающий тебя
И. Лясоцкий».*

Одиннадцать лет ссылки

Из Киевской в Херсонскую губернию

Селение Косяковка, Таращанского уезда – место жительства моих предков, где я жил до 48-летнего моего возраста (1889). В это время за религиозное мое убеждение Киевский губернатор запретил мне жить в Киевской губернии с правом избрать новое местожительство в другой губернии, где я пожелаю. Хотя я сначала не соглашался избрать сам таковое, но соглашался на распоряжение властей, чтобы они сами определили мне жительство и выслали, смотря по достоинству заслуженной мной вины, но в конце концов, по совету местных полицейских чиновников, я согласился и избрал жительство в Херсонской губернии. Но как власть обязательно требовала указать уезд и селение, то я указал на селение Заблоцкое Ананьевского уезда, где жил мой сводный брат, посредством которого я надеялся найти скорее служебное занятие при тамошних многочисленных экономиях. На этом основании 1-го мая 1889 года отправился я в путь один по проходному свидетельству, выданному приставом 1 стана Таращанского уезда, 30 апреля того же года, а семейство пока оставил в селении Косяковке. Кроме того проходного свидетельства я взял из Таращанской мещанской управы месячный билет, но пристав не преминул отобрать его от меня и приобщить к прочим обо мне бумагам, отсылаемым при отдельном пакете к Ананьевскому уездному исправнику. Подробное мое путешествие в одиночестве от с. Косяковки до города Ананьева по давности времени не припомню. По прибытии к Ананьевскому уездному исправнику, как посланные обо мне бумаги из г. Таращи

еще не были получены, то до получения таковых мне пришлось ожидать несколько дней. По получении же бумаг уездный исправник и выдал мне на руки бывший при бумагах мой месячный билет и разрешил разыскивать место по уезду. Получив на руки свой билет, я немедленно отправился в с. Косяковку за семейством. Распродав кое-что из бывшего у меня хозяйства, я запряг в повозку пару коров, которыми я пахал землю по общепринятому там обычаю (беднейшие из хозяев пашут коровами, а вместе с тем и молоком пользуются); положил пудов 15 муки, нанял еще пароконную подводку, упаковал все свое хозяйство и харчи на две подводки, и в июне месяце 1889 года с тяжелыми сердечными вздохами и немалыми слезами тронулись в путь к новому неопределенному месту жительства с семейством, состоявшим из 10 душ, включительно со старшей девочкой 13 лет, а остальные дети один другого меньше.

Благодаря июльской теплой и благоприятной погоде не пришлось испытывать особых горестей. По приезде в с. Заблоцкое, я не застал там брата, на которого я рассчитывал, и с немалым усилием поместил свое семейство в квартире женщины, где жил вышеуказанный мой брат. Знакомого мне там более никого не было, и я сам отправился искать служебного места. Чрез дней 5-6 на расстоянии не более 15 верст от с. Заблоцкого, на Шишкинском хуторе, меня обнадежили, что служащий там конторщиком некто Иванов хочет расчитаться, а я могу поступить на его место. А до того времени я должен заступить место простого экономического работника. На таком основании я переехал на хутор Шишкин; поместив семейство в отведенной мне экономической хате, сам начал ходить на экономическую работу. Не прошло и двух недель, как

в экономию приехал полицейский урядник с целью узнать обо мне, нахожусь ли я в уезде. Когда же помещик Шишкин узнал от урядника о положении моего дела, что я состою под полицейским надзором, то строго-настрого приказал, чтобы в течение суток моего семейства не было на его хуторе. Запрягаю я своих коров, забираю семейство и переезжаю обратно в с. Заблоцкое, но уже на этот раз та женщина отказалась принять семейство в свою квартиру, а за наем последней требовала с меня по 1 руб. в неделю. Так как у меня была еще своя мука для пропитания семейства и рублей 20 денег, то я, наняв для семейства квартиру, отправился опять искать служебного места. В 1889 году в Херсонской губернии урожай хлеба был плохой, и потому место было найти очень трудно. Долго пришлось мне странствовать по Ананьевскому уезду из одной экономии в другую. Наконец вблизи местечка Ляховой (название селения забыл), у помещика Бантышанского случилось мне место конторщика. Но так как я по большей части знаком с письмоводством волостных, сельских и мещанских управлений, а не экономических, в чем я, конечно, сознался, то Бантышанский оставил меня для испытания на две недели при своей экономической конторе. Оставалось не более 2 - 3 дней до окончания двухнедельного срока, после которого я должен был взять экономическую подводу и представить туда свое семейство, так как я был признан способным быть в экономии, как вдруг приехал в экономию из местечка Ляховой писарь и передал тому помещику, что есть распоряжение о запрещении мне жить в Херсонской губернии. Тогда Бантышанский сказал мне, чтобы я сходил в г. Ананьев к исправнику и узнал, действительно ли воспрещено мне вообще в Херсонской губернии или, быть может, только слу-

жить по волостным и сельскими правлениям. В последнем случае Бантышанский соглашался держать меня в своей экономии, почему и велел по справке возвратиться к нему обратно.

Пошел я опять к ананьевскому уездному исправнику, удрученный немалою скорбью, и явился к нему 5-го августа 1889 года. Он объявил мне, что по распоряжению одесского генерал-губернатора воспрещается мне жить в Херсонской губернии; должен я опять избрать местожительство в другой губернии. Причем отобрал у меня мой паспорт и выдал мне двухдневное проходное свидетельство для следования в с. Заблоцкое (место пребывания семейства), где я должен ожидать распоряжения пристава 1-го стана, ананьевского уезда. В течение времени странствования моего для разыскивания места у семейства моего истощился запас хлеба и денег, так что нечего было кушать и не за что было нанимать квартиры. Но как по предъявлении мною сельским властям проходного свидетельства я до приезда пристава находился почти под арестом, то меня с семейством поместили во второй половине сельской расправы, куда люди, боящиеся Бога, приносили кто хлеб, кто муку и другие съестные припасы, и так мы харчили. Коровы же наши в продолжение всего времени со дня приезда в Заблоцкое паслись на пастбище тамошнего арендатора-немца бесплатно.

Таким образом ожидал я распоряжения пристава с 5-го августа до 1-го сентября и, не получая долго никакого распоряжения, убитый горем и скорбью, я отправился к полицейскому уряднику в м. Мариновку, отстоящую от с. Заблоцкого в 5-ти верстах с целью узнать, нет ли какого-нибудь распоряжения обо мне от станového пристава, и если нет, то отправиться к самому приставу в м. Голту в расстоянии 40 верст от с.

Заблоцкого. Когда я вошел в комнату урядника, то увидел там какого-то неизвестного мне господина, в присутствии которого я расспросил урядника о положении моего дела и, не получив никакой удовлетворительного результата, я вышел, стал среди местечка (это было в базарный день) и стоял, не зная, куда идти и что делать. Причем не мог выпустить из мысли мое семейство, оставшееся без всяких средств. При таких моих горестных и скорбных размышлениях господин, которого я не более как за полчаса пред тем видел в комнате урядника, расспросив последнего о моей личности и о положении моего дела, неожиданно предстал предо мною, спросил мою фамилию и после моего ответа начал утешать меня словами Св. Писания, уверяя, что таким образом Бог испытывает нашу веру, и многие другие утешительные речи предлагал мне, чем немало меня поддержал и утешил. После довольно продолжительного со мною разговора и утешения, прощаясь, пожелал мне всего хорошего и при этом, подавая мне руку, всунул в мою руку 15 руб. кредитными билетами и ушел. После чего я стал вне себя от радости и много прослезился, поблагодарив Бога за чудный и неисповедимый Его о нас промысел. Как я узнал потом, господин тот был доктор Ланевский, недавно овдовевший и которого жена была принята в церковь (баптистов), христианка, по смерти которой он не стыдился приехавших на погребение ее в экипажах высокопоставленных лиц, пригласив братьев отпевать и погребать свою жену.

После ухода моего неожиданного друга я сейчас же купил себе сапоги, так как был полубосой и отправился в м. Голту к становому приставу. По прибытии туда последний объявил мне то же, что и уездный исправник и при этом предложил мне избрать местожи-

тельство в другой губернии. Я отказался избрать, сказав: «Пусть правительство само посылает меня куда хочет, так как я более не знаю, где избрать жительство».

«Хорошо, — сказал он мне на это, — если ты предаешься на волю правительства, то я сейчас арестую тебя и отправлю в Ананьев для дальнейшего распоряжения. Что же касается твоего семейства, то оно пусть идет хоть в воду; нам оно не нужно; это твоя добрая воля, что ты взял его с собой; нам ты нужен один».

После некоторого молчания пристав сказал мне:

«Если хочешь, послушай меня; я тебе посоветую, как отец; зачем тебе отдавать себя на волю правительства, когда оно не стесняет тебя, а предоставляет право самому свободно избрать жительство, где хочешь? Оно пошлет тебя туда, где едят кору вместо хлеба. Ты избери г. Бендеры, Бессарабской губернии; я знаю эту местность; это город хороший, и тебе там будет хорошо жить. Если ты слушаешься моего совета, то я завтра еду в м. Мариновку, возьму с собой тебя, выдам тебе проходное свидетельство, ты пойдешь себе с Богом. Вот, я даю сроку тебе два часа, пойди, обдумай и приходи, скажи мне».

Пошел я в местечко и волей-неволей должен был согласиться на его совет ради семейства, так как обратно в с. Косяковку нельзя было возвратить его, ибо земля, на которой я жил, была арендная и уже поступила в аренду в другие руки, а построенный на ней домишко продан на слом.

Итак, я на другой день приехал с приставом в м. Мариновку к полицейскому уряднику, где было выдано мне проходное свидетельство на 7 дней, в течение которых я должен был прибыть в г. Бендеры. Придя к своему семейству в с. Заблоцкое, я запряг своих коров,

усадил на повозку жену и детей, и мы с немалыми скорбными стонами отправились в путь опять к новому месту жительства, в город Бендеры.

Из Ставропольской губернии в с. Гирюсы

По приезде в село Никольское овцеводы братья Прянишниковы приняли нас в свой дом, где мы пробыли несколько времени их гостями. Потом они отвели нам бесплатную квартиру в своей экономии, куда я ходил на поденную работу, когда таковая случалась, а жена занимала место кухарки в их же кухне. Не имея в виду более никакого переселения, я начал приступать к занятию хозяйством. При содействии тамошних некоторых братьев я посеял две десятины пшеницы, но, к сожалению, не пришлось нам ее убрать. Мы прожили спокойно в селении Никольском с 1-го августа по 20-е декабря 1890 года. А потом подоспели к нам опять новые скорби. 20-го декабря 1890 года тамошний сельский староста предъявил мне бумагу, чтобы меня с семейством немедленно арестовать и препроводить к становому приставу в м. Воронцовку для отправления в г. Ставрополь, а затем в Закавказский край.

И так недолго продолжалось мое хозяйство в Ставропольской губернии, оно не длилось и пяти полных месяцев.

Нас немедленно отправили сельским этапом в селение Воронцовку к становому приставу, а оттуда в г. Ставрополь, тоже сельским этапом, чрез Александровское уездное правление; тогда мы узнали, для чего Бог отобрал от нас наших детей и оставил только четырех старших, более взрослых. Он знал, что нам предстояло зимой идти этапом, и с малыми детьми

было бы очень трудно, поэтому Он сделал нам облегчение. Таким образом, праздник Рождества Христова застал нас в дороге, во время следования сельским этапом в г. Ставрополь, куда мы прибыли 29-го декабря 1890 года.

В Ставропольском губернском правлении объявили мне, что по распоряжению министра внутренних дел я посылаюсь в Закавказье на пять лет, считая этот срок с 20-го сентября 1890 года. После чего отправили нас в ставропольскую тюрьму до отправления этапа. Просидев в Ставропольской тюрьме две недели, мы отправились военным летним этапом в местечко Армавир Кубанской области. В семи верстах от г. Ставрополя по пути в Армавир находится большая гора длиною 7 верст, на которой постоянно царит сильный ветер, так что человеку трудно устоять там на ногах. Когда мы спускались с той горы, была сильная метель, и на горе бушевал такой ветер, что мы едва не погибли все вместе, потому что ветер дул с такой невероятной силой, что тащил всех нас в находящуюся там пропасть. И только особенною милостью Божьею мы спаслись там от смерти. Сани с продуктами и солдатскою одеждою ветер опрокидывал и тащил вместе с лошадьми. Конвойные солдаты, опираясь штыками о землю, с большим усилием поддерживали всех нас, и таким образом с большой опасностью мы спустились с той горы и по милости Божьей спаслись. Дети поморозили уши и колена так, что и теперь ощущается боль. Через семь дней мы прибыли в м. Армавир. В армавирской тюрьме прожили до этапного дня три недели. В тамошней тюрьме особенного стеснения не было, камеры все открыты целый день.

Из армавирской тюрьмы нам суждено было опять видеть ненавистную для нас ростовскую тюрьму и

прожить в ней две недели. Из Ростова отправили нас в г. Новороссийск и затем после двухнедельной тюремной жизни нас отправили из Новороссийска пароходом в г. Батуми. В Батумской тюрьме мы прожили также около двух недель, но там жить было очень хорошо, так как смотритель тюрьмы хорошо был расположен к нам: не отделяя меня от семейства, отвел для нас одну секретную камеру, и мы там жили как дома; камеру запирали только на ночь, а днем мы всем семейством входили и выходили свободно; дети всегда свободно играли во дворе. Из Батума отправили нас в Тифлис, где мы просидели в тюрьме 21 день; тюрьма эта своим порядком и обхождением похожа на ростовскую. Из Тифлиса нас отправили в Елисаветполь, где просидели в тюрьме тоже недели две, и затем отправили нас в Зангезурский уезд Елисаветпольской губернии в селение Гирюсы. Из Елисаветполя ехали мы туда сначала три станции по железной дороге до станции Евлах Закавказской железной дороги. От Евлаха после дневки отправились пешим этапом до города Шуши. В шушинской тюрьме только переночевали и на другой день по приказанию шушинского уездного начальника наняли на свой счет фургон до селения Гирюсы — места нашей ссылки. Заплатили по одному рублю с души. Всех арестованных было 22 души. На место нашей ссылки в Гирюсы приехали как раз в первый день праздника Пасхи, часа в 2-3 пополудни в 1891 году при весьма ненастной и холодной погоде. Благодаря бывшему уже там нашему ссыльному брату Созонту Капустинскому, который с семейством своим из 8 душ прибыл в с. Гирюсы раньше нас, мы могли воспользоваться его гостеприимством, потому что он в ожидании нашего приезда, приготовил самовар и по приезде угостил нас чаем и обогрел от холода.

Из Гирюсов в Джебраил

По приезде и водворении в Гирюсах я уже более не думал ни о каком переселении до конца назначенного 5-летнего срока, но ошибся!

В Гирюсы прибыли в первой партии с Капустинским восемь человек одного исповедания с нами; с нашей партией прибыло 22 души разных сект, и затем еще много пригоняли административно на пять лет и по большей части баптистов. Таким образом, баптистов собралось более 30 душ, кроме детей. А потому и собирались по воскресеньям и другим дням на молитву в моей и Капустинского квартире. В таком положении мы и проводили время со дня прибытия нашего в Гирюсы (с 1-го апреля 1891 года до декабря месяца того же года). В декабре месяце полицейский пристав признал всех нас одного убеждения и спросил, собираемся ли мы на молитву и где именно? Ему дан был ответ утвердительный с указанием на мою и Капустинского квартиру. Об этом донесено было губернатору, и сей последний донес Главноначальствующему на Кавказе. На это донесение в конце февраля или в начале марта месяца 1892 года от Главноначальствующего последовало распоряжение о выселении нас из Гирюсов по-одиночке: меня в урочище Джебраил, а Капустинского на станцию Тертер Джеватского уезда Елисаветпольской губернии. Таким образом, пришлось нам прожить в Гирюсах ровно один год, ибо в Гирюсы мы прибыли 1-го апреля 1891 г., а из Гирюсов выехали 31 марта 1892 г. Из Гирюсов нас препроводили глухою вьючною дорогою, где повозкой невозможно проехать. Я должен был нанять на свой счет четырех верховых лошадей для себя и семейства, так как

здесь на казенный счет не дают лошадей для арестованных.

Если бы я согласился быть отправленным на казенный счет, то мне одному связали бы руки назад и повели, а до семейства им нет дела; если хочет, пусть едет или не едет. Здесь арестованных препровождают так: свяжут ему назад руки, а конец веревки, которой связаны руки арестованного, держит в руках провожатый всадник, который едет верхом и иногда подгоняет арестованного нагайкой по плечам, а всадники по большей части татары. По этой причине я должен был волей-неволей нанять лошадей. На одной лошади я ехал сам, на другой — жена с грудным ребенком, на третьей — два старших мальчика, а на четвертой — старшая дочь с меньшим мальчиком. Кроме того, на каждой лошади было навьючено понемногу вещей, из которых состояло наше имущество.

Из Гирюсов, если ехать почтовою дорогою в Джебраил, то будет более 200 верст, а вьючною дорогою, по которой нас препровождали, всего только 60 — 65 верст. Сопровождал нас только один всадник. Проехав дневной путь, мы переночевали в одном татарском ауле. На другой день нам предстояла опасность переезда через одну горную речку, которая разделяется на четыре или пять рукавов, быстро мчащихся с гор. При переправе чрез эту реку особое Провидение Божье управляло нами, ибо вода очень быстро влекла, так что даже лошадей сбивала с ног. Но по милости всевышнего промысла Божьего с немалым страхом мы переправились благополучно и прибыли в Джебраил часов в 9 вечера 1-го апреля 1892 года. Нам лошадей от Гирюсов до Джебраила стоил 16 рублей.

По приезде в Джебраил переночевали в уездном управлении, а утром 2-го апреля меня с семейством позвал к себе на дом уездный начальник и строго приказал ни с кем из русских солдат или казаков не общаться и ничего не говорить, в противном случае тотчас же угрожал надеть кандалы на ноги и посадить в тюрьму и телеграфировать куда следует.

По получении такого строгого приказа я отправился искать квартиру и нашел таковую за 1 р. 20 коп. в месяц. Квартира эта составляла помещение, где прежде стояли лошади. С немалою скорбью и обильными слезами пришлось жене моей обмазывать потолок и стены в этой квартире и мне самому устраивать русскую печку. Здесь вообще и в жилых помещениях нет русских печек, но лишь бухары в стенах.

Таким образом мы принуждены были жить здесь в ожидании окончания 5-летнего срока, ссылки, до конца которой со времени прибытия нашего в Джебраил оставалось еще 3 года, 4 месяца и 20 дней. Окончания срока мы ожидали с невыразимо торжественною радостью, питая надежду выехать из среды татарского населения к русскому народу и особенно к единоверцам, дабы порадоваться и вознести единоплеменные молитвы к алтарю Царя Царствующих.

До окончания 5-летнего срока последовал всемирнейший Манифест от 14 ноября 1894 года, и на основании последних строк § 10 того же манифеста следовало бы и нам сократить на 9/10 срок наказания и затем освободить. Но по ходатайству людей, праотцы которых некогда подучили народ кричать: «Варавву освободи, а Иисуса погуби!» (Мф. 27:20), манифест этот был применен к ворам и разбойникам; к узникам же, старающимся проходить земное поприще под ру-

ководством евангельского учения, он не был применен.

Наконец дождались мы и 20 сентября 1895 года, дня окончания срока наказания, каковой срок был один для десяти человек, из коих 3 умерли, а 7 находились в живых. Но так как из них никто не покаяться, т. е. не обратился в православие, то вместо освобождения по общему совещанию департамента полиции, объявленному извещением от 13 сентября 1895 года за № 6551, всем назначены новые сроки ссылки. Тем, которые пробыли 5 лет в ссылке на одном месте, т. е. в селении Гирюсах, срок их заточения продлен еще на 4 года, а мне и Капустинскому, как переведенным в наказание в другие места, срок этот продлен был еще на 5 лет.

Из Ставропольской губернии мы, т. е. моя семья, выехали 6 душ. В Закавказье, родилось трое детей, и теперь семейство мое состоит из 9 душ.

Путешествие и странствование мое, насколько можно было упомянуть, я описал, но скорбей, печалей и горестей сопровождавших эти странствования, я не в состоянии описать; это выше моих сил. От города Бендер до с. Гирюсов пришлось проведать 13 тюрем, а если считать пребывание в ростовской тюрьме 2 раза, то составит 14. Что же касается сельских арестантских, то этих не могу показать число по многочисленности их.

Теперь после всех этих странствований и после отбытия пятилетнего срока наказания остается нести другое пятилетнее наказание, коего срок начался с 20 сентября 1895 г. Бог знает, придется ли еще увидаться в своей жизни с родственниками, с друзьями и знакомыми, особенно со своими по вере, разделить с ними радость и горе, или, быть может, и кончить земное по-

прище в тесном и скорбном молчании среди татарского населения в Закавказье.

Но да будет во всем воля Божия! В настоящее время мне от роду лет 54. Родился я 25 октября 1841 года. Проходя в мире сем через всякие горечи и скорби, человек научается самым опытом соглашаться со Св. Писанием, что нет другого пути в вечное блаженство и Царство, кроме скорбного и тернистого пути, исполненного разного рода бедствиями, горестями, приключениями и грозящими опасностями (Мф. 7:13-15). Если Сам Владыка неба и земли, Господь наш Иисус Христос, судимый, безгрешный, не мог миновать этого скорбного пути и не имел, где голову приклонить (Лк. 9:58), а также все святые, которых весь мир не был достоин, не прошли иным путем, кроме пути горестей, скорбей и озлобления (Евр. 11:36-38), то, что мы скажем о себе, желая достигнуть вечного блаженства? Одно только остается: предаться в волю Божию, ибо «и волос с головы вашей не пропадет» (Лк. 21:18) и молиться Ему, дабы послал терпение и дух твердости, чтобы все преодолеть силою Возлюбившего нас, — пройти это земное поприще до конца и водвориться в том блаженном и вечном приюте, где отерта будет всякая слеза с очей всех скорбящих (Отк. 7:13-17; 1 Кор. 2:9). Да будет так!

* * *

Джебраил, 9 июня 1900 г.

«Возлюбленный в Господе Иисусе Христе брат Василий Гурьевич!

Как уже известно, что после окончания пятилетнего моего заточения назначено было мне вторичное пятилетие в Закавказье. Срок второго пятилетия оканчивается 20 сентября текущего года, после чего дер-

заю полагать крепкую надежду на всемогущий промысел Божий, что он благоволит положить конец моим узам. Ибо вчера уездный начальник объявил мне бумагу, которою требуется от него сведение о моем поведении. Ввиду окончания срока 20 сентября требуется от него заключение, находит ли он возможным меня освободить. Уездный начальник входит в мое положение и готов сделать для меня все то хорошее, что только с его стороны возможно. На основании изложенного я вполне могу рассчитывать на освобождение 20 сентября. Но здесь является главный вопрос о средствах, необходимых для выезда из места заточения к детям, чтобы собрать их к одному очагу, а затем для всех вообще приискать средства к занятию трудом для обеспечения житейского быта. Поэтому я решился с моею всепокорнейшею просьбою по этому вопросу обратиться к тебе, дорогой братец Василий Гурьевич. Может быть, тебе известны такие благодетели, которые могли бы сколько-нибудь принять участие в настоящем моем положении, дабы я мог выехать из места заточения, собрать детей к одному очагу и, сколько Бог позволит, прославить Его величие единодушным семейным славословием, песнопением, духовными песнями и назиданием в Его божественном Слове, к чему стремится и чего жаждет душа моя, как лань к потокам вод, после десятилетнего моего одиночества и молчания в заточении. В чем осмеливаюсь полагать крепкую надежду на твое посредничество, что я не останусь хоть сколько-нибудь без поддержки.

Кроме вышеизложенного я не могу умолчать, чтобы не высказать тебе, дорогой братец, еще и тех немалых скорбей, которые встречаются помимо скорбей гонения за веру. Дело в следующем.

У меня есть дочь Надежда, которая в Джебраиле достигла зрелого возраста. И я много скорбел, что нет людей одного с нами убеждения. Но вскоре по совету некоторых братьев обратился ко мне с перепиской ростовский на Дону почетный гражданин, некто Андрей Михайлович Капустянский, о котором многие братья, с которыми и вел переписку по этому вопросу в течение 6 месяцев, засвидетельствовали, что, хотя родители его православные, но он уже принят в братство и имеет твердую веру, которой многие удивлялись. На этом основании я согласился выдать за него нашу дочь в замужество и выслал ему ее фотографическую карточку.

После чего он немедленно приехал в августе 1896 г. в Джебраил, взял ее, заехал в Тифлис, где она была крещена, и там же сочетали их браком 18 августа 1896 г.

После того они жили как не надо лучше жить христианским супругам. Он служил на железной дороге чертежником, получал жалованья 75 р. в месяц. 14 июля 1899 г. родился у них сын Михаил, который и теперь жив.

Наконец на Рождество 1899 г. случилось неслыханное для нас событие: приехала какая-то давно знакомая его матери девушка-сирота, имеющая в Таганроге дом стоимостью в 5 000 руб. и такую же цифру наличного капитала. Он, обольстившись этою девушкою и приданым, оставил дочь нашу с семимесячным ребенком на произвол судьбы, возвратился в православие, обвенчался с этою девушкою и уехали, куда им хотелось, оставив Ростов. По слухам, он со своей новой женой Марией Васильевной очутился в Петербурге, где, как видно из сообщения наших детей, был в собрании. Он уверяет, что за эту его проделку прощен

Богом и вместе с тем как бы насильно вымогает прощение от нашей дочери, говоря, что она такая же грешница, как и он, и потому обязана простить его.

Если это так на самом деле, то где же остаются слова Спасителя, сказанные в 5-й главе Ев. от Матфея, ст. 22 и 24. Затем, как видно из письма его матери, они во избежание преследования хотят уехать за границу. И, пожалуй, он и там захочет выдать себя за брата. Примите это к сведению. Очень просто, что он может явиться и в Румынию. Вот какие проделки сатана делает над людьми!

Теперь является вопрос, как знать простодушному человеку, стремящемуся быть истинным христианином? Вот какие испытания переносим мы, живя в узах! Дочь наша теперь живет в Ростове-на-Дону и, по словам других детей, несмотря на наложенный на нее Капустянским непомерной тяжести крест, она сильно скорбит по Капустянскому, молится, чтобы он не погиб навсегда и ожидает его возвращения. Прилагая при сем отдельное письмо на имя всех братьев и сестер, прошу поступить с ним по усмотрению.

Прошу принять глубокосердечный братский привет со всем твоим семейством.

Искренно уважающий *И. Лясоцкий*».

Примечание. В настоящее время брат И. Лясоцкий на старости лет своих живет очень бедно в Нахичевани-на-Дону, а помянутая, брошенная вероломным своим мужем дочь его вышла замуж за одного из наших братьев.

«*Бантисст*». 1910. №1.

(На первой странице журнала было помещено сообщение главного редактора В.П. Павлова: «23 декабря 1909 года в 5 часов утра мирно почил известный брат и узник Иисуса Христа, вынесший на своих плечах тяжелую ссылку в Закавказье, Иван Дементьевич Лясоцкий. Последние дни свои покойный жил в Нахичевани-на-Дону, где и умер в большой бедности».

А.А.Н.

ПОЯВЛЕНИЕ БАПТИЗМА В АХТУБИНСКОМ КРАЕ

Главные моменты его развития в с. Заплавном, Пришибе Астраханской губ. и соседних пунктах Дон. области.

(По поводу исполнившегося двадцатилетия со времени посещения этой местности баптистским проповедником Е. М. Богдановым).

В феврале 1908 г. исполнилось ровно 20 лет существования в с. Заплавном и Пришибе баптистского учения, проповеданного в первый раз в этой местности баптистским проповедником из города Владикавказа Е. М. Богдановым.

До приезда Богданова наши общины были детокрещенскими; члены этих общин известны были под названием «евангеликов». Основателем первой евангельской общины в Пришибе был некто В. И. Финогенов (отец занимающего ныне должность пресвитера в баптистской пришибской церкви И. В. Финогенов) — лет за 20 с лишком до появления баптизма. Глубокое

изучение Слова Божия совместно с врожденными способностями, дающими В. И. возможность твердо держаться на своей позиции и в то же время наносить поражения своим противникам (молокан., суббот, и проч.), а также прекрасные качества его характера и благочестивая, не запятнанная никакими видимыми пороками жизнь — все это способствовало увеличению числа последователей нового учения при неослабном усердии его главного проповедника В. И. Ф. Молоканству нанесен был смертельный удар, и если оно и сохранилось после этого в виде многолюдной общины, но уже лишено было своей жизненности, каковую проявляло раньше в период гонений со стороны правительства.

Из Пришиба при посредстве В. И. Ф. новое учение проникло и в другие места — с. Заплавное, Солонники, Дубовку и проч., где во вновь основанных общинах В. И. поставлял рукоположением пресвитеров; в Заплавном первыми принявшими крещение от В. И. Ф. были: И. Г. Фадеев, А. С. К. и братья Королевы: Василий Ив. и Петр Ив.

Сначала пресвитером евангельской общины в Заплавное был поставлен И. Г. Ф., затем года через три его сменил В. Ив. Королев, в каковой должности и оставался до приезда Богданова. В Пришибе преемниками В. И. Ф., нашедшего смерть в реке Волге (при переправе через нее на лодке, застигнутой бурей), были между прочим Х. Н. Тараканов, а затем К. Л. Ульев.

Учение евангеликов в начале своего появления далеко не отличалось совершенством. В. И. Ф., хотя и был, подобно Аполлосу, «муж красноречивый и сведущий в Писаниях», но был наставлен лишь в «начатках» учения Христова. Убедившись в том, что крещение и преломление нужно понимать не духовно, а бук-

важно, он упустил из виду самое главное условие спасения: — «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:3.), а потому крещению, преломлению и елеопомазанию было приписано спасительное значение: крещение служило средством очищения грехов, хлеб и вино (преломлен.) признавались за сущее тело и кровь Христову; преломлению между прочим предшествовало тайное исповедание грехов каждого члена перед пресвитером; елеопомазание употреблялось не как средство исцеления при посредстве «молитвы веры», но как средство прощения грехов и обязательное приготовление к смерти. Умерший, не получивший помазания елеем, мог считаться почти погибшим.

Несколько лет спустя в нашей местности стал трудиться Я. Д. Деляков; под влиянием его поучений взгляд на крещение, преломление и проч. стал изменяться, и постепенно стало усваиваться понятие об «оправдании верою». Книги и брошюры, изданные Пашковым в Петербурге и повсеместно распространенные, тоже имели важное значение в смысле достижения более полного познания Иисуса Христа как личного Спасителя.

В начале 80-х годов в наших евангелических общинах явилось одно памятное событие — это «испытание в вере» всех членов церкви и прием «испытанных».

Я. Деляков «испытал» в присутствии всей общины старших членов церкви, пресвитеров и проч., а по отъезде поручил испытание и принятие местным пресвитерам. Испытание и принятие производилось слабо, да иначе и быть не могло. Нельзя жать то, что не было посеяно и возвращено. Вера в спасение Иисусом Христом, конечно, была проповедана Я. Деляковым, но не

с тою настойчивостью, как того требовало состояние членов церкви евангеликов. А «возрождение» или «рождение свыше» в первый раз услышано было из уст баптистского проповедника Е. М. Богданова в 1888 г.

В 1885 году в с. Пришибе состоялась конференция, на какую явились, между прочим, из Таврической губ. Х. Д. Захаров и Васильев, из Орловской губ. Н. П. Зиновьев, а также неизменный Я. Деляков. Этой конференции не было суждено довести до конца свои занятия по различным вопросам, но она имела во всяком случае те последствия, что крещение детей с этого времени в наших общинах прекратилось, т. к. пресвитеры оных в Заплавном В. И. Королев и в Пришибе К. Л. Ульев вполне оказались солидарны с Я. Д., проводшим мысль против крещения детей. Так мало-помалу дело духовного просвещения подвигалось вперед, и наши общины как бы сами собою шли навстречу ожидавшемуся великому моменту, когда они должны были получить окончательную реорганизацию по прибытии баптистских проповедников. Но вот осенью 1887 г. в с. Заплавное является некто прибывший из Турции слепой проповедник Малхаз (армянин), заявивший себя проповедником «истинного учения» и членом истинной Христовой церкви, не «имеющей пятна, или порока». Первым долгом они стал доказывать «неистинность» церкви, к которой принадлежали евангелики, и что крещение детей противно евангельскому учению; найдя желательный отклик в понятиях некоторых членов еванг. общ., он пошел далее; все крещенные в младенчестве, все крещенные взрослыми «в истинной церкви», совершающей крещение детей, и при том троекратным погружением, должны принять крещение вновь. Не удовлетворяясь крещением детей и

ожидая чего-то нового и притом слыша, что наш давний проповедник Я. Д. принял крещение вновь от баптистов, и имея о баптистах довольно смутное представление, — именно только то, что баптисты не крестят детей, — некоторые из наших евангеликов, сообразив, что это проповедуемое Малхазом учение и есть баптистское (он даже письма рекомендательные имел от баптистск. председателя. Д. И. Мазаева), — решились принять от него крещение. Крещению предшествовало тщательное поучение в вере во Христа, Искупителя грехов. Но чрез это поучение человек получает только «познание»; прощение же грехов, а равно и возрождение, и обетование Святого Духа получается только в крещении (по смыслу Деян. 2:38-39; 22:16; Тит. 3:5), но омытие греха в крещении не значит водою, а «именем... Иисуса Христа» (1 Кор. 6:11). Пресвитерской власти в церкви он не признавал; все верующие есть «ученики Иисуса Христа», должны поучать людей, верить в Евангелие, и кто научил, тот и должен крестить. Поклоны головою при входе в собрание и по окончании молитвы, как это существовало у евангеликов, а также празднование Рождества Христова, Крещения и проч. праздников он, считая установлением православной церкви, признавал грехом. Еще в его учении была важная особенность: он считал неправильным признавать Бога в трех лицах, — а в одном лице; обыкновенное окончание молитвы словами: «поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу» он считал неправильным. Нужно воссылать славу Богу «чрез» Иисуса Христа, а «Духом Святым» мы молимся, говорил он (по смыслу Иуды 1:20:). Обладая необыкновенною памятью и способностью каждый предмет освещать посредством взаимной связи нескольких подходящих по смыслу текстов, он был не-

победим в беседах, и его доводы имели неотразимую силу для евангеликов. Так что в числе крещенных им оказались пресвитер Васил. Иван, и его брат П. И. Королевы. Хотя принятие крещения от Малхаза В. И. и П. И. в целях сохранить свое влияние на остальную часть членов общины, не принявшей учета Малхаза, совершенно было негласно. Но дело скоро обнаружилось, и последовало разделение общины. В. И. и П. И. в силу обстоятельств должны были оставаться в общине, основанной Малхазом. В это время приехал Е. М. Богданов. Остановившись в доме И. Г. Фадеева, одного из руководящих братьев оставшейся части общины евангеликов, он первым долгом пригласил для личных объяснений бр. Королевых, а затем назначено было в доме И. Г. Ф. общее собрание разделившейся общины и беседа Богданова с Малхазом. Внезапное прибытие в Заплавное Е. М. Богданова сначала сильно озадачило основателя «истинной церкви» — Малхаза, но потом он ободрился и решился изо всех сил бороться за целостность основанной его трудами новой общины. Но как ни велико было его самоотвержение, как ни сильно было его знание текста Священного Писания, какие обороты речи он ни употреблял — он не мог устоять против своего несравненного собеседника Е. М. Богданова и был разбит последним по всем пунктам. Необыкновенная способность Е. М. к беседам, простые, ясные и вместе с тем замечательно глубокие доводы из Слова Божия обеспечили ему полное торжество над своим противником и вызвали восторг и удивление у слушателей! Беседа была о нескольких предметах, но главным предметом было выяснение значения (для верующего) крещения. Эта беседа многим открыла глаза, и они увидели, на чьей стороне истина. После беседы с Малхазом и по

возвращении из Пришиба Богданов еще раз имел уединенную беседу — только в присутствии хозяина дома И. Г. Ф. и К. Л. Ул. — с братьями Королевыми, где последние признали правильность баптистского учения и истинность «баптистской церкви», хотя формального вступления в члены баптистской церкви с их стороны не последовало по известной причине (Богданов не мог решиться принять их с Малхазовым крещением). Но теперь их положение, в особенности как старших братьев общины, сделалось затруднительным более чем когда-либо.

Принятие крещения от Малхаза унизило их в глазах той части общины, которая решила оставаться на старом основании; согласиём своим с Богдановым они подрывали доверие тех, которые решились остаться на стороне Малхаза, который в это время был еще в Заплавном. Но благодаря замечательной тактике, с какою они вели выпавшее на их долю трудное дело, им удалось в некоторой степени стать соединительным звеном разделившихся частей общины.

В июне 1888 г., именно месяца через три по отъезде бр. Богданова, нас посетил, будучи уже баптистом, Я. Деляков. В публичной беседе с Малхазом Деляков имел целью доказать, что грехи верующему прощаются «раньше крещения», причем в числе разных доводов из Слова Божия он ссылался и на свой личный опыт; при этом объяснении Я. Делякова Вас. И. Королев должен был выразить свое единомыслие с Деляковым, причем последний подал ему руку и приветствовал целованием как брата, к великому огорчению Малхаза, видящего, как воздвигнутое его неимоверными трудами здание начинает распадаться на его глазах; вскоре после этого он должен был отправиться

обратно в Турцию, оставив свою юную и малочисленную общину на произвол судьбы.

Последствием посещения Я. Д. было формальное основание баптистской общины в Заплавном, во главе которой стали В. И. К., П. И. К., Игн. Г. Фад. Признавая заслугу Я. Д. в деле выделения некоторых членов Заплавного, разделившейся общины в отдельную самостоятельную общину баптистов, нельзя с глубоким сожалением не указать, с другой стороны, на его очень важную ошибку, затормозившую ход дальнейшего духовного развития вновь образовавшейся на началах баптистского вероучения общины; именно он заявил, что, приняв крещение от баптистов, в своих понятиях, кроме крещения детей, не изменился ни на один волос, а потому посоветовал тех членов, которые заявят, что они в евангельской общине, принимая крещение взрослыми, имели прощение грехов и верили в оправдание Христом, принимать в церковь без крещения. Таким образом, баптистская община в Заплавном стала состояться, во-первых, из крещенных Малхазом, во-вторых, из бывших евангеликов без повторения крещения, по одному «испытанию» и, в третьих как хорошее исключение из молодых людей, принимаемых в церковь чрез испытание и крещение по правилам учения баптистов (к числу последних принадлежит и пишущий эти строки, крещенный 31 января 1889 г.). Крещение совершал с согласия общины, но без уполномочия со стороны союза В. И. Королев как бывший пресвитер. После посещения Богданова и Делякова не все, однако, евангелики были убеждены в истинности баптистского учения; оказались некоторые (с К. Е. Брызгуновым во главе), которые, составив отдельную группу, выделились в отдельную общину «штундистов», имея свои отдельные собрания, про-

должавшиеся около полгода под управлением К. Б. (избранный пресвитером), имея помощником А. А. Н. (17-летнего юношу). Хотя в глубине души как тот, так и другой сознавали фальшь своего положения. Не знаю, чем объяснить пребывание в штундистской общине К. Е. Б., но мое пребывание там, как убедился я после, было особой милостью Господа ко мне. Если бы я находился в баптистском собрании, то могло бы случиться, что я пожелал бы присоединиться к баптистской общине, будучи еще невозрожденным, что послужило бы ко вреду моей души: о своем принятии в случае заявления с моей стороны я был вполне уверен, во-первых, ввиду особого расположения ко мне старших братьев; во-вторых, испытание и принятие, нужно сознаться, не стояло на должной высоте (П. И. Королев почти единственный относился более серьезно к делу принятия), притом же, хотя я еще не получил возрождения, но имел ясное представление всего, что требуется отвечать на вопросы, так что еще Е. М. Б. в бытность свою в Заплавном в доме И. Г. Ф., беседовавший со мною (а также и В. Г. Мамонтов), сказал, что «"таких" можно крестить». Что в этом была воля Божия, я заключаю из следующего, достойного внимания обстоятельства, когда 15 ноября 1888 г. по неизреченной ко мне милости Господа я получил мир с Богом и то «новое рождение», о котором я молился около 9 месяцев. В 1-е же воскресенье наш пресвитер штундистской общ. К. Е. Б., идя в собрание, предложил мне собираться вместе с баптистами, чему я, конечно, был очень рад; на второе собрание после обеда мы всей нашей общиной (за исключен., нескольких человек) пошли в собрание к баптистам; штундистское собрание прекратило свое существование! Немного времени спустя после соединения собрания К. Е. Б., быв-

ший штундистский пресвитер, присоединился к общине баптистов без крещения, а после него многие другие из штундистов тоже присоединились без крещения.

В 1889 году, ровно через год после посещения Богданова в село Заплавное выехал В. В. Иванов (с И. Г. Д.). На долю брата Иванова выпала довольно трудная миссия: убедить некрещеных членов общины принять крещение по правилам баптистского вероучения; согласие выразили только два человека И. Г. Ф. и К. Е. Брызъ; остальные члены из штундистов принимали крещение постепенно, в продолжение нескольких лет. Остался один только старец Николай Иванович Королев, который и по сие время остается в убеждении, что он был крещен верующим и возрожденным, а потому принятие крещение в другой раз будет прямым нарушением слов апостола Павла, (Еф. 4:5 — «одно крещение»). Кроме двух членов, принявших крещение лично от брата Иванова в Заплавном, В. В. Иванов крестил из членов Пришибинского общества 4 человека К. Л. У., Т. А. Б., А. А. А. и И. П. Ш., так как в Пришибинской общине много было принято членов из штундистов без крещения.

Проповеди В. В. Иванова в его первое посещение были очень сильны, дышали глубокой искренностью, производя неотразимое впечатление на слушающих. Главной целью его проповедей было пробудить в сердцах верующих сознание глубокого духовного совершенствования и проявление сильнейшей любви к Иисусу как своему личному Спасителю (Ин. 21:15) и кроме того принятие непосредственного участия в приобретении погибающих душ для Царствия Божья («таща сеть с рыбой» ст. 21:8); чтобы верующие, выходя из Египта мира сего, считали необходимым идти

«с малолетними и стариками», не оставлять ни копыта (Исх. 10:9), но все посвящая Господу.

При отъезде из Заплавного и Пришиба, а также в письмах из дома брат В. В. Иванов, а также П. Г. Д. советовали руководящим братьям наших общин «вновь приходящих» подготавливать к крещению, но от крещения воздержаться до нового посещения старших братьев, т. е. баптистских проповедников; после писали они, что К. Л. Ульев в крайних случаях может крестить. Эта привилегия, данная К. Л. Ульеву, послужила поводом к насмешкам со стороны молокан над нашей Заплавнинской общиной, проповедующей веру и покаяние и не имеющей права крестить уверовавших, тогда как по свидетельству Слова Божия в апостольское время крещение уверовавшим преподавалось немедленно. Но не в насмешках дело; наша община сама по себе решила действовать самостоятельно, поручить крещение сначала К. Е. Брыз как принявшему крещение непосредственно от В. В. Иванова, затем В. И. Королеву, тем более что в это время получено было письмо от брата Иванова, в котором он сообщил решение годового собрания Баптистского союза: членов Заплавнинской общины В. И. К., П. И. К. и других, крещенных Малхазом, считать членами баптистского Союза без повторения крещения.

Пришибинская община тоже «не выдержала» запрещения и в декабре 1889 года поручила К. Л. Ульеву крестить. В это время в с. Пришибе пронеслась волна пробуждения: молокане, штундисты и православные — все стремились в собрание к баптистам утолить жажду своих душ живою водою Слова Божия, проповедуемого в этих собраниях. Большой дом брата Т. А. Бурова не мог вместить всех желающих слушать Слово Божие не только из простонародья, но и из местной

интеллигенции. Православные миссионеры «рвались сердцами», но не в состоянии были никакими средствами остановить это великое движение.

В это время к Т. Е. к празднику Рождества Христова 1889 года в Пришибинское общество явился приехавший из Царицына брат Агафонов. Его приезд и трехдневное пребывание в Пришибе в собрании ознаменовались особенным благословением Божиим. Три дня оглашался молитвенный зал его вдохновенными проповедями и следовавшими затем молитвами сокрушающихся и кающихся во грехах и благодарящих Господа за полученное избавление от власти греха молитвами, которым не предвиделось конца.

На третий день собраний вечером состоялось принятие и крещение 11 новых членов из молокан и штундистов: между прочим И. В. и И. П. Финогеновы, Я. П. Ф. и прочие видные члены церкви.

Кроме проповедей брат Агафонов беседовал с молоканами, штундистами, субботниками и даже православными миссионерами, и везде Бог давал ему успех. После отъезда в Пришибинской общине почти каждое воскресенье присоединялись к церкви по несколько членов, и скоро Пришибинская община возросла числом членов свыше 100, а чрез несколько лет достигла цифры 200 членов.

Брат Агафонов посетил также и Заплавнинскую общину, но на короткое время, а когда его ожидали из Пришиба в другой раз, его приезд не состоялся по причине внезапного отправления в г. Царев к уездному исправнику, а оттуда в Царицын.

Из Пришиба и Заплавного баптистское учение проникло и в другие места: с. Солодники, Дубовку и проч., а также и Донскую область. В этой местности, простирающейся от ст. Котельниковой до речки, на-

зываемой Джюрак, на расстоянии около 100 верст проживало на участках Войска Донского очень много пришибинских молокан и несколько семей заплавинских шгундистов. Главной резиденций молоканства была Погошка (хут. на балке Погошке), где находились главные держатели и столпы молоканства по своими способностями начитанности: Б. Т. Демякин, Г. К. Глухов и Г. С. Евдокимов. Кроме сих троих на Погошке был еще в качестве главного агитатора некто А. К. Гаврин из Балашовского уезда, замечательно начитанный, но не пользовавшийся хорошей репутацией вследствие своего необыкновенно грубого характера и уж слишком своеобразных понятий. Например, крещение Иоанново он признавал учением, реку Иордан — народом и т. п.

Наши братья, составляющие небольшую баптистскую общину в Донской области, считая себя недостаточно сильными в борьбе с молоканскими предводителями, в целях распространения нашего баптистского вероучения решили, если последует согласие молокан, устроить на одном из хуторов большой съезд и публичную беседу баптистов с молоканами на 3 или 4 дня. Заручившись согласием молокан, наши братья выписали для имеющей быть беседы старших братьев Пришибинской и Заплавнинской общин К. Л. Ульева и В. И. Королева. Местом съезда и беседы назначена так называемая Васильева Балка, где для собрания и беседы, так как время было летнее, кажется, в июле 1890 г., устроен был обширный балаган. Собеседником со стороны молокан выступил известный Гаврин (известный во всем крае под обыкновенным наименованием «балашовский»), в качестве помощников он приглашал пагошских Григорьевых, но они решительно

отказались, так как расходились с ним во взглядах на крещение и проч.

Получив отказ, балашовский обиделся и уверенно заявил: «Я и один» выдержу». Но, несмотря на все свои невероятные усилия, которые ему пришлось употребить в беседе с братьями В. И. Королевым и К. Л. Ульевым, «выдержать» не мог. Его бессилие для всех сделалось очевидным, и он волей-неволей должен был признать, что: «трудно идти против рожна». Эта беседа была ударом стенобитной машины, от которого потряслось ветхое здание молоканства до самого основания. С этого времени в среде молоканства началась усиленная внутренняя работа. Когда приблизительно через полгода эту местность посетили из Заплавного два молодых брата И. В. Королев (сын В. И.) и А. А. Н. (пишущий эти строки), они заметили в этой местности пробуждение и жажду слышать Слово Божье; все собрания, устраиваемые при посредстве местных братьев, были переполнены народом, приходившим слушать с глубоким вниманием приезжих молодых проповедников. На устроенном собрании в доме одного брата на балке Погошке в числе многих других слушателей были также известные руководители молоканства: Г. К. Глухов, Т. С. Евдокимов и В. И. Буров. Потом была беседа приезжих братьев с молоканами или, короче говоря, с известными Григориями, которые за последнее время не опровергали вполне крещения, заповеданного апостолом, требовали доказательств передачи этой власти пресвитерам.

В своих новых собеседниках они надеялись встретить «неопытных юношей» и еще раньше беседы торжествовали свою будущую победу, но радость оказалась преждевременной: Бог дал своим смиренным служителям торжествовать во Христе (2 Кор. 2:14), и

погошские прославленные молоканами начетчики и способные собеседники оставили наших молодых проповедников в покое, предоставляя последним полную свободу действий. Впрочем, на Васильевой Балке молокане еще раз решились по окончании нашего баптистского собрания попробовать счастья в беседе, выставив со своей стороны одного из «старцев», не столь сильного по Писанию, сколько энергичного порицателя баптистских порядков. Но, как он ни старался одержать победу, как ни горячился, ничто не помогло. И. В. Королев, подобно В. Иванову, отцу своему, имел способность поражать своего противника его же оружием, а свое понятие объяснять только тогда, когда собеседник поставлен будет в необходимость сказать унижительное для себя слово: «не знаю» или «не могу объяснить». В деле же приискания текстов ему помогал его товарищ; таким образом, и эта громкая беседа не доставила молоканам ничего, кроме поражения. Присутствующий в собрании и на беседе приехавший с Погошки Григорий Константинович Глухов в беседу не вступал, спасаясь за чужой спиной. Осенью 1892 года возвратился на Погошку окончивший военную службу в Петербурге, принявший там крещение в баптистской общине брат В. Т. Лемякин, и хотя из всего многочисленного семейства только он один с женою были членами баптистской церкви, но В. Т. всеми средствами с первых же дней прибытия старался содействовать распространению принятого им учения и увеличению числа членов церкви Христовой в своем крае; вокруг него собрался кружок молодых людей, и под его защитой (от нападок стариков) им свободнее стало посещать баптистские собрания, назидаться духовными песнопениями и т. п. Труды брата В. Т. Лемякина и других местных братьев до его при-

бытия, посещения брата из Пришиба и Заплавного, публичные беседы и назидательные собрания – все это были подготовительные работы к тому великому моменту, когда весной 1893 года во время большого съезда на Погошке по случаю приезда Иванова рушилось здание молоканства, не могущее устоять перед разрушительной силой благодати, излившейся на все собрание: 84 души были крещены и присоединены к Церкви Христовой; все столпы, поддерживающие ветхое здание молоканства, были сокрушены силой благодати Божьей и присоединились к Церкви Христовой: Гр. Т. Глухов, Григ. Сергеевич Евдокимов, В. И. Буров – глава большого семейства, и уважаемый из всех молоканских старцев Тарас Федорович Лемякин уверовал в Бога и крестился со всем домом своим в числе 15-ти душ членов Церкви Христовой. Это событие на Погошке в отчете В. В. Иванова названо справедливо «Апостольской Пятидесятницей».

Заплавинская и Пришибинская общины со времени своего основания в продолжение нескольких лет оставались без должной организации: пресвитерские должности (совершение крещения, преломление хлеба и проч.) исправляли в Пришибинской К. Л. Ульев, в Заплавинской В. И. Королев как бывшие пресвитеры, но без формального уполномочия со стороны союза. В целях достижения лучшего благоустройства общин последними была отправлена к председателю союза Д. И. Мазаеву в г. Ростов депутация в лице П. И. Королева от Заплавской общины и И. В. Финогенова от Пришибинской (кажется, в 1892 году летом), но и это средство не дало нашим общинам ничего определенного. Наконец, весной (в марте месяце) 1893 года приехал в Пришиб уполномоченный от союза произвести избрание и утвердить без рукоположения для

Пришибинской и Заплавинской общин пресвитеров, учителей и диаконов-проповедников Баптистского союза В. В. Иванов. Избрание производилось 4 марта посредством закрытого голосования, т. е. подачею записок. Избранными оказались в Заплавинской общине: пресвитер В. И. Королев, учитель П. И. Королев, диакон А. А. Нагорнов. В Пришибинской общине учитель И. П. Финогенов, диакон И. В. Финогенов, должность же пресвитера брат Иванов предложил оставить без голосования за К. Л. Ульевым, так как он много трудился в деле Божьем. Но его пресвитерство оказалось лишь номинальным, т. к. он в то время уже отсутствовал (проживая на мельнице в имении графини Шуваловой близ г. Вольска), как отсутствует и по сие время. Фактическим же пресвитером для Пришибинской общины назначен В. И. Королев, к которому учитель и диакон Пришибинской общины должны обращаться во всех более важных случаях.

Таким образом, наши общины дождались правильной организации; духовная жизнь потекла более правильным и стройным порядком; избранные члены, сознавая свою ответственность перед Богом, поставившим их на служение в Его церкви, и общиной, избравшей их, старались стоять на высоте своего призвания. Ко времени избрания членов в Заплавинской общине здесь было положено начало воскресной школы, учителем к которой назначен по желанию В. И-ча и с согласия всей общины бр. А. А. Н. Это маленькое христианское учреждение при особом благословении Божьем послужило своего рода рассадником Царствия Божьего, многие дети и подростки получили там мир с Богом и стали членами Церкви Христовой. Из уверовавших молодых людей составилась «Юношеский кружок» имеющий свои собрания по вечерам несколь-

ко раз в неделю, руководителем которых был бр. учитель А. А. Н. В этих собраниях сопровождающихся обильным благословением Господним, многие грешники раскаялись во грехах и присоединились к Церкви Христовой; некоторые христиане находившиеся в состоянии печального равнодушия, «вновь пробудились уснувшей душой»

Возвратившись из поездки в Донскую область в Царицын В. В. И. пригласил туда из Заплавинской и Пришибинской пресвитеров, учителей и диаконов, которым, сделав доклад о своей поездке и полученных при помощи Божией успехах, предложил для всей тамошней местности избрать одного старшего брата, каковое предложение всеми единодушно было принято, и на состоявшемся заседании вышеозначенных членов под руководством бр. Иванова избран был единогласно старшим братом в Донской области В. Т. Лемякин в звании диакона (без рукоположения) с правом совершать крещение, преломление хлеба, сочетать браки, председательствовать в совещательных собраниях и т. п., а во всех особо важных и затруднительных случаях обращаться к церквам Заплавинской и Пришибинской. В этом смысле составлена была резолюция за подписью всех участников в деле избрания пресвитеров и диаконов, каковая препровождена была в Погошскую общину и была принята всеми братьями в Донской области с радостью и полным единодушием. Начавшееся великое дело пробуждения при В. В. И. продолжалось там и после его отъезда. В. Т. Л., объезжая все разбросанные на далеком расстоянии братские общины, проповедовал покаяние и веру в Иисуса Христа тем, которые не были еще обращены к Богу; обращенных, которые по испытанию оказывались истинноверующими, и возрожденных крестил; таким образом,

Церковь Христова все возрастала числом, так что менее чем через год со времени посещения бр. Иванова общее количество членов баптистской общины в Донской области достигло 200 — вместо 30 или 35 до его приезда. В поездках бр. В. Т. Л. и во всем его служении в деле благовестия деятельное участие принимали бр. Е. Т. Лемякин, В. И. Буров, Г. С. Евдокимов и другие. В том же 1893 г., месяца через три приблизительно после избрания на служение В. Лемякина бр. Иванов еще раз приехал в Царицын и, пригласив туда старших братьев Заплавинской и Пришибинской общин, предложил, чтобы один из пятерых (кроме отсутствующего К. Л. У.) в недалеком будущем посетил братьев в Донской области с целью: а) наставления и указания более правильной духовной жизни всех верующих, чтобы в каждом христианском семействе по утрам и вечерам совершаемо было домашнее богослужение, состоящее из пения духовной песни, чтения главы или нескольких текстов Священного Писания и молитвы; б) объяснить необходимость для каждого члена церкви жертвовать на дело Божие: на миссию и страждущих. В это же время признано необходимым учреждение окружной кассы, кассиром которой избран был брат Г. А. Буров в с. Пришиб. Брат В. В. Иванов высказал свое личное желание, чтобы миссия посещения общин, находящихся в Донской обл., возложена была (в случае согласия) на В. И. Королева из Заплавного, а в качестве спутника пригласить какого-нибудь брата из Пришиба; но когда наступило время отправляться в поездку, В. И. ввиду особого своего расположения к брату А. А. Н. пожелал взять его с собою помощником и спутником, что и предложил братьям в Пришибе, которые и отнеслись к этому с полным сочувствием. Итак, они 10 декабря 1893 года

отправились в назначенный путь, оставив управление общиной в Заплавном, а также воскресной школой (во время отсутствия А. А. Н.) помощнику пресвитера П. И. Королеву.

*«Бантист». 1908. № 4. С. 12-14.
№ 5. С. 30-31.*

Федот Петрович Костромин

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою (Пс. 93:19).

Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше (2 Кор. 1:5)

В бытность мою в Ростове я слышал желание некоторых братьев знать мою биографию, и я решил написать кратко таковую.

По происхождению я казак Николаевской станицы, области Войска Донского, по вероисповеданию православный.

В 1883 году я был поселковым атаманом хутора Гапкина и составлял приговор об удалении из общества исповедующих имя Иисуса Христа не по-нашему.

В 1884 году 4 января через проповедь Василия Васильевича Иванова Господь пробудил во мне чувства сознания и привлек меня к Себе, почему я, оставив гордость суетной славы, которая была моим кумиром,

отдался всецело Господу, а так как у нас в России дети Божии составляли тогда диковинку, а особенно в нашей местности, то и было обращено на меня особое внимание духовенства, а в особенности местного священника, который не оставлял доносить о нас по начальству, дабы во что бы то ни стало искоренить мешавшую им истину, которую они называли крамолой. На предмет этот были открыты миссионерские собеседования, на какие с разрешения начальства вызывался с нашей стороны брат Василий Гурьевич Павлов, а со стороны православия Николай Петрович Кутепов. Беседы велись не с целью убедиться в истинности учения, а с целью открыть более сильных членов баптистской церкви и привлечь их к ответственности. И таким образом начались преследования.

В 14 день мая 1890 года по приговору Новочеркасского окружного суда с участием присяжных заседателей за распространение молокано-баптистской секты (как они называют) я был лишен всех прав состояния, ноги мои заковали в кандалы, обрили мне половину головы и сослали в Закавказский край в местечко Герюсы, Елисаветпольской губернии. Семейство же мое, состоявшее тогда из жены, тещи, и 8 малолетних детей, было оставлено на родине и которому, за исключением одной только жены, не было разрешено следовать за мною, но и жена, не имея возможности расстаться с детьми, не пошла за мною в ссылку. Таким образом, я был разлучен с женою и детьми около 9 лет. Из Герюсов я согласно моей просьбе был переведен в гор. Шушу, а оттуда по распоряжению Главного начальствующего гражданскою частью на Кавказе был выслан в гор. Артвин Кутаисской губернии как особо вредный, как это было выражено в отзыве

Кутаисского губернатора по канцелярии от 11 июля 1893 года.

Со времени отправления меня в Закавказье я не переставал подавать прошения в разные судебные правительственные и административные учреждения, чтобы мне разрешили возвратиться на родину, но на все мои прошения я не получил желанных результатов. Наконец подал прошение начальнику Артвинского округа с просьбой о разрешении возвратиться на родину. В прошении между прочим было выражено: «В противном же случае прошу разрешить мне выехать за границу с женою и тремя сыновьями». На последнее получил ответ: В 10-й день июня 1898 года по Положению Комитета министров высочайше разрешено мне с женою Прасковьей, тремя сыновьями: Андреем, Иваном и Василием выехать за границу с воспрещением навсегда въезда в пределы империи. А в 10-й день июля 1904 года ввиду последовавшего Высочайшего соизволения меня уволили из русского подданства, и я выехал за границу в Болгарию.

Такое наказание повергло меня и мое семейство в большое горе, но Господь, утешающий смиренных, утешил и меня.

В июне месяце 1901 года я получил письмо из Англии от Анны Константиновны Чертковой, которая пишет, чтобы я написал прошение на имя государыни императрицы Марии Федоровны и прислал в Англию, так как свекровь ее, Елизавета Ивановна Черткова, едет в С.-Петербург и обещается сама подать оное. 29 июня я послал прошение, на которое чрез несколько недель получил уведомление из С.-Петербурга, что прошение мое подано, но оно осталось без удовлетворения.

Получив отказ, — новое горе, но оно скоро рассеялось: 22 марта 1905 года я получил опять письмо от Чертковой, которая, между прочим, пишет: «Дорогой приятель Ф. П.! пиши теперь прошение министру внутренних дел с просьбой ходатайства об отпуске вас на родину, а нам сообщи в Англию. Муж мой поедет в С.-Петербург повидаться с мамашей на две недели и скажет ей о вашем прошении, а она будет хлопотать за вас, так как теперь министр внутренних дел новый, а Победоносцева не стало; теперь люди более либеральны, при которых ей нетрудно будет двинуть ваше дело вперед, если Господу будет угодно». Я написал и сдал на почту 22 марта 1905 года как прошение, так и письмо Чертковым, а при этом принесли горячую молитву Господу, так как Он неоднократно женскою рукою избавлял народ израильский и просил дать силы Елизавете Ивановне предстать пред сильными мира сего. Окончив молитву, остались с семьей ожидать результатов.

В январе месяце 1906 года получаю заказной пакет от Чертковой, в котором вложено письмо следующего содержания:

«Милостивая Государыня Елизавета Ивановна!

Прошение Федота Костромина о разрешении ему возвратиться из-за границы на родину, в область Войска Донского передано по принадлежности министру юстиции, причем Министерство внутренних дел, со своей стороны, высказало заключение, что к удовлетворению ходатайства названного лица препятствий не встречается».

Письмо это дало мне полную уверенность в получении желаемого, а за этим письмом я получил еще — такого же содержания. С этими письмами я бежал на квартиру к своей жене, которая ожидала, как в жажде

холодной воды; не дойдя еще далеко, я воскликнул: «Хвалите, хвалите Господа! Он благ и вовек милость Его! Я получил желанный отзыв; прошу молиться». И мы, преклонив колена, благодарили Господа. По окончании я пошел с этими письмами к консулу, который, не дождавшись окончательного правительственного разрешения, выдал мне паспорт для въезда в Россию на родину, и я 25 января 1906 года прибыл в родной хутор. В марте месяце 1906 года я получил от консула из гор. Бургаса в Болгарии отзыв от 8 апреля 1906 года, за № 59 и копию отношения Департамента общих дел Министерства внутренних дел от 19 января № 91 о полном помиловании на основании п. 1 именного Высочайшего указа от 25 июня 1905 г. и представил документы обществу Николаевской станицы. Общество приговором 3 марта 1906 года приняло меня в число граждан, а войсковой наказный атаман Войска Донского утвердил меня в первобытное состояние казаков Донского Войска по станице Николаевской.

Когда мы ехали на родину, то мыслям моим представлялся псалом 125: «Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне, тогда уста наши были полны веселья, и язык наш — пения; когда между народами говорили: "Великое сотворил Господь над ними!" Великое сотворил Господь над нами: мы радовались. Возврати, Господи, пленников наших, как потоки на полдень. Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои». «И скажут в тот день: вот Он, Бог наш! на Него мы уповали, и Он спас нас! Сей есть Господь; на Него уповали мы; возрадуемся и возвеселимся во спасении Его» (Ис. 25: 9).

Благо есть надеяться на Господа! Привет всем от меня и от семьи

Меньший брат Федот Петрович Костромин.

«Баттист». 1908. №11. С.17-18.

Федот Петрович Костромин

ВОСПОМИНАНИЯ

В 1890 году, когда нас осудили за Слово Божие — 6 человек: урядника Федота Петровича Костромина, Петра Захарьевича Рящева и казаков: Николая и Прокопия Демидовых, Кундрюковых, Петра Ивановича Ермакова и Сергея Федоровича Маркова, то посадили в тюрьму с бродягами и убийцами в одной камере, где на нас смотрят, что мы ведем себя не так, как другие: читаем Слово Божие и молимся Богу, и спрашивают нас: «За что же вас осудили? Мы видим, что ничего худого не делаете, а все читаете Божии книги и рассуждаете о хорошем?» Мы отвечали: «Вот за это именно нас и хотят сослать». Тогда арестанты стали поступать с нами лучше; некоторые стали вслушиваться, так что в течение пребывания нашего в тюрьме, около 10 месяцев, к нам присоединились 4 души и начали разделять с нами одно мнение. Из них были: Степан Скорыдченко из села Красновки: казак Маршнской станицы Платон Пономарев, крестьяне села Большой Орловки Нестор Макаренко и Тимофей Кравцов. Пономарев и Кравцов вышли из тюрьмы одновременно, и я просил их навестить мое семейство и они пошли, так

как семейство мое жило в 30 верстах от тюрьмы. По пути они зашли в станицу Богоявленскую, где начали говорить людям, чтобы покаялись и веровали в Евангелие, но их арестовали и запретили пропагандировать.

После посещения моего семейства они отправились в свои места. Пономарев был начетчик старообрядцев; пришел к своему стаду, которым он руководил, уже не тем, чем был раньше, и вместо прежних заблуждений стал проповедовать живого Бога и поклоняться Ему в духе и истине. Через него в ст. Камышевской образовался кружок из нескольких членов; про Крайнева же ничего не слышно. Скорыдченко в сл. Красновке тоже посеял слово в нескольких душах.

Господь знал, что делал и как нужно было сеять Слово, чтобы оно приносило плоды и чтобы действие нашей ссылки не пропало бесследно. Сила Божия ободряла и заставляла бодрствовать.

Из 1-й Донской окружной тюрьмы нас отправили в Закавказье в феврале месяце 1891 года по тюрьмам до Елисаветполя, где нас расковали и не так уже стесняли, и гнали нас до Герюсов Зангезурского уезда, где и пустили нас, как птенцов, на свободу, но только с тем, чтобы мы являлись в полицию каждый день к 10 часам утра.

Местечко Герюсы отстоит от гор. Шуши в 88 верстах, населено армянами и стоит в котловине, окруженной со всех сторон горами. Земледелием там занимаются очень мало, так как земля для этой цели неудобная. Жители почти все, за исключением стариков, женщин и малолетних детей, отправляются на заработки в российские города и селения. И вот там-то и поселили нас. Когда о нас узнали молокане из села Базарчай, то были тронуты состраданием и пришли на

помощь кто чем мог, так как и их предки были тоже сосланы туда, и они, собрав муки, масла, сыру, привезли нам. Тогда начальник уезда, узнав о сем, призвал к себе старшину Тимофея Космынина и сделал ему выговор, сказав: «Я тебя загоню туда, где Макар телят не пасет; ты знаешь, что им не следует ничего давать, так как их загнали сюда не кормить, а голодом морить». Вот как мы были дороги в глазах местной администрации, куда нас сослали!

Но Господне око видело нас, так как нас было 120 душ обоего пола и разных возрастов.

Однажды приходит ко мне один брат ночью, вызывает меня и зовет к Созонту Капустинскому, так как к нему кто-то приехал. Я и брат Петр Ив. Ермаков пошли, и что же? Впотьмах, в тускло освещенной лампочкой комнате на заднем дворе, или караван-сарая, сидит приезжий брат Сумбат Багдасарьянц. Когда мы поздоровались, то Багдасарьянц сказал: «Братья! Неужели вы думаете, что вы одни страдаете и что про вас забыл Господь! О! нет, Он заботится о вас; Он послал вам чрез нас нужное и потребное для жизни, ибо Он и скоту дает пищу, и птенцам ворона, взывающим к Нему». Мы опустили все на колени и начали со слезами благодарить Господа. По окончании молитв предложено было нам писать, кто есть из братьев в Герюсах, и у кого сколько членов семьи, и где таковые, и он передал нам привезенное им. С ним был брат Моррисон, который не показывался по случаю строгости со стороны полиции.

Вот как Господь питает своих, и я могу сказать с Давидом: «Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания» (Пс. 93:17). Вследствие трудности нашей жизни мы написали прошение губернатору, прося, чтобы он пе-

ревел нас куда-либо, где бы можно было снискивать пропитание посильным трудом. Губернатор перевел нас в гор. Шушу, но и в Шуше было не совсем-то хорошо, потому что ежедневная явка в полицию тяготила нас, но все-таки легче, чем в Герюсах. Я поступил писарем в уездное управление за 10 руб. в месяц, где, прослужив 3,5 месяца, был губернатором уволен, но начальник Шушинской почтовой конторы назначил меня заведующим почтовой станцией в гор. Шуше, где я получал 15 руб. в месяц и три фунта хлеба в день, а братья также кто чем мог зарабатывали понемногу. Потом меня перевели одного в гор. Артвин Кутаисской губернии. Когда я отправился в Артвин, тогда деньги, 67 руб., я отдал сестре Марфе Ивановне Однолько, которая отправлялась в то время в Россию, а она передала их брату Сосину в Тифлисе, а когда я был в тюрьме в Тифлисе, то брат Сосин передал мне 7 р., а остальные я просил его прислать мне в Артвин. Деньги были мне посланы, но я их не получил по случаю контроля жандармов, и братья обратно не получали их, боясь преследования, и они были обращены в пользу казны.

Когда я прибыл в Артвин, меня встретил артвинский житель Погос Пилосян, который спросил, имею ли я средства для пропитания; я сказал ему, что нет. Тогда Пилосян зовет к себе армянина, который готовит кебаб (кавказское кушанье из мяса) и приказывает, чтобы он давал мне его постоянно и записывал бы в книгу, и еще сказал: «Если этот старик не заплатит, то я заплачу». Таким образом я питался. А в это время я был сильно болен, так что пристав гор. Артвина написал отношение и отправил меня в 1-й пластунский казначий лазарет. Узнав об этом, священник постарался на другой-же день удалить меня, ввиду того, что я мо-

гу совратить казаков в свою веру, и я остался в кофейне одного турка Мамед-Эфенди, но Погос Пилосян не оставлял меня. В одно время я получаю письмо через армянина, адресованное карандашом на мое имя. В письме в первых строках брат Пилосян пишет: «Не нуждаешься ли ты в средствах? Я пришлю адреса; мой: Баку, Газар Арутюнову». Эти нежные строки простого письма меня так сильно тронули, что я заплакал, как дитя, и пал с кровати на колени и стал благодарить Того, Кто возбудил чувство сострадания этого милостивого самарянина, который чрез неделю по получении от меня адреса прислал потребное для меня.

Око Божие не дремлет, чтобы миловать, и не дает быть поглощенным чрезмерною печалью, а подает помощь вскоре. После этого приходит еще один армянин, Погос Азнаурьян, приехавший из Ростова, и передает мне 12 руб. от бр. Д. И Мазаева, говоря: «Вот тебе прислал брат твой; он мне продал овечью шерсть и велел деньги отдать тебе». Сижу я однажды в лавке П. Пилосяна; приходят два офицера и спрашивают меня, кто я и зачем здесь. Я объяснил; один из них, постарше, не обратил внимания, а молодой пожал мне руку. Это был хорунжий Константин Константинович Арсеньев, сын генерала, и сказал: «Дедушка! если будет тебе крайность, приди, я помогу, и к Пасхе он сам принес для меня 5 рублей. Чудеса! Господь не оставлял надеющегося на Него и проходящим скорбным путем по бурному океану жизни подавал утешение и радость.

Привет вам, ваш брат Федот Петрович Костромин.

«Бантисм». 1909. №4. С. 22-23

Василий Гурьевич Павлов

**НАЧАЛО, РАЗВИТИЕ
И НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ
БАПТИЗМА СРЕДИ РУССКИХ**

Реферат В. Павлова, прочитанный им на Европейском конгрессе баптистов в Берлине 19 августа 1908 года.

Немцы более 400 лет тому назад пережили свою Реформацию, тогда как между русскими она только что начинается. Славянские народы в большинстве своем еще доселе не приняли учения Христова в его чистом, неискаженном виде и все еще находятся над влиянием римско-католической и греко-восточной церкви. Русский народ в культурном и религиозном отношении очень отстал от других народов Европы благодаря неблагоприятным историческим условиям, среди которых главную роль играло монгольское нашествие, затем крепостничество и отсутствие религиозной и политической свободы.

Ныне эти условия изменились во многом к лучшему. Рабство отменено, занимается уже заря религиозной и политической свободы, и русский народ представляет из себя девственную почву для проповеди Евангелия, которая только ждет сеятеля, чтобы он бросил в нее семена Евангелия, и она принесет сто-кратный плод.

Великая заслуга православной церкви состоит в том, что она не отняла Библии у народа, как это сделала католическая церковь, но позволила ему читать ее, сделав ее доступной народу посредством перевода на разговорный язык.

В предлежащем реферате я намерен моим слушателям изложить: 1. Возникновение баптизма; 2. Его развитие. 3. Его настоящее положение и 4. Наши задачи.

Возникновение баптизма

Баптизм появился одновременно в двух различных местностях Южной России, а именно: в м. Любомирке Херсонской губернии и в г. Тифлисе (в Закавказье). Толчок этому великому евангельскому движению дали немецкие баптисты. Первым распространителем наших принципов в Херсонской губернии был крестьянин, житель, селения Любомирки Иван Григорьевич Рябошапка. В Закавказье учение баптистов принес немецкий баптист Мартин Карлович Кальвейт, уроженец селения Тауроген Ковенской губернии.

Эти два потока баптизма, возникшие независимо друг от друга, впоследствии слились вместе и составили могучую реку, которая теперь, подобная реке жизни в видении Иезекииля, делается все шире и глубже, утоляя жажду пьющих из нее. Рябошапка по-

знал истину Евангелия от одного немца — баптиста Мартина Гюбнера, который по ремеслу был кузнец и работал в кузне помещика Шибeko, крепостным которого прежде состоял Рябошапка. Там Гюбнер часто встречался с Рябошапкой, беседовал с ним о религии. Рябошапка сначала противился словам Гюбнера, но затем убедился в необходимости возрождения и оправдания верою во Христа и всецело отдался Господу. Затем достал себе Новый Завет и ревностно стал читать его, и вполне убедился в правильности учения баптистов. Крестить русских тогда по причине гонения немецкие братья боялись, но русские братья все же получили крещение. Дело было так. Один из новоменнонитских проповедников из немецкой колонии Эйналоге (Кичкос тоже в Екатеринославской губернии) Абрагам Унгер, который находился в духовном общении с покойным И. Г. Онкеном, крестил 30 колонистов при немецкой колонии Старый Данциг 11 (23) июля 1869 года. В число крестящихся вмешался некто верующий русский, которого знали немецкие братья, крестьянин деревни Карловки Ефим Цымбал, который и был крещен Унгером вместе с другими. Цымбал после крестил Ивана Рябошапку, а Рябошапка крестил Михаила Ратушного и таким образом **малороссы получили крещение от немецких братьев.**

В Закавказье, как мы уже упомянули, баптизм был принесен простым ремесленником немцем Мартином Карловичем Кальвейтом, который прибыл в Тифлис в 1862 году со своей семьей и поселился там.

Кальвейт родился в лютеранской семье. О учении баптистов он узнал на своей родине в Ковенской губернии от одной женщины, которая бывала в собрании баптистов. Для лучшего ознакомления с общиной баптистов он прибыл в Икшен, где он услышал Слово

Божие, обратился и был крещен в деревне Кревени в мае 1858 года баптистским проповедником Ленкетом вместе с своей сестрою Бауер.

В Тифлисе с Кальвейтом познакомился один купец из секты молоканской (которые, подобно квакерам, отвергают водное крещение и преломление хлеба) Никита Исаевич Воронин, который давно уже убедился в необходимости крещения водою для верующих, но не знал, от кого принять оное, потому что он не **ВИДЕЛ** живых христиан ни среди православных, ни среди лютеран; других христиан евангельского направления тогда еще не было. Кальвейт преподал крещение Воронину 20 августа 1867 года. Затем Воронин крестил несколько обращенных молокан, в числе которых в 1871 году был крещен один 16-летний мальчик В. Г. Павлов, так что в этом году молодая русская община имела уже 10 членов.

Его развитие

Каждая из упомянутых двух групп баптистов, херсонская и закавказская, продолжали свою деятельность, не зная даже о существовании одна другой. Лишь позже закавказские баптисты узнали из газет о евангельском движении, которое вскоре стало известно под именем штундизма. До 1876 г. они не имели личного знакомства друг с другом. Лишь в этом году Павлов, окончив богословский курс в Гамбурге, посетил при возвращении на родину селение Основу, где познакомился с деятелем херсонского баптизма Михаилом Ратушным.

Пионерами в деле распространения Евангелия в Херсонской губернии были Рябошапка и Ратушный, а в Киевской Иван Лясоцкий.

Проповедь Евангелия с самого начала встретила противодействие духовенства, которое, пользуясь покровительством государства, не знало лучшего оружия борьбы с отпадшими от православия, кроме административных и судебных мер. Гонения и ссылки и другие мучения были пущены в ход, чтобы потушить огонь божественной жизни, загоревшейся в сердцах верующих, но все было тщетно, ибо Церковь Христова подобна несгорающей купине, которая горела, но не сгорала.

Три упомянутых пионера были преследуемы, брошены в тюрьму, но оправданы судом. Но так как они не прекратили своей деятельности, то двух из них — Лясоцкого и Рябошапку — сослали в Закавказье в ссылку, из которой Лясоцкий возвратился по прошествии лишь 11 лет и живет в настоящее время в бедности в Ростове-на-Дону, а Рябошапка после пребывания в пятилетней ссылке в Ереване у подножья Арарата отпущен был в Болгарию с обязательством никогда не возвращаться в Россию.

К сожалению, он исполнил это условие, ибо после кратковременного пребывания в Болгарии перешел в горнее отечество: он умер в болгарской столице Софии 5 (18) февраля 1900 г.

Если описывать все гонения, которые претерпели наши братья в царствование Александра III при всеильном при дворе Победоносцеве, то для этого пришлось бы написать целую книгу. О всех наших мучениках можно сказать словами Писания: «Испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были... подвергаемы пытке... терпя недостатки, скорби, озлобления... скитались по пустыням (Сибири) и по горам, по пещерам и ущельям (Закавказья)» (Евр. 11:36-38). Дело доходило до того, что у некоторых братьев

насиленно отбирали детей и отдавали православным семьям на воспитание. Девиц, вышедших замуж в другую деревню, отсылали ночью под конвоем мужчин обратно в свое селение, некоторых сестер насильовали (сестру Ксению — в Скобичах, Киевской губ.).

Но все эти жестокие гонения не могли поколебать твердости веры гонимых, которые с радостью переносили все эти испытания веры. Лишь очень немногие из них под напором гонения не выдержали и лицемерно возвратились к православной церкви.

В Закавказье из Тифлиса Слово Божие распространилось по многим молоканским селам. После Воронина в деле распространения Евангелия много потрудились проповедники В. В. Иванов и В. Павлов. Последний в 1875 году послан был тифлисской общиной для подготовки к проповеднической деятельности в Гамбург, где пробыл год, и после его рукоположения И. Г. Онкеном в миссионеры в 1876 году в том же году он возвратился в Тифлис, где нашел уже общину из 40 душ.

В том же году Павлов сделал обширное путешествие по Закавказью с братом С. Г. Родионовым до Арарата и Каспийского моря, во время которого они проповедовали Евангелие во многих молоканских селениях и крестили несколько душ, и таким образом положено было основание некоторым общинам.

Брат В. Иванов в 70-х годах на свой счет совершил миссионерские поездки по Закавказью; после того он и Павлов принесли свою деятельность на внутреннюю Россию и работали в Таврической, Астраханской, Самарской, Саратовской и Могилевской губерниях, а также на Дону и Северном Кавказе, где вскоре возникли баптистские общины, которые в свою очередь далее распространили истину.

В 1884 году новоменнонитский проповедник брат Иоанн Вилер созвал первую конференцию русских баптистов в с. Нововасильевке Таврической губернии, и в это время был основан союз русских общин, председателем которого был избран Вилер.

С этого времени южно-русские и закавказские баптисты ближе познакомились друг с другом и соединились для совместной работы в области миссии. На этой конференции в первый раз поставлено было на один год 8 евангелистов.

Брат Вилер состоял председателем русского баптистского союза до 1886 года, когда он, избегая ссылки, переселился в Румынию, где в 1888 году в Тульче построил молитвенный дом и умер в том же году в Бухаресте.

Закавказские баптисты, как природные сектанты и трудившиеся по большей части среди сектантов, долго не подвергались гонению, а в 1880 году тифлисская община с ее проповедником В. Павловым даже получила утверждение от правительства. Но в 1887 году волна гонения захватила и тифлисскую общину, и ее проповедники Н. И. Воронин и В. Павлов посланы были в ссылку на 4 года в г. Оренбург (на границе Сибири) вместе с армяно-лютеранским проповедником Абрамом Амирханьянцем. Вскоре трое из ее выдающихся членов братья М. Кальвейт, А. М. Мазаев и А. Леушкин сосланы были на 8 лет. Но община не пала духом, а продолжала свои собрания и увеличивалась численно. Затем во всей России начались массовые ссылки в самые глухие места Сибири и Закавказья, которые наполнились ссыльными сектантами всякого рода.

Здесь следует упомянуть о благородном человеке Божиим, покойном докторе Ф. В. Бедекере, который

неустанно собирал и распределял лично и через других средства для гонимых. Да будет благословенна память его!

Настоящее положение баптизма

Баптизм в России доказал свою жизнеспособность; он не только выдержал планомерное долгое гонение со стороны церкви и государства, но окреп и распространился по всей обширной Российской Империи «от знойной Колхиды до хладных финских скал», от Петербурга до Амура и Манчжурии и по снежным равнинам Сибири. Если ехать по железной дороге из Одессы до Харбина, то после месячного путешествия можно найти и в этом городе небольшую баптистскую общину.

Что касается национальностей, принявших учение баптистов, то между ними можно упомянуть следующие: русские, армяне, татары; немцы, поляки, эстляндцы, лифляндцы, литовцы, латыши; финны и шведы.

С 1905 года начинается новая эра в жизни русских баптистов. В этом году все ссыльные в Закавказье и Сибири вследствие Высочайшего Манифеста о религиозной свободе освободились из ссылки и большей частью возвратились на родину. Это было очень хорошо для них, ибо как раз в этих местах Закавказья вскоре вспыхнула междо-усобная война между татарами и армянами, истребившая много человеческих жизней и разорившая оба народа. Господь вовремя избавил свой народ от этой опасности.

Революция потрясла политические и религиозные устои русского народа, но она же воочию доказала лживость обвинений духовенства в политической не-

благонадежности сектантов; почти все сектанты, за редким исключением, относились пассивно к террору с обеих сторон.

С объявлением манифеста о религиозной свободе баптисты сейчас же воспользовались предоставленными им правами и проявили оживленную миссионерскую деятельность. Они начали устраивать публичные собрания в театрах, аудиториях и трактирах. Особенную ревность проявил в устройстве таких собраний наш брат, проповедник Федор Прохорович Балихин, который устраивал такие собрания в городах Борисоглебске, Евпатории, Бердянске, Харькове, Елисаветграде и Мелитополе. Мне тоже приходилось в таких собраниях говорить слово Божие в трех городах: в прошлом году в Балашове и Бердянске, а в текущем году – в Харькове. Когда я со сцены, где стоял, смотрел на тысячи слушателей, которые с жадностью прислушивались к Слову Божию, и вспоминал свою 8-летнюю ссылку за пропаганду баптизма, то с трудом верил своим глазам, что это не сон, а действительность! Великое Господь сотворил с нами, и мы радуемся.

Однако мы еще не имеем полной религиозной свободы, ибо все упомянутые собрания состоялись или с разрешения министра внутренних дел, или же с разрешения губернатора, причем местные власти в союзе с духовенством часто старались не допускать таких собраний. В селении Гуляевке недалеко от Одессы урядник запрещал мне проповедовать, и когда я не подчинился его распоряжению, он составил протокол, но к суду меня до сих пор за это не привлекали.

Новый Закон от 17 октября 1906 года о признании наших общин во многих отношениях неудобен для

нас, но все же он дает всякой зарегистрированной общине права юридического лица.

В мае прошлого года мы основали миссионерское общество, которое поставило за один год 19 благовестников. Такое же общество образовалось в Сибири, которое поставило такое же число евангелистов. Приход обоих обществ равен сумме в 17 тысяч рублей. Кроме того, два немецких комитета, баптистский и меннонитский, работающие в союзе с нами, тоже прошлый год содержали 12 русских евангелистов, так что прошлый год кроме местных проповедников всего работало в деле евангелизации 50 тружеников.

Сибирские баптисты построили для миссионерских целей громадный молитвенный дом в городе Омске, который может вместить до 2000 душ. Дом этот соорудил на свои средства брат Гавриил Иванович Мазаев. Еще до построения этого дома баптисты в Омске имели большие собрания, одно из которых посетил губернатор, который по окончании собрания подал руку проповеднику брату Г. И. Мазаеву и поблагодарил его любезно за проповедь.

Что касается нашей литературы, то она состоит из нескольких брошюр, катехизиса, календаря и 5 ежемесячных периодических изданий.

Один из ежемесячных журналов — «Баптист» защищает интересы регулярных баптистов, а прочие имеют более общеназидательный характер.

Полагаю, что время уже познакомить с нашей статистикой, которая должна бы показать наше действительное состояние, но, к сожалению, доселе у нас нет ее! Кто виноват в этом, об этом я не стану распространяться; я только могу сказать, что стоит много труда при худых почтовых сообщениях и больших расстояниях составить полную статистику. В текущем году я

попробовал составить таковую, но не все общины послали свои известия. Насколько я мог собрать сведений, наш союз считает в настоящее время: общин 162; проповедников 400; молитвенных домов 10; членов 11 207. Есть и такие общины, которые стоят с нами на одной почве, но они не хотят называться баптистами. Некоторые из них не хотят иметь получающих жалованье проповедников и отвергают всякую службу, но общин с таким направлением ничтожное количество.

В заключение нам остается сказать несколько слов *о задачах*, которые предстоит исполнить нам.

1. Первая и важнейшая наша задача состоит в проповеди Евангелия. Чтобы достичь этого, нам нужно иметь способных для этого людей. До сих пор у нас были только не получившие образования проповедники. Но век во всех отношениях подвигается вперед, посему, если мы не желаем оставаться позади, то должны дать нашим проповедникам по возможности наилучшее образование, чтобы они могли отвечать требованиям времени.

2. Эта потребность указывает нам на нашу вторую задачу, именно: чтобы мы устроили богословскую семинарию, в которой наши проповедники могли бы получать образование для приготовления к их высокому служению. Я того мнения, что у нас для всех народностей должна быть в России предварительно одна семинария, в которой преподавание должно вестись по возможности на русском языке. Что касается места для нее, то я предлагаю Одессу, где она должна быть построена, ибо этот город находится на юге, в мягком, здоровом климате, а в окрестностях находятся многочисленные русские и немецкие общины, где студенты будут иметь случай упражняться в проповеди.

3. Наша третья задача состоит в создании и распространении здоровой христианской и баптистской литературы, для каковой цели мы должны создать ответственное учреждение, чтобы снабдить всю Россию здоровым печатным словом.

4. Наша четвертая задача состоит в основании ссудо-строительного фонда для постройки молитвенных домов, ибо в этом отношении всюду ощущается острая нужда.

5. Мы не должны забывать и наших проповедников-инвалидов и учредить кассу для вспоможения им.

6. Наш союз решил построить миссионерский дом в С.-Петербурге, где брат Фетлер уже собирает русскую общину, но не имеет подходящего помещения, чтобы возвещать тысячам жаждущих слушателей слова о кресте.

Мы надеемся, так как мы еще слабы и молоды, что наши старшие братья, американские и английские баптисты, окажут нам свою помощь для выполнения вышеупомянутых задач.

Более 100 народностей России протягивают к нам свои руки за хлебом жизни и взывают: «Дайте нам есть!» А наш Учитель приказывает нам: «Вы дайте им есть!» Итак, к труду в деле Господнем!

«Баптист». 1908. №11. С.35-39.

Дей Иванович Мазаев

ГОНЕНИЯ МЕРТВЫХ

Из Голой пристани (Тавр. губ.) пишут, что у них в прошлом 1911 году скончалась одна сестра Мария Андриец, урожденная Задорожня. Смерть, а особенно похороны которой были столь интересны, что братья желали бы довести о них сведения до всех братьев и сестер.

Обратившись к Господу, сестра Мария много терпела – несла крест от мужа своего, который, очень часто приходя домой в нетрезвом виде, причинял ей невыносимые страдания, и глаза ее были всегда влажны от слез, хотя она часто проливала их и от радости спасения. Болезнь же, уложившая ее сначала в постель, а потом и в могилу, произошла от того, что толпа православных по названию, набросившись на базаре на ее дочь Ксению, наполнила ее рот навозом, и она, перепугавшаяся, прибежала домой, и, вероятно, перепугала и свою мать, которая вскоре после этой дикой шутки слегла в постель и больше с нее не вставала. Когда о сем донесли ее брату и матери и когда они вместе с ухаживавшей за больной сестрою Марченковой, преклонив колена, молились у ее постели,

то муж ее сказал: «Когда я уйду из дома, тогда молись, а при мне я не позволяю». Потом она позвала своего мужа и спела ему своим звучным голосом слова песни:

*И тогда ты правду вспомнишь:
Что в Евангелии читал,
И тогда ты будешь плакать,
Что Христа ты не принял.*

После этого она поцеловала своего мужа, прося его не запрещать детям читать Евангелие, и, сказав: «Теперь я отдохну», опустила на подушку. Когда же муж хотел поправить ей изголовье, то увидел, что она действительно ушла «отдыхать» к возлюбившему ее Иисусу.

Когда только разнесся слух, что Мария заболела, то родные и знакомые, посещавшие ее, стали ее уговаривать пригласить священника для исповеди и причастия, но она, зная, что, когда сердце ее было пусто, то священник заполнить этой пустоты не мог, и что теперь, когда Господь наполнил сердце ее миром, священник к этому ничего добавить не в состоянии, сказала, что после того, как Господь дал ей веру в искупление, она уже ни в каком человеческом посредничестве больше не нуждается и приглашать его не желает. Когда же она умерла, то ее как еще не отчисленную от православия братьям хоронить не позволили, и так как священник тоже отказался хоронить ее, то тело ее, несмотря на июньскую жару, оставалось непогребенным двое суток. Братья просили священника дать разрешение на погребение, но он отказал, заявив, что он телеграфировал епископу и ждет ответа. Так прошло четверо суток. Братья обратились к приставу — испросили разрешить хоть отнести тело на кладбище и

положить в могилу, и он разрешил. Наконец на шестые сутки был получен от епископа ответ с воспрещением хоронить умершую на православном кладбище, а если похоронена, то вырыть и вынести с кладбища. Во исполнение этого ответа несколько человек с ругательствами разрыли зарытую наполовину могилу и стали вынимать гроб из могилы и, уронив, разбили его, а потом вынесли и за кладбищем зарыли его саженьях в трехстах от кладбища.

Когда читаем эти строки, то невольно напрашивается вопрос: что же это такое? Неужели же эти люди допускают, что умершая баптистка может совратить их покойников и таким ужасным образом охраняют их православие? Когда я впервые увидел предложенный Стоглавому Собору между прочими вопросами такой: «Можно ли хоронить монахинь на кладбищах мужских монастырей», то такая запоздалая забота о нравственности меня повергла в крайнее недоумение; так как это было пятьсот лет тому назад, то я относил это к пережиткам религиозного невежества, а чем объяснить описанное выше гонение на мертвых имевшее место в XX веке, веке прогресса и культуры, я не знаю.

«Баптист». 1912. №8.

Михаил Тимошенко

ИВАН РЯБОШАПКА

Один из первых работников для Господа на юге был крестьянин деревни Любомирки Александровского уезда Херсонской губ. Иван Григорьевич Рябошапка. Он служит живым примером той милости Божьей, которая так чудно отразилась на нем, простом крестьянине, никогда не посещавшем школу.

В своей деревне Рябошапка снимал у помещика в аренду мельницу. Он был женат и имел троих детей, которые умерли еще маленькими. До обращения он жил, как и все другие крестьяне, хотя всегда держал себя прилично и был трудолюбивым человеком. Трактиры посещал очень редко. Еще до женитьбы он выучился у одного солдата читать и писать. Что-бы разгонять скуку во время молотьбы, он читал различные сказки. В праздничные и базарные дни он ездил в соседнюю деревню на базар и продавал муку. Однажды на базаре он купил себе Евангелие у книгоноши Библейского общества. Книга очень заинтересовала его, и хотя он вначале мало понимал ее содержание, все-таки продолжал читать целый день на мельнице, а вечером

дома. Если крестьяне приносили ему зерно, то часто заставляли его за чтением Нового Завета.

Как-то привез к нему зерно один немец из колонии Рорбах. Мельницы в Рорбахе иногда не справлялись с работою; тогда колонисты привозили зерно на мельницу Рябошапки. Тот немец тоже застал Ивана за чтением Евангелия. Он попросил книгу и сказал: «Эта книга наставит вас к блаженству». — «Но я почти там ничего не понимаю, — сказал мельник, — я охотно бы послушал, если бы кто-нибудь разъяснил мне ее». Колонист посоветовал ему обратиться к священнику той деревни. «Ваш священник образованный человек, посещал семинарию и обязан разъяснить Писание. Ведь не даром же вы носите ему масло, яйца, курей и т. д.».

Деревенский священник не всегда знал меру в выпивке. Все-таки Иван обратился к нему с просьбой разъяснить ему немного из Евангелия. «Новый Завет очень хорошая книга, — сказал, он, — но тебе, простому мужику, не совсем безопасно читать ее; твой ум может потревожиться. Эту книгу имеет право читать только духовенство, ибо они на то поставлены. Для тебя же довольно, если ты будешь всегда посещать церковь и смотреть, что там делается».

Этот разговор не удовлетворил Рябошапку, но, наоборот, зажег в нем еще большее желание научиться понимать Евангелие. Опять тот немец пришел к нему. Иван рассказал, что ему посоветовал священник. Колонист покачал головой. «Новый Завет не может быть опасной книгой, но как раз наоборот. Сам Господь повелел не только читать, но старательно исследовать Писание». Он указал Рябошапке на некоторые места, из которых тот убедился, что чтение Евангелия очень даже полезно. Уходя из мельницы, немец пригласил его к себе: «Приходи, Иван, ко мне в воскресенье, то-

гда мы и поговорим об этой дорогой книге. Только не забудь свое Евангелие, потому, что у меня нет на русском языке». Через несколько недель Рябошапка с Новым Заветом отправился в Рорбах посетить своего друга. Это воскресенье было вскоре после Пасхи. Придя утром к немцу он не застал его дома, потому, что тот ушел в кирху (молитвенный дом). До кирхи было недалеко. Иван еще ни разу не видел внутренней обстановки немецкой кирхи, и любопытство повлекло его туда. Хотя он ни слова не понял из проповеди, но порядок в кирхе и в особенности простое богослужение произвело на него глубокое впечатление.

После проповеди колонист взял его к себе. Немного позже они уже горячо беседовали между собой, предметом беседы было Евангелие. Они проговорили до пяти часов вечера. «Ну, теперь пойдем на "штунде"! (молитвенный час), — предложил хозяин, — там мы встретим немцев и русских, которым пастор разъясняет Слово Божие на русском языке».

Когда они вошли в зал школы, то там уже собрались многие немцы и русские работники. Вскоре пришел и пастор. Перед началом собрания пропели немецкую псалму, потом пастор молился, причем все поднялись на ноги. После молитвы все опять сели. Также и пастор занял свое место и «штунде» начался. Пастор хорошо говорил по-русски. Он объяснил прочитанную главу, и все слушали с большим вниманием. Потом слушатели задавали вопросы, и он на все отвечал коротко и ясно. Так пробеседовали два часа. В конце опять пропели псалом по-немецки, и все поднялись к молитве; многие из присутствующих молились, кто по-немецки, а кто по-русски. Заканчивал собрание пастор молитвою. Это собрание очень понравилось Рябошапке.

«Пастор растолковывает так просто, что каждый маленький ребенок поймет». В последующие праздничные дни Иван стал постоянным посетителем этих собраний. Так прошло лето. Осенью по случаю плохой погоды ему часто приходилось оставаться дома; тогда он садился за чтение Евангелия и особенно любил повторять те места, которые разъяснял пастор, причем он старался восстановить в памяти его объяснение. Однажды осенью на его мельнице что-то попортилось, и ему пришлось отправиться в Рорбах за кузнецом-немцем. Кузнец был очень подвижный человек, и в собраниях очень часто ставил различные вопросы. В дороге он начал с Иваном разговор про Евангелие.

— ЕСЛИ ТЫ, Иван не родишься свыше, то не увидишь Царства Божия, — сказал кузнец.

— Ты говоришь очень странные слова, — возразил Рябошапка, — как я могу еще раз родиться?

— Ну, ты должен, покаяться перед Богом, открыть Ему свое сердце и просить Его, чтобы Он дал тебе жизнь вечную!

— Я никак не пойму тебя, *Карл!*

— Может быть, ты теперь и не поймешь меня, но заметь себе, Иван: или ты упадешь на камень, или камень упадет на тебя; ты не найдешь покоя до тех пор, покамест не примиришься с Богом через Иисуса Христа».

Эти слова кузнеца врезались в сердце Рябошапки. всю дорогу он думал об этом, что это за новое рождение и перерождение. Дома он не находил покоя. В следующее воскресение он опять пошел в ШКОЛУ. С собой он взял своего соседа Рыбалку, КОТОРОМУ он часто передавал хорошие разъяснения пастора.

В собрании пастор говорил про обращение Савла. Его слова произвели такое глубокое впечатление на

обоих русских крестьян, что они всю дорогу и дома до поздней ночи говорили об этом между собою.

На СЛЕДУЮЩИЙ день Рябошапка сидел на мельнице и читал Евангелие. Место ему открылось Матфея 7:7-8. Он прочитал всю главу до конца, и тогда в первый раз в своей жизни преклонил колена перед Богом и из глубины сердца просил у Него прощения грехов во имя Иисуса.

«О чем, я молился, что я говорил, теперь не знаю, но я знаю, что, когда я поднялся с колен, то во мне сиял яркий свет; мне стало так легко, как будто с моих плеч сняли большой мешок с зерном. От радости я кричал на мельнице и славил Бога».

Жена его сейчас же заметила произошедшую с ним перемену и первая дала ему название: «штундист». Она еще не понимала того большого значения этого названия, которое теперь дается всем живым последователям Иисуса Христа, имя, производившее большие и ужасный гонения.

Через некоторое время уверовала и его жена, а также и Рыбалка примирился с Богом и с ним несколько жителей той деревни. Так в Любомирке образовался маленький кружок верующих, которые по вечерам сходились в дом Рыбалки. Они читали Евангелие, молились вместе, а по воскресеньям посещали собрание в Рорбахе.

В первый год их никто не преследовал. Хотя их и называли «немецкая вера» или «штунда», но всегда добродушно. Деревенский священник посещал их иногда, но не преследовал. Наоборот, он радовался, что они читают Евангелие и часто ставил в пример другим как честных и набожных последователей Христа, чем они отличались от других. Дьякон часто при-

ходил к ним и заставлял их изучать некоторые духовные стихотворения.

Дьякон был ужасный пьяница. Часто в пьяном виде он производил большой шум, так, что попу приходилось приказывать привязать его к колоколу, чтобы успокоить.

В своих собраниях они читали Слово Божие, молились и пели духовные псалмы. Кружок их становился все больше и больше, так что нужно было позаботиться о большем помещении для собрания. Для этой цели они выбрали большую клуню, в которой они потом и собирались многие годы.

Немного позже в Рябошапке созрело желание отправиться для проповеди Евангелия в соседнюю деревню. Он всегда носил Евангелие у себя в кармане и при удобном случае всегда старался прочитать из него своим русским соседям, особенно на ярмарках. Еще и теперь на юге на ярмарке можно наблюдать следующую сцену:

На какуюнибудь телегу взбирается крестьянин, снимает шапку, надевает ее на палку, машет ею и кричит: «Слушайте, вы, торговцы, вы, барышники, господа и общественные люди, собирайтесь! Подойдите! Я хочу вам что-то сказать». Народ сбегается, и стоящий на возу рассказывает им, что у него украли лошадь или корову, подробно описывает украденное и потом спрашивает, не видал ли кто таковую. Почти всегда найдется кто-нибудь, который потом рассказывает о том, что он знает.

Рябошапка делал точно так же. Он созывал людей, потом вынимал Евангелие и говорил, что у него ничего не пропало, но он хочет поговорить с ними о их душах, о Спасителе и о Евангелии. Русский народ очень восприимчив в беседе на религиозной почве.

Народу все прибавлялось больше и больше, чтобы послушать простого крестьянина, говорящего о Слове Божьем. Таким образом многие уносили с собой на дом посеянное семя Евангелия, и если у кого из них не было Нового Завета, то тот старался приобрести его при первой возможности. Так в темной массе народа загорался свет Евангелия.

Позже Рябошапка был избран проповедником и 40 лет проповедовал о Христе в деревнях и городах. В петербургских аристократических кругах его принимали с уважением, несмотря на низкое происхождение и малороссийский выговор. Потом за «вредную пропаганду» он попал в тюрьму, где ему пришлось перенести различные неприятности. Балихин рассказывает, что, когда он однажды посетил его, то Рябошапка со слезами жаловался ему, что его клопы совсем замучили. Позже его сослали в Елисаветпольскую губ. на Кавказе, где он и прожил 12 лет. Оттуда его как «закоренелого и неисправимого штундиста» выслали из России. После долгого перекочевывания в Турции он прибыл в 1898 году со своей женой в Болгарию совсем разбитым и больным стариком. Вскорости он там умер. Жена его вернулась обратно в свою деревню, а так как она была очень бедна, то ее поддерживали братской помощью.

Сосед же Рябошапки Рыбалка тоже стал выдающимся работником в евангельском движении среди русских.

*«Бантисст». 1914. №5-6 (Из
Christeicher Eamilien kalendar. 1908).*

Федор Прохорович Балихин

МОИ МЫТАРСТВА

Мое обращение с ходатайством об устройстве собрания баптистов в селе Тихоновке Таврической губернии. 1-е. Подано заявление бердянскому исправнику в феврале 1909 года. Исправник отнесся рапортом к таврическому губернатору от 23-го февраля того же 1909 года, что к удовлетворению в ходатайстве Балихина с его стороны препятствий нет. На этот рапорт таврический губернатор сделал следующее распоряжение: «Вследствие рапорта вашего высокоблагородия от 23-го февраля за № 991 даю знать для руководства и надлежащего распоряжения и объявления, что, так как на основании именных ВЫСОЧАЙШИХ указов, данных Правительственному Сенату 12-го декабря 1904 года, 17-го октября 1905 года и 17-го октября 1906 года, а равно и по разъяснению министра внутренних дел в циркуляре от 15-го мая 1905 года за № 20 отделившимся от православия сектантам предоставлено свободное исповедание их веры, отправление религиозных обрядов по правилам их вероучений и общественное богослужение, то для устройства религиозных собраний христиан-баптистов разрешения гу-

бернского начальства не требуется, и в отношении принадлежащих к этой секте лиц не должно быть применяемо никаких мер, стесняющих свободное отправление ими означенных общественных богомолений» — 1909 года 6-го апреля. А так как дом указан не был и после полученного разрешения нужно было заявить приставу о назначении дома, где предполагалось собрание баптистов, то пристав, не обратив внимания на вышеизложенное распоряжение губернатора, сделал надпись: «Я не разрешаю!» Тогда мне пришлось вторично заявить таврическому губернатору, и я в заявлении поместил: «ВЫСОЧАЙШИЕ указы разрешают, министерские распоряжения разрешают, губернские предписания разрешают, но пристав не разрешает». Губернатор вторично предписал: «Разрешить Балихину». Тогда пристав осмотрел дом, указанный для молитвенного собрания, и отослал свое заключение в уездное полицейское правление, а на меня, рассердившись, составил протокол за незаконное собрание и совращение православных, и это дело тянулось два года. Уездное правление признало, что дом не соответствует техническому требованию и отказало, ссылаясь на то, что житель того дома сам и его семья православные. Тогда мне пришлось в третий раз обратиться к губернатору и ходатайствовать, что в разъяснении министра внутренних дел от 9-го июля 1909 года за № 4007 сказано, что в частных домах назначение молитвенных собраний баптистов не требует ни разрешения административной власти, ни технического одобрения и просил устранить техническое одобрение и разрешить собрание в том же доме Воробьева. Губернатор предписал по указу Его императорского величества объявить Балихину, что причина отказа устраивать собрания — принадлежность Воробьева и его

семьи, живущей в том же доме, где предполагалось сектантское молитвенное собрание, к православной церкви. Правилom 4-го октября 1910 года о таких собраниях не предусмотрено, и потому не может служить препятствием к разрешению таковых собраний. (24 февраля 1911 г., №1551). Этот указ мне не был объявлен, и дело оставалось в неизвестности, и уже в декабре 1911 года пристав объявил, что техническое одобрение устранено. «А только вы должны подписать акт, что помещение это вами найдено подходящим». Я подписал и считал дело оконченным, но пристав акт представил исправнику Бердянского уезда. Исправник, узнав, что акт подписан мною не в Тихоновке, а в Астраханке, возвратил его обратно приставу. Нужно было всю эту процедуру переписать с большим терпением, и уже перешло за три месяца 1912 года, и 9-го марта я подал телеграмму с ответом исправнику, можем ли открыть собрание в Тихоновке? Прошло 11 дней, а ответа нет; я решил подать телеграмму губернатору: «Наступает великий праздник, собрание баптистов Тихоновке в доме Воробьева разрешения не объявлено, прошу ваше сиятельство разрешить», и 27-го марта сего 1912 года пристав привозит две телеграммы: одну от исправника от 13-го марта: «Моление баптистов в Тихоновке разрешаю» и вторую из Симферополя от 21-го марта: «Балихин, Астраханка, просит разрешения Тихоновке собрание баптистов доме Воробьева с моей стороны препятствий нет исполните предписание № 10788. Управляющий губернии Мосальский». По получении этого окончательного объявления 27-го марта 28-го назначено было открытие молитвенного собрания баптистов в селе Тихоновке. Братья все приняли горячее усердие, поехали на семи подводах, приехали туда, нас уже ожидало много пуб-

лики, устроили собрание, пропели молитву за Государя: «Христос Спаситель вечный Бог, храни Россию и Царя!» Я сказал слово о собрании, о доме и разрешении его и говорил речь на тему о Посланнике Первосвященнике, о Его доме, о храме и церкви (Евр. 3:1-6). В конце собрания пришел священник и прервал все наше богослужение и стал кричать, что «обманули, губернатора, здесь нет 25-ти», и всячески обзывал и дразнился против пения молитв, произносил самые грозные неподобающие слова, на что я ему говорил: «У нас в селе самый худший человек не умеет так говорить, как вы», а он говорил: «О вас везде очень плохого мнения и очень нехорошо говорят». Я ему ответил: «Христос говорил: "Горе вам, когда люди будут говорить о вас хорошо"». Он говорил: «Этого нет, вы не найдете». Я сказал: «Может быть, сразу и не найду, — и нашел, а потом обратился и сказал: — Слушайте!» и прочел: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их». Он тогда просил прочесть выше; я отвечал: «Мне не нужно выше; что вы требовали, я и прочел». Потом он просил: «Дайте я сам прочту». Я закрыл Евангелие и подал ему. Он схватил и говорит: «Вы уже закрыли, скажите, где вы читали». — «Ищите», — говорю я. «Я не могу найти, а учитель сказать не хочет». Я ответил: «Если бы вот публика спросила, я бы сказал, но вам, знатоку, я не скажу», и он не мог найти. Тогда говорит: «Вы человек уже немолодой и скоро умрете». Я ему ответил: «Я не умру». — «Как же так?» — «Да, верующие во Христа не умрут, а перейдут из смерти в жизнь». Он говорит: «А тело ваше останется здесь? А я бы очень был рад, чтобы ваше тело осталось здесь, а душа бы улетела в Астраханку, более было бы спасенья». После сего пропели гимн за

царя и закончили собрание. Свидетельствую всем, что хотя долго тянулось дело, но все же собрание в селе Тихоновке открыто! Слава Господу! Будем посещать почаще. О нарушении собрания заявлено исправнику. Надеемся, все обойдется, и там будет много братьев. За квартиру платим 50 рублей. Кто пожелает принять участие, будем благодарны. Там бы непременно нужно сделать свой дом, рублей в 1000 — и это Бог даст. 29-го марта священник ездил к земскому, и земской предписал старосте собрать сход, и на сходе священник просил постановить приговор и обратиться с ходатайством к губернатору о закрытии собрания баптистов в селе Тихоновке. Общество постановило приговор, а священник просил пасомых, если приедет Балихин, вывести его из собрания и посадить на подводу, а лошадей — кнутом, пусть едет. По донесению стражника, присутствовавшего на собрании, пристав командировал урядника, и 1-го апреля урядник производил дознание о собрании и нарушении его; что будет дальше, увидим, но дело затронуто серьезно, да будет все к славе Господа.

«Баптист». 1912. №8.

БАПТИЗМ И ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ ИСПОВЕДАНИЕ

Весьма серьезную опасность для господствующего исповедания со стороны сектантства представляет баптизм. Исповедание это заграничного происхождения. В Западной Европе и Северной Америке в самые последние годы баптизм сделал такие поразительные успехи, что его уже перестали там считать сектой, а признают самостоятельную церковь — одним из главных отделов западных исповеданий на одном ряду с католичеством и протестантизмом. Баптистские проповедники рассеяны по всем странам земного шара и всюду действуют с необычайной энергией и пользуются весьма большими успехами.

Почти одновременно с так называемой штундой баптизм проник и к нам в Россию, — именно в Новороссийский край. Первыми его последователями здесь явились русские и немецкие колонисты. Постепенно они втянули в свое вероучение находящихся у них русских рабочих. Затем к баптизму примкнули и некоторые из южных русских помещиков. В то же время

баптизм перекинулся на южные горные промыслы и каменноугольные заводы. Екатеринославская, Харьковская, Черноморская губернии и Северный Кавказ оказались во власти баптизма.

Одновременно с баптизмом в губерниях юго-западных и центральных распространялись другие подотделы рационалистического сектантства — штунда и пашковщина. Главнейшая догматическая основа баптизма, штунды и пашковщины одна и та же. Вера, что Христос раз и навсегда всех искупил, и для личного спасения необходимо только признать это и вести свою жизнь согласно евангельским заповедям. Обрядовая молитва, подвиги вроде иночества, пост, все церковное богослужение и преемственное священство этими сектантами признаются ненужными и решительно отрицаются. Не допускается ими поклонение святым иконам и святому кресту.

При основном сходстве между баптизмом, штундой и пашковщиной имеется, по крайней мере было, существенное различие. Особенно ясно выделяется баптизм. Он допускает водное крещение, руковозложение и преломление хлеба (в виде причастия).

В самое последнее время, в дни свобод все эти сектантские отделы объединились образовали одно общество под именем «евангельских христиан». Руководящая роль в этом объединенном сектантстве сразу же попала в руки баптистов. Благодаря крещению, руковозложению и преломлению хлеба они оказались более определенными в смысле обрядовом. Для других — штундистов и пашковцев — они сделали весьма важную уступку: признали, что водное крещение не обязательно и может быть совершаемо по особому желанию. Но эта уступка практически привела к тому, что число желающих принять крещение и руковозло-

жение, и совершать преломление хлеба все увеличивается. Это показывает, что все рационалистическое сектанство объединяется именно в форме баптизма. В настоящее время в Петербурге баптисты имеют 16 мест для своих молитвенных собраний.

Успешно они действуют и в Москве. Здесь их община насчитывает более 150 зарегистрированных членов и имеет 3 места для собраний. На всех этих собраниях в весьма большом числе присутствуют православные. В баптизм переходят уже некоторые из таких лиц, которые в самое недавнее время считались чуть-ли не столпами православных приходов. Начинают тяготеть к нему образованные интеллигенты и учащаяся молодежь, студенты и курсистки. Числясь православными по рождению, все они изверились в церкви, перешли в ряды неверующих, и вот теперь оказываются способными проливать слезы умиления и пылать великим религиозным воодушевлением на молитвенных баптистских собраниях. Таких фактов много, и они все увеличиваются.

Чем же объясняется такой поразительный успех баптизма?

Недавно мы были на баптистском крещении. Собрание продолжалось очень долго, с 8-ми часов вечера до 11-ти. Вот в чем оно заключалось. Общее пение под музыку духовных стихов, проповедь. Снова общее пение, после чего избранные девушки пропели несколько стихов одни. Снова проповедь и общее пение. Руководитель собрания обращается к крещаемым с несколькими вопросами: «Покаялись ли вы? Уверовали ли? Оправдались ли?» и т. д. Крещение в одно погружение, причем все поют:

«Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя» и «Слава Испытателю!» После крещения на каждого крещенного

были возложены руки (взамен миропомазания). Затем на простой тарелке был разломан простой белый хлеб и роздан крестившимся со словами: «Возьмите, едите все от него. Это есть Тело Мое». Был подан стакан красного вина со словами: «Возьмите, пейте от нее все. Это Кровь Моя».

И собрание разошлось с пением стиха: «Коль славы наш Господь в Сионе!».

Обрядность, определенный чин здесь налицо. Налицо также, пусть своеобразное, самочинное совершение трех таинств. Толки, что баптисты отрицают обряды, должны совершенно отпасть как решительно неосновательные. На самом деле их сила не в отрицании обрядов, а в чем-то другом. И вот что представлялось нам на этом собрании. В церкви господствующей обрядность погублена, искажена и обесмысленна. Народ отвергнут от всякого участия в церковном деле в храме, не имеет никакого права и никакого значения, кроме денежного источника. Народный дух возмущен этой богослужебной бессмысленностью, этой бестолковщиной и этим кощунством, в какое превратилось все богослужение. Народ ропщет на свое бесправие в церкви. Все это оттолкнуло его от церкви и пустило в дебри жестокого и беспросветного неверия. В баптизме он усмотрел другую обрядность, пусть и самочинную, но все же осмысленную. Почувствовал он здесь и свое право на совершение какого ни есть, но все же, по крайней мере, видимо Божьего дела.

И после трехчасового пребывания на баптистском собрании легко было увериться в одном заключении: да, господствующая церковь или должна возвратиться к старине, к осмысленности обряда, к признанию за народом церковных прав или же превратиться в цер-

ковь баптистскую. Иного выхода для нее нет и не предвидится.

*«Баптист». 1912. №14. С. 8-9.
(Заимствовано из журнала
«Церковь». 1910. №8)*

Василий П. Степанов

БЕСПЛАТНЫЙ ЗАЩИТНИК ДЛЯ ВСЕХ

Несколько месяцев тому назад в одном христианском собрании был возбужден вопрос: следует ли нашим братьям, состоящим под судом за религиозные убеждения, приглашать защиту?

По этому вопросу я теперь только могу сказать что-либо более существенное. Это потому, что мне самому на опыте по воле Божьей пришлось нечто пережить. А ведь когда что-либо переживаешь, то об этом и более имеешь понятия.

Теория без практики еще не делает студента профессором и воина героем.

Можно много распространяться, говорить и писать по вопросу защитников, быть за и против, но все это не так близко, если сам не пережил, то та же самая картина представляется совсем в ином свете.

Состоя под судом, я читал в журнале поднятый об этом вопрос, и, нужно сказать прямо, что на меня это действовало не настолько, насколько того хотелось бы от автора того или другого мнения.

Правда, были такие интересные сообщения, что некоторые наши братья, пригласившие защитника, были осуждены, а не пригласившие защитника были оправданы, но об этом говорили не сами пережившие это испытание, а кто-то со стороны, да при том же взоры были обращены не на то, что люди думают, а на то, что они переживают.

У меня было особенное стечение различных обстоятельств, обложивших меня кольцом, и своя арена борьбы — плоти с духом.

Тяжела эта борьба! Нет ничего трудней! Нет зверя опаснее, чем наша плоть, но зато нет большей радости для христиан как после одержанной победы над плотскими страстями и похотями, восстающими на душу.

Для того чтобы высказать мое мнение по вопросу защиты на судах наших братьев, я сообщу о моем личном деле, о многих переживаниях и тех мыслях Божиих, которые обнаружили в связи с моим делом.

Я далек был от мысли, чтобы приписывать по всем болезням один и тот же рецепт, ибо, возможно, что Бог меня ведет таким путем и допускает до таких испытаний, чего другой не переживает, и, несомненно, возможно, что к другому Господь применяет другие средства.

Иногда я думаю, что Господь даже снисходит к нам в наших слабостях и дает нам как детям то, от чего мы по некоторому усовершенствованию даже сами откажемся, и то, что нас раньше интересовало, теперь нам покажется странным иметь, и мы скажем: «Это только нужно ребенку».

Конечно, иногда и взрослый при некоторых обстоятельствах делается как ребенок, слабый и неопытный.

Начну с того случая. Злые люди нашли семь человек лжесвидетелей в одном селении — 18 верст от нашего села, которые согласились показать, что, когда я совершал водное крещение над верующими, то публично якобы поносил некоторые православные святыни. Ничего этого, конечно, не было, потому что я нахожу, что мы должны проповедовать Евангелие Христово, а не порицать освящаемые различными религиями предметы.

Дело было предано следователю, и я в скором времени был арестован и посажен в тюрьму. По прошествии некоторого времени за меня внесли братья по вере пять тысяч рублей залогу, я был освобожден.

Выйдя из тюрьмы, я встретился с одним моим близким другом — духовным и благословенным проповедником.

И ввиду строгой статьи и той опасности, которая мне грозила, мой друг порекомендовал мне знаменитого присяжного поверенного, хорошо ему знакомого.

Предложи мне о защитнике кто-либо из обыкновенных братьев и сестер, не особенно духовных, только мне кажется, я просто и прямо бы сказал: «Разве я этим не оскорбил бы моего Господа!» Но когда это предложение было от служителя Господня, то искушение было так сильно, что я не мог против него устоять.

Здесь мы можем вспомнить один библейский случай. Во время царствования беззаконного израильского царя Иеровоама, когда он в Вефиле устроил жертвенник, негодный Господу, Господь сказал одному человеку Божию: «Пойди в Вефиль и скажи там пророчество к жертвеннику, обличи нечестивого Иеровоама и вернись домой. Но только не ешь там хлеба и

не пей воды и не возвращайся тою, дорогою, которою ты пойдешь туда».

Человек Божий пошел, произнес пророчество к жертвеннику.

Иероваам с гневом простер правую руку к человеку Божьему и сказал своим слугам: «Возьмите его!» Но рука его одеревенела, и он не мог повернуть ее к себе, но по молитве человека Божия рука опять стала такой, как и прежде».

Тут царь предложил ему зайти к себе в дом, чтобы попить и поесть. Испытание большое — быть у царя в гостях, но человек Божий, зная приказания Господни: «Никуда не заходи, не ешь и не пей в той стране», свободно отстранил это приглашение, сказав: «Хотя бы ты давал мне полдома твоего, я не пойду с тобою», и пошел человек Божий другою дорогою, как сказал ему Господь.

В Вефиле жил один пророк-старец, который узнал от сыновей своих, что сделал в Вефиле проходивший человек Божий.

И, услышав об этом, он оседлал осла и пустился за ним в погоню. Догнав его, он спрашивает: «Ты человек Божий, приходивший в Вефиль!» Тот сказал: «Я!» И сказал ему старец: «Зайди ко мне, поешь хлеба». Тот говорит: «Я не могу, ибо Господь не велел», а пророк отвечает ему «Я такой же пророк, как и ты». Тогда человек Божий подумал: «Если и он — пророк, то, возможно, Бог изменил Свое намерение и переделал Свои планы; встал и пошел к тому человеку. И мы знаем, что он был жестоко наказан Господом за то, что не послушал Его голоса. И тот же самый пророк, воротивший его, изрек о нем пророчество, что Господь строго накажет его, и когда лев убил человека Божия на до-

роге то воротивший его пророк взял его и похоронил и сказал: «Увы, брат мой!» (3 Цар. 13).

Так случилось и тут: один проповедник предложил защитника; я, надеясь, что это ему Господь сказал, согласился.

Значит, мы должны хорошо знать, что искушение приходит нам не только от мира, но и от проповедников. На этом основании будем бодрствовать.

По получении повестки я писал защитнику, спрашивал его, получил ли он извещение от суда. Он ответил, что извещение получил, и спрашивает, сколько я намерен дать ему вознаграждения за защиту. Я ответил ему, что по недостатку средств могу предложить ему только сто рублей. Утвердительного ответа о его согласии не было и не было также отказа. За две недели до суда я вдруг получаю от защитника заказной пакет, в котором он возвращает все бумаги при подписи, что за такую сумму он защищать не может. С этого момента началась ужасная борьба в моем сердце, когда я получил все бумаги. В моей душе ясно послышался голос: «Бог не хочет, чтобы ты нанимал защитника». Мне вспомнились слова моей жены; она говорила мне: «Мне больно становится, когда ты говоришь о защитнике». Но я старался и на этот раз заглушить этот голос; я давал волю голосу плоти, который дрожал при мысли о суде и о тюрьме.

Мне представлялась моя семья и моя община...

Я чувствовал в своем сердце ужасную слабость. Я ощущал в себе самую страшную борьбу плоти с духом. Дух говорил: «Положись на Бога, Он не оставит тебя! Он ведь Сам сказал: "Когда поведут вас на суды, не заботьтесь, что говорить, ибо в тот час Дух Святой научит вас, что сказать"». Но для плоти этих доказательств казалось слишком мало; она усиленно настаивала

вала на своем, ища плотской опоры. Эта борьба была так сильна во мне, что потрясала все мое существо. Нервы совершенно расстроились, я не мог ни есть, ни спать; плоть превозмогла; молиться, как должно, я не мог, мне казалось, что молитва моя не доходит до Бога; они кривы, потому что я ищу защиту в людях, а молюсь к Богу. Я сознавал, что лицемерю. Это приводило меня в страшное изнеможение и духовно, и телесно. Я встретился с некоторыми моими братьями, которые за небольшим исключением советовали мне дать вознаграждение защитнику. На основании этого я пишу телеграмму и предлагаю двести пятьдесят рублей. Прошел день, два, три, четыре, а ответа нет.

Жена говорит: «Смотри, Бог преграждает тебе дорогу». Это меня успокаивает. Узнав, что в Саратове находится один мой друг, я шлю ему телеграмму с вопросом, нет ли там хорошего защитника. Через день получаю ответ, что друг мой выехал из Саратова. Шлю еще в одну станицу обл. Войска Донского; оттуда уведомили, что защитник уехал в Москву. Борьба во мне все увеличивалась. Дух говорил и нападал, но плоть не хотела сдаваться.

В это время приходит ко мне один брат и говорит, что нужно лично поехать в одну станицу, потому что писать уже нет времени, так как осталась всего одна неделя «Там, говорит он, есть один хороший поверенный; если он сам и не возьмется за это дело, то может рекомендовать хорошего защитника».

Мне очень понравилось; жена опять протестовала.

Наконец я решился; приказал сыну запрячь лошадей и отвезти меня на станцию. Дело было к вечеру, уже темнело, с тяжелым чувством простился я со своей семьей. Мне казалось, что я иду на какое-то преступление. Я ловил себя, бичевал судил, а потом оп-

равдывал. Неопределенность, как огненный червь, точила меня. Взяв с собой 14-летнего мальчика, я отправился на станцию; на пути еще заехал к одному брату, а потом поехал дальше. Не доезжая версты полторы до станции, я вижу, что мой поезд уже идет, а стоит он на станции всего четыре минуты; я был страшно поражен: «Неужели опоздаю?» Удивительно: часы у меня идут правильно, время я хорошо знаю, чуть ли ни каждый день приходится бывать на станции, и вдруг — опоздаю!

Тут же я услышал голос внутри: «Вернись!» Но плоть отчаянно закричала: «Погоняй, успеешь!» Эти несколько мину мне показались целою вечностью. Душа моя терзалась. Адские муки наполняли мое сердце, с каждой минутой я все яснее и яснее слышал голос Духа Божия: «Вернись!» А между тем я все продолжал спешить. Я находился каком-то забытии, как обезумевший, лез на стену.

Здесь можно было бы применить слова Валаама: «Говорит Валаам, сын Веоров, говорит муж с открытым оком, говорит слышащий слова Божии, который видит видения Всемогущего; падает, но открыты глаза его».

Я каждую секунду ждал суда Божия и стал молиться: «Боже! Если Ты не хочешь, чтобы я ехал искать защитника, останови меня явным образом, не допусти меня до станции. Возможно, что я успел бы, но Ты стал на моей дороге. Ты можешь сделать, что моя лошадь упадет, и другое что; у Тебя много путей!»

Я боялся, что у меня будет разрыв сердца: такое было напряжение. Теперь я смотрел на лошадь и ждал, что вот-вот она упадет. Я затаил дыхание и ждал...

До станции осталось саженой пятьдесят, поезд останавливается; по всему видно, что успею. Над моей

головой, что то нависло. Мне казалось, что я доехал до того пункта, где встречаюсь с Богом лицом к лицу. Смотрю на лошадь, жду.

Вдруг со всех ног она падает на правую оглоблю посреди лужи грязи, пытается встать, но напрасно. Оглобля придавила ей шею так, что жидкая грязь стала заливать ей уши и ноздри. Вижу — хрипит лошадь. Я вскакиваю, сбрасываю пальто и бросаюсь к ней на помощь. Лошадь бьется. Масса грязи была на мне; отпрячь удалось не так то скоро.

Смотрю в глаза лошади, и стало мне ее жалко. Заплакал я и сказал: «И за что я тебя мучаю? Прости мне мое безумие Не говори, я и так все понимаю». Отпряг, лошадь встала, смотрю в сторону поезда, вижу — поезд тронулся. Но я уже теперь об этом не жалел. Я не старался уже его больше догнать даже мыслями своими. Мне стало ясно как Божий день, что я навсегда должен бросить мысль о каком бы то ни было защитнике.

Теперь я стал взывать к Богу о прощении; до этого момента был костюм чистый, а душа грязная, теперь же костюм грязный, но зато в душе просветлело. Запряг я лошадь и поехал домой. Несколько минут длилось молчание. «Колюшка, — спрашиваю я своего сына-мальчишку, — что ты думаешь?

— Папа, — чуть ли не со слезами говорит ребенок, — Бог не хочет, чтобы ты нанимал защитника, а поэтому и остановил нас.

Приехали домой. Жена была на дворе. Увидев меня, она воскликнула: «Приехал! Не успел! Я так и думала. Ну, Слава Богу! Я боялась, что ты под поезд попадешь. Ни- как не могла подумать, что Бог тебя до защитника допустит».

— Да ты посмотри, какой я приехал-то к тебе, — говорю я.

— Что это с тобой? Где так ты ужасно выпачкался, — удивленно спрашивает жена. Я рассказал ей все подробно.

Все дети были рады моему возвращению.

Собрались мы все вместе, прочитали про Валаамову ослицу, потом встали все на колени. Никогда не забуду эту вечернюю семейную молитву. Я молился и раскаивался, и благодарил Господа. Я теперь передал Ему мои бумаги и дела. Молились моя жена и дети, даже самые маленькие: «Иисус, дай папе положиться на Тебя, защити его на суде, ведь он нам нужен».

Великая и неизреченная радость наполнила мое сердце, и полный покой водворился в моей душе; мне теперь казалось, что никакого суда и не будет. Я мирно спал всю ночь.

Встал утром, и вдруг — телеграмма от защитника из Харькова: «Могу рекомендовать надежного защитника за 240 руб.».

Жена смотрит мне в лицо, узнает содержание телеграммы; и говорит: «Ты колеблешься?» — «О, нет, говорю, эта телеграмма, наверное, по ошибке ко мне попала, перепутали адрес».

И действительно, оказалось, что эта телеграмма не мне, а кому-то другому; теперь мне только стало ясно, почему поверенный так долго не отвечал мне на ответную телеграмму: ему не велел Бог.

Ведь я нашел самого благонадежнейшего защитника. И Он будет защищать меня без всяких 240 рублей. Я удивляюсь, почему я не мог раньше этого понять. Теперь же я нашел самую великую драгоценность. Да простит Он меня, что я сих пор суетился, тратился, искал, оказалось что Он все время был возле

меня. В этом меня теперь разубедить никто не может, это для меня так ясно. После такого удивительного вмешательства Божия в мое дело я пошёл по многим домам братьев, чтобы рассказать все, что Господь со мной сделал. Вся наша община была в восторге от того чудесного усмотрения Божия. Это было как бы залогом оправдания.

Настало время прощания с семьей. Кто когда-нибудь переживал что-нибудь подобное, тот знает, что это значит. Разлука с семьей и разлука с милой, дорогой общиной.

Поехал я за сутки до суда. Затем прибыли и свидетели, которые по расположению ко мне захотели присутствовать на суде.

Утром 13 сентября после общей молитвы всех верующих, приехавших на суд, и после гимна «Ты помощь мне, Господь» и «Как скучно на сердце порой, когда я не вижу Христа», мы отправились на суд.

На этот раз пришло очень много народу. Это потому, что на 13 число были назначены два дела: во-первых, одного православного священника, привлеченного к уголовной ответственности за подложное духовное завещание и мое. Так как об этом все знали, то потому многие интересовались и зал и коридор были запружены народом.

Многие мои друзья и здесь предлагали мне защитников, приехав на суд по другим делам, но я был тверд в своем решении и был счастлив, что поручил дело мое самому благонадежному Защитнику из Назарета по имени Иисус.

Первое дело было окончено. Тут судебный пристав приглашает меня на скамью подсудимых. Я сел. Мне в эту минуту казалось, что я сел под какой-то страшный, черный колпак.

Но затем я стал молиться; так как я никогда не молился, вскоре я почувствовал, что как будто кто-то положил мне руку на плечо и тихо сказал: «Не бойся, Я с тобою». Усиленная моя молитва была в это время за свидетелей против меня.

И чудно, удивительно Господь сотворил. Сами обвинители сказали, что я не виновен. Господь внушил им говорить истину.

И так как наш закон невиновного не судит, и суд стоит на страже, и судьи совесть имеют чистую, незапятнанную, то мне нужно было ожидать присяжных заседателей, которые вопреки некоторым вынесли мне полное оправдание.

Для меня же лично все испытания, описываемые здесь и в «Друге молодежи», принесли великую пользу. Конечно, когда я их переживал, было тяжело.

Искренно благодарю всех, кто за меня молился. «Призванным... все содействует ко благу». Аллилуйя!!!

«Гость». 1914. № 1. С. 4-5; №2. С. 56-57.

Сергей Белоусов

МОЛОКАНСКОЕ КРЕЩЕНИЕ (Путевой очерк)

I. «Просим братьев прислать к нам в Дубовку проповедников и хор, много жаждущих», — так приблизительно писали нам наши братья из села Ново-Дубовки Карской обл. Воспользовавшись праздником Святой Троицы, мы в числе 5-ти человек выехали. На станции Маура нас ожидал фургон, и к вечеру, в субботу мы были уже в сообществе братьев и сестер.

Ново-Дубовская община — община молодая, созданная заботами тифлисских братьев, посещавших часто Ново-Дубовку; дело сначала пошло, но, как и всюду, корень зла проник в эту юную церковь; но благодарение Богу, кризис миновал. Во время нашего пребывания братья и сестры с восторгом делятся впечатлениями от посещения их братом Чечёткиным. Посещение его было весьма благословенно: 7 душ приняли в церковь; школьный зал, в котором происходили собрания, всю неделю был переполнен; на собрания шли и такие, которые прежде не могли равнодушно произнести слово «баптист». Вся Дубовка заволнова-

лась; пришлось писать в резиденцию молоканства в село Воронцовку прислать братьев спасать Дубовку, иначе вся уйдет к баптистам.

Помню, лет 5 тому назад нам пришлось крестить там несколько душ; крещение происходило днем, все село пошло за нами на речку, нам грозили дубинами, арестом и т. п., но благодарение Богу, все прошло благополучно, лишь несколько молокан не захотели снять шапок во время проповеди и молитвы. Здесь случайно находились солдаты и офицеры, которые с непокрытой головой смотрели на невиданную ими картину. Думаем, что и присутствие солдат и офицеров умерило пыл молокан, которые года два раньше до этого чуть не избили Павлова и его жену, которые спаслись бегством.

На этот раз все изменилось: шли тихо, при крещении молчали; не было ни выкриков, ни насмешек.

Начали привыкать...

После отъезда брата Четкина в Дубовку приехал молоканский «Илиодор» С. А. Королев.

Грубый, насмешник, хулител и гонитель — все это в широких размерах внедрилось в этом молоканском наставнике.

II. Село Ново-Дубовка расположена в балке, окруженной небольшими горами со всех сторон.

Версты за две до села вышли навстречу спасателю молоканства и при его приближении, низко поклонившись, запели псалом.

С восторженным лицом, подпоясавшись кушаком, с непокрытой головой стали приближаться к селению.

Трепещи баптизм! Молоканство идет.

Наши братья и наши друзья с интересом наблюдали за этой картиной.

«Подавайте сюда баптистов, крестителей, возмутителей, этих людей, торгующих «фальшивой монетой» — вопил он.

Вечером было собрание, пригласили и наших братьев на беседу.

Братья смело приняли вызов, надеясь на силу свыше.

— Братья! — вопит в буквальном смысле слова Королев, — слово — это орех, его нужно раскусить, да вот что.

Баптисты — обманщики; они предлагают вам монету, которая уже вышла из употребления; омовение или крещение — это ветхозаветный обряд; мы живем по Новому Завету, по духу, а не по букве; мы крестимся тоже, нельзя отрицать крещения, но вот вопросы, в каком материале мы крестимся? Баптисты крестятся в воде, а мы в Духе Святом. Вот что, дорогие братья и сестры, не слушайте их.

Когда один из наших братьев начал читать Евангелие, чтобы доказать, что крещение есть новозаветное установление, то его несколько раз перебивал Королев, — Смотрите, братья, он дойдет до «арапа» евнуха, а дальше не пойдет.

Но такие выходки порицались даже самыми благоразумными молоканами, успокоившими не в меру расходившегося Королева. Но истина восторжествовала; не желая слушать обличения и видя, что многие одобряют разъяснение наших братьев, Королев сорвал беседу, поднялся шум, стали кричать, чтобы расходились. Конечно, молокане «победили».

III. Но самое интересное и важное было после этого случая. У одного нашего брата жена долго сомневалась в крещении; сердце ее горело; она сознавала, что креститься нужно, но воды боялась; она и по-

добные ей не верили своим наставникам: «креститься нужно, если не в воде, то хотя в земле; а креститься нужно».

Но к этой мятущейся душе пришел Король, чтобы успокоить ее.

В просторную хату набралось битком народу, страдающая повторила свое требование, что креститься нужно хоть чем-нибудь.

Сердобольный наставник начал поучать «сбившуюся с пути».

— Сестра! нужно креститься Духом!

Но вдруг в его глазах загорелся огонь.

— Сестра! — вопил он, — иди сюда, я буду сейчас крестить тебя Духом Святым! Все смолкли, робкие затрепетали. «Что за кощунство», — воскликнули другие. Все же все растерялись, стихла и мятущаяся. «Иди же сюда», — звал Король.

Она вышла на середину и пала в ноги новоявленному крестителю.

— К а й с я, — приказывает Король. Слышен ужасный вопль. Король кладет на нее руки и читает какую-то молитву. Крещение окончилось, начали расходиться.

В этот день только и было разговору о крещении, но удивительнее всего было то, что ни один человек в селе не одобрил этой выходки: одни тихо, другие открыто возмущались. «Ведь так недалеко и до воды», — говорили некоторые, — креститься-то должны мы Духом, а не человеком».

После крещения Духом Святым, крестившаяся не успокоилась, вновь мятется, недовольная тем, что стала притчей во языках.

Еще на беседе Король на вопрос, какое ваше крещение, ответил очень неудачно. Он, как и при кре-

щении, закричал не своим голосом: «Дайте мне бумагу и чернила!». Ему подали и он написал: «Мы духовные христиане крестимся Духом Святым. Аминь. Степан Алексеевич Королев».

— Теперь напишите вы, как крестите вы, — обратился он к нашему брату

— Я не напишу, так как это уже написано в Евангелии, — ответил очень удачно брат, — а вот вы непостоянны; вчера говорили, что буква убивает, а сегодня пишете на бумаге, как вы крестите.

Королев смущен. «Так его!» — раздаются голоса, — «Довольно кружить-то нами». Поднялся шум.

— Ну что, братья, доказал я? — шумит зычным голосом Королев.

— Спаси Господь, доказал, — отвечают сидящие около стола, ну и расходитесь.

Проводы победителя носили уже не такой торжественный характер. Победитель пишет в Воронцовку братьям: «Слава Богу, победил, вернул всех», а в это время воронцовские братья вслед за этим радостным сообщением читают письмо из Кишинева: «Спасибо вам за помощь, дом выстроили, но он порожний, все ушли к баптистам».

«Как какая плотина; в одном месте заткнешь, она прорвется, в другом», — негодуют старцы.

IV. Помню, как при появлении в журнале «Баптист» статей «Молоканство» и «Антиох» молокане возмущались дерзким тоном статей, хотя они были правдивы. Это было года два назад. Между тем на этих днях в Дубовке при пробуждении грешных душ во время пребывания брата Чечеткина одна молодая женщина была избита в кровь за то, что вздумала креститься, но ее еще и не принимали, знали только, что она пробуждена.

Но я бы советовал не волноваться, а спокойно взвесить все изложенные здесь факты, обратить внимание на таких господ, как Королев, которые своими дикими выходками оказывают медвежью услугу современному молоканству.

Мы знаем много порядочных и добросовестных, искренно убежденных молоканских старцев; нам жаль, что в их рядах находятся подобные мечтатели.

Но верим, что не все молокане относятся враждебно к нашим братьям; напротив, наших любят и уважают больше своих. А вот и факт: в этом же селе была открыта общественная лавка, которая в течение, кажется, трех лет была закрыта, так как оказался дефицит в 2500 руб. Учитывать и проверять лавку были приглашены наши братья.

Есть в этом селе и ссудо-сберегательное товарищество, распространяющее свое действие и на несколько окрестных сел, и на общем сходе в председатели этого товарищества и в казначеи избраны опять-таки наши братья.

Из этого видно, что не все молоканство смотрит на баптистов с точки зрения Королева.

«Как бы ни заблуждались баптисты, — говорят они, — но они не возьмут ни одной чужой копейки».

Конечно, бывают исключения.

Во время нашего пребывания молокане охотно посещали собрания, но запрет ходить к баптистам возымел свое действие: большие собрания были только ночью, а днем не все шли в собрание.

Думаю, нашим братьям, стоящим во главе, следует обратить внимание на пробуждение этой холодной в буквальном и духовном смысле области и послать к осени благовестников, чтобы поддержать загоревшийся огонь.

Наша община в Дубовке состоит всего из 17-ти душ. Все братья и сестры живут тесной братской любовью, все поют и молятся с большим оживлением; Господь да благословит их и труд их во славу Свою.

«Бантист». 1912 г. №10.

И. И.

КАК Я ОБРАТИЛСЯ КО ХРИСТУ

Родился я от православных родителей, которые были люди религиозные и набожные, особенно мать; она учила меня с детства молитвам. Как я стал помнить, к нам в дом собирались иногда вечерами под праздники соседи и родственники молиться; родитель мой становился перед иконами, где зажигалась лампада и восковые свечи, и читал псалтирь или акафисты, и все, творя крестное знамение, молились и поклонялись пред иконами. Иногда он заводил гулянье, кроме свадебных еще пьяные компании, но мать всегда была против этого; отец не слушал ее, и мы, дети, тоже приращены были к нехорошей жизни и шли пространым путем, который ведет в погибель. Но Господь Духом Своим напоминал с раннего детства и внушал страх и ужас вечной муки, но как избавиться, не знал исхода. Однако Он нашел средства и причины.

У нас были разные книги, но что важнее всего — было Евангелие, которое указало нам путь спасения и дало спасение (1 Кор.15:1-3; Ин.14:6). В раннем детстве меня выучили грамоте, чему я особенно радовался, и душа моя жаждала истины; родители меня часто за-

ставляли читать Евангелие, а более мать; она же слушала, и слезы умиления катились из ее глаз. У нас был работник, который читал Евангелие и дал первый толчок к познанию истины, хотя не вполне. Указал на многое, что было не согласно с Евангелием, и мы в простоте сердца разбирали Писание, точно-ли это так (Деян. 17:11; Ин. 5:39; Мф. 22:29). Так как отец купил нам и Библию, из которой мы увидели, что спасение искать и получить можно только чрез Христа, и что никому не должно молиться и поклоняться, кроме Него в трех лицах (Деян. 4:11-22; Ис. 45:22; 1 Ин. 2:1-2; Евр. 7:25; 1 Тим. 2:5).

У нас в селе были штундисты, детокрещенцы. Мы были убеждены, что они стоят в истине; у них были хорошие старцы, особенно выделялся своей ревностью один; он посещал наше семейство и как мог проповедовал Слово Божие и пел из «Голоса веры», что на нас действовало благотворно; кроме того штундисты, которые именовали себя «евангельскими христианами», получали откуда-то духовно-нравственные брошюры; «Рай и ад», «Застигнутые врасплох», «Пшеница или солома», «Примирился ли ты с Богом?» и т. п. Эти брошюры оказали нам большую услугу, они проливали хороший свет на Евангелие (эти брошюры имеются у нас и теперь). Я думал, что как в этих брошюрах объяснялось и как в песнях «Голос веры» выражалось, так они и веруют; но, узнав впоследствии, что это распространяют и так веруют баптисты, о которых мы тогда и не слыхали, детокрещенцы же не имеют уверенности в спасении и в жизни вечной, которую мы имеем во Христе. Мне суждено было быть присоединенным в начале обращения к ним. Это было так: боясь смерти в грехах, а грех все более и более поработал меня, я дожил до 18 лет и уже был же-

нат. У меня было два брата старше меня и один моложе и еще моложе сестра. У нас умерла мать, милая моему сердцу, и, когда ее по обряду православному соборовали, она сказала, что на ней нет креста, и на нее его надели ради священника. Она умела петь песнь: «Я есмь овца Иисуса, Он Пастырь добрый мой» — и пела; я верю, что она действительно была «овца Иисуса». Когда она умерла, Господь подействовал на мое сердце: я особенно стал думать, где буду вечность проводить. Читал по умершей, но основательно был убежден, что ей после смерти все это ничто не поможет (Лк. 16:26; Евр. 9:27; 2 Кор. 5:10; Отк. 14:13; Ис. 39:8). За чтением я плакал и молился, чтобы Господь избавил меня от грехов и от погибели. В это время еще у старшего моего брата померла единственная дочь, и, видно, Дух Божий одновременно действовал и в его сердце. Прошло после смерти матери недель пять, и мы, узнав, где собираются детокрещенцы, я и двое братьев старше меня в первый раз пошли к ним на собрание. Сколько было раньше препятствий от сатаны, плоти и ложного стыда, но тут Господь помог все преодолеть, и я со старшим братом возложили руку на плуг, чтобы никогда назад не оглядываться, но идти вперед (Лк. 9:62). И хотя плуг, т. е. община и церковь, к которой мы присоединились, была несовершенна, и к баптистам пришлось перейти на втором году после, но, не узнав лучшего, и это было хорошо: стихи пели тогда из «Голоса веры» и «Любимые стихи». Средний брат не решился в этот раз оставить пространный мирской путь и остался, как он сам говорил: «догрешить», а мы усердно пошли вперед за Христом, посещали собрание, молились в собрании и дома и читали Евангелие, не боясь противников, но уверенности в спасении не получили, хотя и близко к этому были, потому что

нам это не внушали и не объясняли, так как они сами этого не имели, разве один только тот из них, который нас посещал. По открытии весны мы приняли по их обряду крещение в реке и полагали по их и по нашему непониманию, что при крещении получается прощение грехов и возрождение. Но что было особенно важно, Дух Божий дышит, «где хочет», и видит преданные Ему души. По принятии крещения пришли в дом и стали петь: «О, Боже, здесь видит меня всезрящее око Твое, что я уж решил для Тебя пожертвовать сердце мое», и я ощутил в себе что-то необъяснимое, радостное, как будто хор неземных голосов, соединившись, пел в моей груди. Прожив с год, нам стало слышно, что есть христиане, которые младенцев не крестят, но крестят только верующих и недостойно живущих отлучают, чего у штундистов нет, и что более живут по Евангелию, и что верстах в тридцати от нас из штундистов перешли в баптизм и приняли крещение человек 17. Мы жаждали свидания с ними; и Господь послал; они приезжали и проповедовали у нас в собрании и в частных разговорах, точнее объяснили нам путь Господень (Деян. 18:26), и мы тоже стали ездить к ним. К этому времени и средний брат наш пробудился от сна, оставил путь греха, и мы трое начали действовать вместе. Старший брат, первый мой спутник, был давно телесно болен, и Господу было угодно его отозвать к Себе в вечность — он умер скоропостижно. В последнюю ночь, он видел во сне сонм ангелов, и он сказал мне, что получил утешение и желал принять крещение, но не дожил до этого. Верю, что он с Господом (Лк. 23:43). Но как Господь печется о Своих! Вместо него Господь дал другого спутника — среднего брата, с которым мы стали подвизаться за веру евангельскую (Флп. 1:27). Господь исполнил

Свое обещание, услышал наши молитвы: в одно благодатное утро, это было в понедельник, в июле месяце при восходе солнца меня разбудили на работу, и я, встав от сна, преклонил колена, вознес тихую молитву к престолу благодати и, встав от молитвы, стал выходить из комнаты, и Господь посетил мое сердце, что я принят Господом, и я весь день радовался. Господь положил конец моим сомнениям, и я стал об этом свидетельствовать. Бывшие братья штундисты стали над этим смеяться и называли меня фарисеем. Господь же одновременно подействовал и на сердце моего брата, и мы с ним вместе поехали к баптистам приняли крещение и, как евнух, едучи домой, радовались (Деян. 8:39).

Приняв баптизм, мы стали распространять оный, но пришлось встретить много препятствий. Мы проповедовали сначала в собрании штундистов, но, как я уже сказал, они не хотели слушать: но все же некоторые стали принимать: один старичок лет 75, первый вскоре уверовал и крестился. Когда же нас вытеснили из собрания, то мы у этого старичка стали собираться отдельно, и Господь стал благословлять наше собрание. Стали к нам от них переходить получать возрождение и креститься, а наконец и их пресвитер, и его жена также перешли. Затем многие стали видеть, что мы находимся в истине, и присоединялись к нам, хотя многие и противодействовали нам, и многих отклонили. Брат, моложе меня, который был певчий, устроил у нас хоровое пение; его приглашали и посторонние общины, но теперь он слаб здоровьем, хотя и не перестает трудиться вместе с нами: проповедует в собрании. Наши жены теперь все верующие и некоторые из детей тоже. Теперь у нас община из 46 членов, и еще есть приготавливающиеся быть членами.

Этим сообщением я хотел, чтобы кто еще не обратился до сего времени, обратился и испытал радость и счастье, которое Господь дает Своим. А кто обращен, чтобы старался начатую жизнь твердо сохранять до конца (Евр.3:14). Побеждающий наследует все (Отк. 21:7).

С искренним приветом меньший из всех брат во Христе. И. И.

«Бантист». 1912. №6. С. 20-22.

А. А. Н-ОВ

МОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЩЕНИЕ КО ХРИСТУ

1. Мое воспитание

*«Воспитывайте [детей ваших]... в
учении и наставлении Господнем»
(Еф. 6:4)*

Отца своего я лишился, имея около 6-ти лет. Под властью отчима, принятого в зятя к моей матери, мне пришлось быть недолго, потому что на 8-м году я начал ходить в школу и потому проводил жизнь под руководством своей бабушки.

Моя бабушка не была матерью моего отца, но была его воспитательницей с того времени, когда он 7-летним мальчиком был насильно отобран от своих молоканских родителей, отправленных этапным порядком в ссылку в Закавказье за свои религиозные убеждения. Окрещенный в православной церкви, воспитанный в православном вероучении, женатый по

обряду православной церкви, мой отец имел уже несколько детей, когда в это время в нашем селении Зном появилось новое учение среди сектантов: образовалась новая община под названием крещеных молокан, или евангеликов (детокрещенцев). По Божественному провидению моя бабушка и мой отец тоже были увлечены волной этого религиозного движения, и в один прекрасный день вся наша семья была в числе других «новообращенных» присоединена посредством водного крещения к евангелической общине. Я был крещен 4-летним мальчиком, и мой отец года через два после этого умер.

Учение евангеликов, каковым оно было принято вначале от В. И. Финогенова (основателя евангелической общины в селе Пришиб Астрах. губ.), конечно, не помогло пролить полного света на Божественные откровения, т. к. почти вся суть спасения сводилось к крещению и преломлению; но во всяком случае это был уже большой шаг вперед по пути познания евангельской истины; к тому же, ежегодные посещения вновь образовавшихся общин незабвенным тружеником Як. Дел. Деляковым, который, хотя до некоторого времени и отстаивал крещение детей, но вместе с тем учил вере в оправдание от грехов через заслуги Иисуса Христа, а также, изданные в то время В. А. Пашковым и получившие широкое распространение книги и брошюры духовно-нравственного содержания служили средством расширения духовного кругозора последователей евангелического учения.

Переход из православия в евангелическую общину для моей бабушки имел очень важные последствия; это было для нее в некотором смысле «новым рождением» — проводимая ею до того «по обычаю мира сего» жизнь ее совершенно преобразилась со времени

перехода в евангелическую общину. Едва ли во всей общине были более благочестивые по жизни и более ревностные в посещении собраний и т. п. члены, чем она, 60-летняя старушка, не умеющая ни читать, ни писать. Но весь свой запас знаний она употребляла на мое просвещение и религиозно-нравственное воспитание, которое я мог бы назвать «библейским воспитанием». Еще до школьного возраста она «читала» мне «лекции» по истории Ветхого и Нового Завета; каждое утро и каждый вечер она обязательно приглашала меня с собою на молитву, которую всегда произносила вслух, часто с преклонением колен; каждое воскресенье до обеда и после обеда, а также в субботу вечером водила меня с собою на собрание, где я приобретал навык к пению и детским сердцем воспринимал евангельские наставления, преподаваемые проповедующими братьями, и у меня еще с тех пор зародилось в душе желание сделаться со временем проповедником Слова Божия. Особое впечатление производили на меня проповеди Як. Делякова, от времени до времени посещавшего нашу общину; сколько его проповедей (конечно, главные мысли только) и до сего времени сохранились в моей памяти, хотя с тех пор прошло около 30-ти лет.

Когда я в школе научился несколько читать и писать, моя бабушка купила мне множество духовных брошюр, содержание которых и теперь не изгладилось из моей памяти: несмотря на слабую сравнительно память, я почти мог бы теперь в подробности передать читанные мною тогда рассказы, например, «Как был завоеван яблоневый двор», Улица богомольцев», «Благодатное дитя» и проч. Были также у меня и сборники песней: «Любимые стихи» и «Голос веры», а когда мне исполнилось 12 лет, она купила у Якова Де-

лякова Библию, которую тот привез в числе других, нескольких экземпляров из Петербурга. Эта драгоценная книга была моей наставницей по смерти моей бабушки (умершей года через два), провела меня благополучно чрез мятежное море юности; служила моим утешением во дни испытаний и скорбей; она и теперь, вся в подчеркиваниях и заметках на полях, занимает первое место в моей маленькой библиотеке и служит для меня каждый день и хлебом для питания души и обоюдоострым мечом для победы над врагом. Благословен тот час, когда я получил эту книгу из рук своей бабушки как подарок, не теряющий ценности, на всю жизнь обладающего оным! Молил бы я Бога, чтобы Он вложил в сердца всех верующих родителей желание в возможно раннем возрасте своих детей начинать преподавать «библейское воспитание», если они хотят чтобы их дети были не только порядочными людьми, но и деятельными христианами.

О полезности раннего ознакомления со Священным Писанием я по благодати моего Господа могу судить по собственному опыту: прочитав с 12-ти до 16-летнего возраста 4 раза всю Библию подряд (кроме многократного чтения отдельных книг и глав), я в 17 лет по присоединении к общине баптистов мог стать уже в ряды проповедующих в собрании братьев; в 21 год, когда в общине случилось избрание старших братьев, был избран в звании «служителя», и тогда же на меня возложена была обязанность руководить воскресной школой, в каковом служении Господу угодно было оставить меня до последнего времени т. е. в продолжение около 18-ти лет. Я здесь не намерен перечислять другие виды моего служения, которые Господу угодно было меня как орудие Его святой воли от времени до времени употреблять, за что: «не нам, Гос-

поди, не нам, но имени Твоему дай славу», но тем, о чем я счел нужным здесь упомянуть, я хотел только показать, что может дать в предстоящей христианской жизни полученное в детстве «библейское воспитание»; другими словами: возбудить ревность в сердцах христианских родителей к своевременному просвещению своих детей познанием Слова Божия. Молодым же юношам, предпочитающим Библии другие науки, я хотел бы сказать: никакая в свете наука не может дать того, что дает Библия. Другие науки могут доставить знание, славу, но наивысшее знание заключает в себе только Библия, и наивысшая слава предназначена только тем, которые руководятся учением Библии; другие науки могут доставить возможность сделаться полезными гражданами своей страны, но только последователи библейского учения могут иметь право на звание «царственного священства», и они, только они одни имеют право приступить «ко граду Бога живого» и быть «гражданами» небесного Иерусалима; другие науки могут послужить средством к достижению беспечального состояния, обладания богатством, которое и при жизни не всегда бывает надежно и прочно, а при смерти обязательно остается абсолютно бесполезным, тогда как верующие по учению Библии имеют на небесах сокровище не ветшающее, где ни моль ни ржа не истребляют и где воры не подкапываются и не крадут; одним словом, другие науки могут дать хотя и видимое, но при том временное, Библия же дает невидимое, но зато вечное.

2. Мое обращение

*«Грешник должен покаяться,
обратиться или погибнуть» (из
проповеди Я. Д.)*

Находясь под впечатлением слышанных мною поучений и примеров благочестивой жизни некоторых окружающих меня людей, я с самого детства имел стремление к жизни благочестивой, занятиям религиозным. Но, по мере того как я стал приходить в возраст, мой внешний человек начал одерживать верх над внутренним, и мало-помалу мое сердце втайне покорено было грехом. В глазах окружающих я все еще мог казаться благочестивым и религиозным юношей и со стороны старших братьев общины пользоваться уважением за свое знакомство со Словом Божиим и некоторые другие качества и потому считался полезным членом общины, тогда как душа моя томилась под тяжестью сознания своей греховности и предстоящей гибели!.. С непостижимой силою и ясностью звучали во мне слова, слышанные в детстве от Якова Делякова, когда он в проповеди приводил отрывок одной сирийской песни, главный смысл которой заключался в словах: «грешник должен покаяться и обратиться или погибнуть!..» Это был голос Божий, призывающий меня к покаению и обращению и угрожающий в противном случае гибелью. Я ясно сознавал свое положение, т. е. что я не обращенный грешник, и в то же время не находил в себе достаточно силы, чтобы «обратиться», т. е. совершенно порвать связь с грехом и всем сердцем раз навсегда отдаться Христу. Сознывая себя вследствие сего неизбежно погибшим, я ужасался этой страшной мысли,

вспоминая слова другого проповедника, приехавшего из Ленкорани, старца Ник. Ив. Северова, который в проповеди рассказал случай обращения одного человека вследствие слышанного им в собрании слова проповеди: «Страшно впасть в руки Бога живого».

Осенью 1887 года, когда мне было около 16-ти лет, нашу евангелическую общину посетил слепой проповедник, приехавший из Турции, по имени Малхаз, армянин. Обладая необыкновенною памятью и замечательною способностью в истолковании Священного Писания и проповедующий учение, близкое к баптистскому, хотя в некоторых пунктах отличающееся от последнего, он имел в нашей общине такой успех, что основал отдельную общину из членов, принявших от него крещение, в числе которых оказались и пресвитер с одним из своих ближайших помощников.

Провидение Божие не допустило меня до присоединения к Малхазовской общине, хотя, конечно, равнодушно к этому явлению я не мог относиться, т. к. разделял взгляды тех членов, которые к этому времени успели уже убедиться в бесполезности детского крещения. Это обстоятельство главным образом и содействовало его успеху и при том же он прибыл к нам под чужим флагом, т. е. под баптистским. Спустя 6 месяцев после приезда Малхаза к нам явился «настоящий» и при том выдающийся по силе баптистский проповедник из гор. Владикавказа Егор Максимович Богданов, имея спутником молодого человека брата Василия Григорьевича Мамонтова.

Из состоявшихся нескольких очень важных по сущности и интересных по способу отстаивания своей точки зрения каждым из собеседников — Богданова с Малхазом — бесед (это был настоящий богословский

диспут) выяснилась исключительная истинность баптистского вероучения. Малхаз, боровшийся не на жизнь, а на смерть за свои убеждения и за существование основанной им юной общины, был побежден несокрушимою логикою Богданова. Последователи Малхаза должны были признать, что поступили опрометчиво, приняв от него крещение, а остальные члены евангеликов молча должны были согласиться с неопровержимыми доводами баптистского проповедника. Лично для меня было очень легко принять учение баптистов, так как детского крещения я уже давно не признавал, а также и избежал присоединения к Малхазовской общине, но для меня главный вопрос заключался не в «учении» и не в убеждении, а в том, что я не имел мира с Богом... Я мог усвоить из проповедей и бесед баптистских проповедников (Богданова и Мамонтова) мысль, что «верующий в Сына Божия имеет жизнь вечную», но такой веры я не имел.

Однажды Вас. Григ. Мамонтов обратился ко мне с вопросом: «Веришь ли ты, что грехи твои прощены?» Я ответил: «Верю». «Искренно ли так веришь?», — повторил он свой вопрос — я опять ответил утвердительно. «Сколько времени ты так веришь?», — спросил он в третий раз. Я ответил, что с год. Слышав мои ответы на вышеуказанные и другие вопросы В. Г. Мамонтова, Е. М. Богданов сказал присутствующим старшим братьям, что «таких можно крестить», — но мне в эту минуту так сделалось стыдно своих неискренних ответов, что я не мог больше ни говорить, ни смотреть открыто на братьев. А когда меня спрашивали о моей вере, мне было стыдно признать себя «неверующим». Во всяком случае эти вопросы послужили мне во благо в том смысле, что, во-первых, я понял, что можно иметь «уверенность» в прощении грехов, и

во-вторых, можно знать время прощения грехов. Потом мне пришлось слышать проповедь Е. М. Богданова в молоканском собрании на тему «о рождении свыше» из Евангелия от Иоанна 3 гл., и когда он произнес слова: «Я знаю день и час моего рождения свыше, и каждый из вас также должен это знать», меня точно озарил внутренний свет, и я ясно увидел путь, который должен привести меня ко спасению. Но это было все-таки только «познание» пути спасения, но не было «получением» спасения. Во всяком случае, это было для меня поворотным пунктом, с которого я направился прямо к цели — ко Христу с неизменным желанием и бесповоротным решением вымолить себе «прощение грехов» и быть «рожденным свыше» от Духа Святого. Но, как некогда для Иакова, прежде, чем получить «благословение», пришлось бороться с Богом всю ночь «до появления зари» (Быт. 32:24-30); он «плакал и умолял Его» (Ос. 12:4), так и мне пришлось выдержать девятимесячную борьбу... Я калялся и молился, но освобождения не получал. Наконец в последней молитве, в которой я решил не отступать от Господа пока Он «примет меня», я решительно сказал Ему: «Ты видишь, Господи, я всем сердцем отдаюсь Тебе, и хочу быть Твоим вовеки, но если Ты не примешь меня, я погибаю».. Это не была обыкновенная молитва, это был крик исстрадавшейся души; больше я ничего не мог сказать и... стал подниматься с колен, но в это мгновение Мир Божий сошел в мое сердце... Я получил прощение грехов... Я был «рожден свыше»... Я почувствовал тогда себя как бы восхищенным до третьего неба и слышал неизреченные слова Христовой ко мне любви. От радости моего сердца я до самого вечера не умолкал в благодарении Господу и пел хвалебные гимны моему Искупителю. И если бы

теперь меня спросили: «Веришь ли ты, что грехи твои прощены», я с радостью воскликнул бы: «Не только верю, но и знаю». «Знаю, что я был слеп, а теперь вижу», — сказал исцеленный Христом слепорожденный. И сказал так потому, что испытал на себе дело исцеления. Со мной произошло то же самое: я был согбен под бременем тяготившего меня греха, но я почувствовал прикосновение любящей десницы Иисуса, которою Он снял с меня грехи мои и бросил их за хребет Свой. И если бы потом меня спросили: «Когда это произошло?», я ответил бы: «1888 года 15 ноября в 12 часов дня я был рожден свыше и перешел от смерти в жизнь». Размышляя о том, почему Богу угодно было так долго медлить и не давать мне освобождения, я прихожу к тому убеждению, что этим Бог хотел дать мне почувствовать всю тяжесть жизни без Бога, не имея мира в сердце, и чтобы я, измученный, в душе сознанием греха, не мог уже более решиться когда-либо вновь вернуться на этот путь, как некогда израильтяне, освобожденные и выведенные из Египта, обратились сердцами своими в Египет. За всю любовь моего Господа ко мне и за премудрые пути, которыми Он привел меня к Себе, да будет Ему вечная хвала.

Спустя 2 месяца после своего обращения именно 31 января 1889 года я вместе с другими желающими исповедать пред многими свидетелями свою веру в Господа Иисуса был присоединен чрез крещение к 3-й баптистской общине. С тех пор прошло около 23-х лет; за все это время Господь, верный Своим обетованиям, хранил меня Своею благодатью, и я верю, что Он сохранит меня до конца моих дней, и никто не похитит из Его всемогущей руки.

Гор. Павлодар. Январь 1912 г.

«Банник». 1912. №2. С. 10-13.